

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Важное звено в системе
советской общественной науки

Дружба советского и китайского народов
имеет свою историю и традиции

Развитие внешнеэкономических связей МНР

Война во Вьетнаме
и дипломатическая борьба

СССР и Филиппины: хорошее начало

4
1976

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

4 [20] 1976

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

- Важное звено в системе советской общественной науки
3 *М. И. Сладковский*

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции
15 *О. Б. Рахманин*
- Развитие внешнеэкономических связей МНР
30 *Д. Гомбожав (МНР)*
- Война во Вьетнаме и дипломатическая борьба
39 *М. С. Капица*
- Юго-Восточная Азия: особенности современного положения
59 *Ю. И. Юрьев*
- Япония — Южная Корея: тенденции развития отношений
68 *Ю. М. Михайлов*

ИДЕОЛОГИЯ

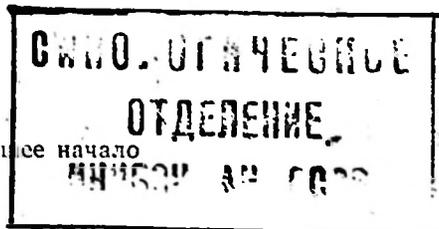
- Проблемы национализма в современной Японии
81 *Б. В. Поспелов*

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- Основные направления исторических исследований советских ученых-дальневосточников
96 *А. И. Крушанов*
- К 90-летию со дня рождения Чжу Дэ
112 *А. С. Титов, В. В. Арунов*
- Как в Россию проникали первые сведения о Японии
122 *К. Е. Черевко*

КОММЕНТАРИИ

- СССР и Филиппины: хорошее начало
131 *Н. Н. Дмитриев*

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 136 Великое наследие уйгурского народа
А. А. Валигова
- 144 Пути реформы письменности в Китае
М. В. Софронов
- 153 Русско-китайские литературные связи
М. Е. Шнейдер

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 162 Начало борьбы китайского народа против колонизаторов
В. Н. Никифоров
- 164 Танцзаки Дзюньтитро и японская национальная традиция
Л. З. Эйдлин
- 167 Строфы из граненой яшмы
Л. Е. Черкасский
- 169 Исторический путь борьбы и побед
В. А. Маринов, Я. Н. Пивоваров

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 173 Важная веха в истории европейской синологии
В. Ф. Сорокин
- 176 За мир, безопасность и сотрудничество в бассейне Тихого океана
Д. Т. Капустин

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 182 70-летие члена-корреспондента АН СССР
М. И. Сладковского

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АС-
ТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕН-
КО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Важное звено в системе советской общественной науки

К 10-летию со дня образования Института Дальнего Востока АН СССР

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР,
директор ИДВ АН СССР*

В конце 1976 г. исполнилось десять лет со времени учреждения в системе Академии наук СССР Института Дальнего Востока. Организация этого специализированного научно-исследовательского института была подготовлена всем предшествовавшим развитием востоковедческих исследований в нашей стране, которые имеют вековые традиции. Не случайно и то, что создание Института, в котором должны быть сосредоточены основные исследования в области китаеведения, японоведения и изучения других стран Дальневосточного региона, произошло именно в 60-е годы.

Эти годы явились периодом бурного развития востоковедения во всех развитых странах мира. Процесс освобождения и быстрого подъема после второй мировой войны стран Азии и Африки, вступавших в качестве равноправных членов в международное содружество, и переход многих из них на социалистический путь развития или к политике социалистической ориентации диктовали необходимость повысить внимание к проблемам этих стран.

Особое значение приобрело изучение Дальнего Востока, где находятся самая крупная по населению страна мира — Китай и одно из самых развитых государств современного капиталистического мира — Япония. В этом же регионе после второй мировой войны произошел мощный подъем национально-освободительного движения, приведший к освобождению ряда стран от ига империализма и к развитию некоторых из них по социалистическому пути. Все эти явления требовали глубокого исследования с марксистских позиций.

Отвечая назревшей потребности, руководящие советские научные органы приняли меры к расширению и углублению изучения в СССР зарубежного Дальнего Востока. Институт Дальнего Востока явился преемником и продолжателем традиций русской и советской школ в области изучения стран Дальнего Востока, традиций, проникнутых

гуманистическим и интернационалистским духом. В центре исследовательской деятельности русских и советских ученых всегда было изучение одного из ближайших соседей Советского Союза на Дальнем Востоке — Китая.

Советское китаеведение — комплексная наука, входящая в систему общественных наук, развиваемых в нашей стране. В своем становлении оно базировалось на трудах большого отряда синологов дореволюционной России.

Китаеведение в России возникло и развивалось под непосредственным воздействием политической и экономической практики русского и других народов, входивших в состав Российской империи.

Русской школе китаеведов, ее ведущим представителям всегда были чужды расистские взгляды, широко распространенные в западной буржуазной синологии. Русские ученые рассматривали современную им действительность Китая и его прошлое с позиций глубокого уважения к талантливому и трудолюбивому народу, сочувствия к его страданиям, вызванным господством империализма и внутренней реакции. Девизом русских китаеведов могут служить прекрасные слова академика В. М. Алексеева. «Всей своей будущей деятельностью,— писал он в 1907 г.,— я хочу всячески расширять русло, соединяющее культуру Китая с нашей культурой, показать и пропагандировать огромный и прекрасный незнакомый нам мир. Я буду бороться с пессимистическим девизом Киплинга: «Восток есть Восток, и Запад есть Запад. Эти близнецы никогда не встретятся». Напротив, я убежден, что встреча «близнецов» состоится и откроет огромную перспективу всему человечеству. Реакция западной души на душу Востока и наоборот создаст новую жизнь, новых людей, новую культуру»¹.

Еще в дореволюционный период в Москве, Петрограде, Владивостоке сложились крупные китаеведческие центры, которые и в первые десятилетия Советской власти возглавлялись такими ведущими синологами, как В. М. Алексеев, А. В. Гребенщиков, А. И. Иванов, Н. И. Конрад, Н. В. Кюнер, А. В. Рудаков. Эти центры оказали определяющее влияние на формирование советского китаеведения.

Уже в 20—30-х годах в советском китаеведении возникло новое направление, порожденное социалистической внешней политикой Советского государства, революционной практикой народа нашей страны, оказавшего интернациональную помощь китайскому народу в его борьбе за национальное и социальное освобождение. В своих исследованиях советские китаеведы стали основываться на марксистско-ленинской теории, трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам изучения Китая. В ленинских трудах содержатся замечания и выписки из многих важнейших произведений мировой литературы начала XX в. об этой стране. Несмотря на очень напряженную теоретическую и практическую работу, Ленин находил время, чтобы откликнуться на важнейшие события в общественной жизни Китая. Революционный подъем в странах Востока после русской революции 1905 г. В. И. Ленин охарактеризовал как начало «пробуждения Азии», отметив качественно новые черты в

¹ В. М. Алексеев. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г., М., 1958, стр. 311.

революционном движении этого периода — пробуждение к «политической жизни азиатских народов»².

Наиболее яркими представителями советской школы китаеведов, сформировавшейся после победы Великой Октябрьской революции, наряду с продолжателями русских академических традиций — А. М. Позднеевым, Д. М. Позднеевым, А. И. Ивановым, В. М. Алексеевым, А. В. Рудаковым, Н. В. Кюннером стали молодые исследователи, инициаторы применения подлинно научных, марксистских методов — В. Виленский-Сибиряков, М. Волин, Г. Н. Войтинский, А. Ивин, Е. Иолк, В. С. Колоколов, В. Кучумов, С. Г. Кара Мурза, Л. Мадьяр, П. Миф, О. Тарханов, К. Харнский, В. М. Штейн и другие. В основу их исследований были положены труды классиков марксизма-ленинизма, работы В. И. Ленина по Китаю, марксистская методология, в частности учение об общественных формациях.

Наряду с изучением и марксистским истолкованием проблем древнего Китая наиболее характерной чертой советских исследований Китая стало изучение проблем новейшей истории, социально-экономической и классовой структуры, экономики, революционно-демократического, рабочего и крестьянского движения и борьбы за новую культуру. В результате этих исследований были открыты и изучены многие закономерности экономического и политического развития Китая в новейшее время и особенности антиимпериалистической, антифеодальной революции в Китае, положенные в основу деятельности Коминтерна и Коммунистической партии Китая.

И все же многие проблемы Китая оставались вне поля зрения советских китаеведов 20—30-х годов. В работах, посвященных проблемам китайской революции, иногда допускались субъективные оценки отдельных исторических событий, некритически оценивался опыт минувших этапов китайской революции, оставались незамеченными многие новые процессы в китайском революционном движении, происходившие после разрыва связей революционных баз с пролетарскими центрами страны, и др. Однако при всех слабостях и недостатках советское китаеведение того периода играло важную роль в политике Коммунистической партии, в революционной практике международного коммунистического движения.

После второй мировой войны, и особенно после победы народно-демократической революции в Китае, научные исследования советских китаеведов заметно расширились. К этому времени в их ряды влились новые творческие силы, пришло новое поколение китаеведов. В научные исследования включились многие китаеведы, работавшие в практических организациях. В этот период советское китаеведение представляли В. Я. Аварин (Аболтин), Г. В. Астафьев, Л. И. Думан, Г. В. Ефимов, В. А. Кривцов, А. С. Перевертайло, Л. Д. Позднеева, А. Бедеров, Р. М. Бродский, М. С. Капица, Е. Ф. Ковалев, В. А. Масленников, А. А. Мартынов, И. М. Ошанин, А. А. Петров, Б. Г. Сапожников, Л. В. Симоновская, М. И. Сладковский, С. Л. Тихвинский, Н. Т. Федоренко, М. А. Шнейдер, М. Ф. Юрьев, Л. З. Эйдли, Г. Б. Эренбург.

Советское китаеведение в 50-х годах развивалось в условиях тесного и всестороннего советско-китайского сотрудничества, имело возможность широко пользоваться китайскими источниками, библиотечными фондами и т. д. Можно отметить издание следующих монографических исследований в этот период: «Очерки по новой и новейшей истории Китая» Г. В. Ефимова (1951), «Китайско-русский словарь» под редакцией И. М. Ошанина (1952), «Очерки внешнеэкономических отношений Ки-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 221.

тая» (1953) и «Очерки экономических отношений СССР с Китаем» (1957) автора этой статьи, «Интервенция США в Китае и ее поражение» Г. В. Астафьева, «Советско-китайские отношения» М. С. Капицы и «Экономический строй Китайской Народной Республики» В. А. Масленникова (1958), «Очерки истории Китая в новейшее время» под редакцией А. С. Перевертайло, В. И. Глушина, К. В. Кукушкина и В. Н. Никифорова (1959), «Китайская литература» Н. Т. Федоренко, «Ван Чун» А. А. Петрова и «Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй» С. Л. Тихвинского (1959), «Лу Синь» Л. Д. Позднеевой, «Революция 1925—1927 гг. в Китае» М. Ф. Юрьева, «Экономика Китайской Народной Республики» (1959) Г. А. Ганшина, «Русско-китайские отношения 1689—1916 гг.» (1958) П. Е. Скачкова и В. С. Мясникова и др. Были переведены с китайского и интерпретированы многие важнейшие труды, в частности произведения Сунь Ят-сена, «Гуаньцзы» (исследования и перевод В. М. Штейна) и другие работы китайских ученых в области филологии, истории, литературы, экономики, внешних сношений.

В этот период советские китаеведы, принимая непосредственное участие в осуществлении ленинской интернациональной политики КПСС и Советского государства в отношении Китая по всем линиям научного, политического и экономического сотрудничества, сделали многое для того, чтобы ознакомить советскую и мировую общественность с духовной и материальной культурой китайского народа, с опытом развернувшегося в КНР социалистического строительства, чтобы защитить и укрепить внутренние и международные позиции нового народно-демократического строя Китая.

Советские китаеведы в содружестве с китайскими учеными перевели на русский язык значительную часть наиболее крупных научных трудов КНР, как, например: «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна (1954), «Новая история Китая» Фань Вэнь-ланя (1955), «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.», составленная Янь Чжун-пином, Сюй И-шэном и др. (1958), «Очерки истории Китая» под редакцией Шан Юэ и «Социалистическая индустриализация Китая» Цзэн Вэнь-цзина (1959), «Антология китайской поэзии» под редакцией Го Мо-жо и Н. Т. Федоренко и т. д. Китайские ученые сотрудничали с учеными социалистических стран в создании ряда коллективных трудов, таких, например, как «Мировая социалистическая система хозяйства» (1958).

В сферу научного сотрудничества двух государств входили также взаимные публикации различных официальных и научных документов СССР и КНР, обмен учеными, преподавателями, аспирантами, студентами. Ученые обеих стран имели возможность знакомиться с научными центрами, библиотеками, архивами другой стороны. Казалось бы, в столь благоприятных условиях наши знания о Китае расширились (а это всегда рассматривалось советскими людьми как необходимое условие для укрепления дружественных отношений между СССР и Китаем). Но в силу того, что наши ученые получали сведения о процессах, происходящих в Китае, от органов китайской информации (а эти сведения зачастую были необъективны), выводы советских китаеведов не всегда отражали объективную реальность.

Следует помнить, что в то время отдельные руководители КПК, стоящие на позициях социалистического интернационализма, проводили политику развития китайско-советского сотрудничества, стремились утвердить в КПК марксизм-ленинизм. В ряде документов ЦК КПК, особенно

в решениях первой сессии VIII съезда партии, марксизм-ленинизм был провозглашен мировоззрением китайских коммунистов, был осужден «культ личности» и создавались условия для полного преодоления буржуазно-националистических настроений в рядах КПК. Однако в силу ряда причин выявившиеся политические разногласия в руководстве КНР не находили отражения в публикациях советского китаеведения.

Обстановка для советского китаеведения и задачи его радикально изменились к началу 60-х годов.

В 1958 г., после аннулирования группой Мао Цзэ-дуна генеральной линии КПК и решений первой сессии VIII съезда партии о переходном периоде в строительстве социализма, в Китае стала нагнетаться антисоветская атмосфера, затруднявшая продолжение сотрудничества не только между учеными СССР и КНР. Встав на путь открытого идеологического и политического противоборства с Советским Союзом и другими социалистическими странами, с КПСС и международным коммунистическим движением, националистическое, великоханьское руководство изолировало страну от лагеря социализма, прекратило публикации каких-либо итоговых данных о состоянии и развитии народного хозяйства Китая, в стране началось преследование коммунистов-интернационалистов, ученых, стоявших на позициях марксизма-ленинизма.

Одновременно пекинские пропагандисты наводнили страну и внешний мир антимарксистской литературой, преднамеренно искажавшей историю Китая, КПК, историю китайской революции, утверждавшей культ личности «кормчего» и принижавшей других заслуженных деятелей китайского революционного движения, фальсифицируя историю советско-китайских отношений, подчиняя свою публицистическую и политическую деятельность единой цели — подрыву мировой социалистической системы, международного коммунистического движения и утверждению великоханьского гегемонизма.

Мелкобуржуазные великоханьские националисты пытались скомпрометировать ленинскую теорию социалистической революции, отвергали социалистический закон планомерного и пропорционального развития как якобы сдерживающий инициативу масс, ошельмовали примат материальных условий и материальное стимулирование производства, объявив эти социалистические категории якобы буржуазными, будто бы влекущими за собой «реставрацию капитализма».

Создание милитаристского государства — превращение Китая в «единый лагерь», во имя чего консервировался низкий материальный уровень жизни народа и значительная часть средств направлялась на форсированное развитие военного производства, разрушение народно-демократической общественной надстройки, созданной в первом десятилетии существования КНР, и утверждение военно-бюрократических органов власти явились главными составными компонентами внутренней политики националистического руководства КНР.

На внешней арене великоханьские националисты видели главное препятствие на пути к достижению своих целей — в странах социализма, прежде всего — в Советском Союзе, как ведущем социалистическом государстве, и в международном, коммунистическом движении — одной из ведущих революционных сил. Военные провокации, войны, прежде всего между главными государствами двух антагонистических лагерей — между СССР и США, по замыслам великоханьских шовинистов, должны были лишить эти страны военного преимущества и тем самым

облегчить выдвигание Китая в число ведущих государств мира. Уже в середине 60-х годов великоханьские шовинисты занялись поисками союзников в лагере империализма и международной реакции. Можно отметить, что эти поиски не остались незамеченными и не оцененными мировыми реакционными кругами. Не обращая внимания на очевидные провалы авантюристических экспериментов великоханьских шовинистов в области экономики («большой скачок»), «закрывая глаза» на губительные, разрушительные последствия «культурной революции», реакционные круги горячо одобряли антисоциалистическую позицию КНР, желая найти в ее лице антикоммунистического союзника.

Многочисленные, хорошо известные мировой общественности факты, демонстрировавшие солидарность руководства КНР с реакционными консервативными кругами Западной Европы, Латинской Америки, Африки, антисоциалистические обструкционистские выступления представителей КНР в ООН, на различных международных форумах убедительно свидетельствует о том, что внешнеполитический курс Пекина привел к открытому союзу КНР с антисоциалистическими силами.

Изменение позиции империалистических государств по отношению к КНР — от блокады в 50-е годы к прямому союзу в 70-е годы — нашло отражение и в буржуазной синологии.

При всем разнообразии аргументации у буржуазных сиологов, выступающих по проблемам современного Китая, проявляется общая тенденция — антикоммунизм, стремление «доказать» неприемлемость для Китая социалистического пути развития. Здесь можно выделить три группы китаеведов. Первая — это открытые политические пособники великоханьского руководства, пользующиеся особым покровительством Пекина. Ее представители оправдывают антисоветскую политику КНР, поддерживают территориальные притязания пекинского руководства к СССР, МНР, Индии. Показательна в этом плане недавно вышедшая книга Н. Максуэлла «Китайская война Индии», автор которой целиком разделяет китайскую шовинистическую точку зрения на индийско-китайские пограничные проблемы и выступает приверженцем «политики силы». К числу таких откровенно пропекински настроенных «исследователей» относится и английская экономистка Дж. Робинсон, автор книги «Культурная революция в Китае» (Лондон, 1969). Она преднамеренно замалчивает антидемократическую сторону так называемой «культурной революции», а все террористические акты, расправу с китайской интеллигенцией старается представить как «бунт низов против бюрократии».

Вторая группа китаеведов, которую можно условно назвать «традиционалистской», абсолютизирует «специфику» Китая, то есть исходит из незыблемости китайских традиционных институтов и непримлемости для этой страны европейского или какого-либо иного, не китайского, пути развития. Для традиционалистов разрыв китайских националистов с марксизмом-ленинизмом — закономерное явление потому что, как они утверждают, научный социализм китайцами не воспринимается. Следует, однако, сказать, что среди традиционалистов существуют различные направления, даются различные толкования роли традиций в китайском обществе. Конечные выводы одного направления по существу основываются на европеоцентризме и утверждении, что китайцы якобы вообще не могут воспринять достижения западной цивилизации. Странники другого направления (как правило, синологи китайской национальности, работающие в США, в Гонконге и на Тайване) придерживаются позиций китаецентризма и прогресс Китая связывают не с судь-

бой мировой цивилизации, а с утверждением исторических традиций самих китайцев.

Третья группа антисоциалистов в китаеведении выдает себя за сторонников «усовершенствованного» марксизма. К ним прежде всего нужно отнести французского ренегата Р. Гароди, который пытается предстать перед миром как последователь К. Маркса и вместе с тем утверждает, что К. Маркс и Ф. Энгельс «не разработали для докапиталистических формаций такой же развернутой теории, какую они дали для капитализма». Отказавшись признать научность марксистской концепции всемирно-исторического развития, Р. Гароди заявляет, что марксистская теория общественно-экономических формаций неприменима к Китаю «от начала до конца», настаивает на «исключительности» «особого пути» его исторического развития, который якобы выводит страну из общих закономерностей прогресса человеческого общества.

Переход от преувеличения роли исторической специфики Китая к прямой пропаганде идей китайских мелкобуржуазных националистов наглядно виден на примере статей французского китаевода Ж. Шэно. Следуя за Р. Гароди, Шэно рьяно защищает лжетеорию об «особом пути» Китая, якобы основанном на азиатском способе производства.

К тому же направлению принадлежит итальянская публицистка Э. Пишел, которой антикоммунистические круги создали шумную рекламу «виднейшего китаевода». Автор восхваляет националистический курс как образец «восточного социализма», старается опорочить опыт развития КНР в первые десятилетия ее строительства, в ложном свете представить политику СССР в отношении Китая.

Нетрудно заметить, что все теории буржуазных китаеведов строятся на отрицании революционной роли народно-демократического движения китайского народа, порвавшего узы застывших рабовладельческих и феодальных традиций, успехов социалистических преобразований, достигнутых китайским народом в содружестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами в течение первого десятилетия после образования КНР, на замалчивании глубокого кризиса великоханьского национализма, поставившего под угрозу народно-демократические завоевания китайского народа. Интернациональную помощь Советского Союза и других социалистических стран Китайской Народной Республике ренегаты Р. Гароди, Ж. Шэно и другие буржуазные китаеведы стараются представить как насильственное навязывание Китаю советского опыта.

Перед советским китаеведением, таким образом, с начала 60-х годов встали новые и сложные задачи. Прежде всего требовалось значительно расширить рамки научных исследований, особенно по проблемам, которые ранее либо изучались недостаточно, либо вовсе не изучались. В обстановке, когда великоханьские шовинисты преднамеренно искажали не только теорию, но и практику китайской революции, советско-китайских отношений, становилось необходимым к исследованиям привлечь китаеведов-практиков, работавших ранее в различных советских организациях в Китае, в ведомствах или других институтах СССР.

Институту Дальнего Востока была предоставлена возможность пригласить на научную работу значительную группу высококвалифицированных китаеведов, сыгравших важную роль в развитии научных исследований. Среди них: кандидат философских наук В. А. Кривцов — автор работ по истории общественной мысли Китая; доктор экономиче-

ских наук В. И. Акимов — автор и руководитель исследований по проблемам промышленного развития КНР; доктор экономических наук Е. А. Коновалов — ведущий научный работник по общим экономическим проблемам и демографии; кандидат экономических наук В. И. Потапов — руководитель научных работ по сельскому хозяйству (диссертацию защитил в ИДВ); кандидат исторических наук Т. Р. Рахимов — руководитель сектора по национальным проблемам (диссертацию защитил в ИДВ); кандидат филологических наук В. Ф. Сорокин — руководитель сектора культуры; кандидат исторических наук К. В. Кукушкин — руководитель сектора истории; кандидат исторических наук В. Я. Сидихменов; кандидат философских наук В. Ф. Феоктистов, доктор филологических наук М. В. Софронов, доктор исторических наук Л. С. Переломов, доктор юридических наук Л. М. Гудошников и др.

Институт вступил в тесное сотрудничество с практическими ведомствами, министерствами. Работе Института оказали существенную помощь и приняли участие в научных исследованиях О. Б. Рахманин, Б. Т. Кулик, М. Л. Титаренко и др.

В течение минувших десяти лет в Институте подготовлено через аспирантуру значительное количество молодых ученых, из которых 24 защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Из числа ведущих научных работников за этот же период защитили докторские диссертации Е. Ф. Ковалев, В. И. Акимов, И. Я. Бурлингас, В. И. Глунин. Диссертации охватывают широкий круг современных проблем стран Дальнего Востока и являются существенным вкладом в общий научно-исследовательский фонд.

В десятилетней истории Института можно выделить два основных периода: первый — до начала 70-х годов и второй — 70-е годы. В течение первого периода, когда Институт еще находился в стадии становления, а новая обстановка, сложившаяся в Китае после ликвидации мелкобуржуазными националистами социалистической генеральной линии КПК, требовала новых срочных исследований, Институту, наряду с составлением оперативной информации для практических организаций и ведомств, приходилось ограничивать свои публикации очерковыми монографиями, брошюрами, статьями, рефератами.

В этот период были изданы групповые монографии: «Ленинская политика СССР в отношении Китая» (1968 г. — Р. А. Мировицкая, А. Г. Яковлев, М. И. Сладковский, О. Борисов, Б. Колосков); «Ленин и проблемы современного Китая» (1971 г. — Г. В. Астафьев, Т. Дмитриев, А. М. Дубинский, Т. Р. Рахимов, В. Я. Сидихменов, М. И. Сладковский, В. П. Чертков и др.); «Китайская Народная Республика» (1970 г. — Я. М. Бергер, А. М. Григорьев, А. С. Мугрузин, В. И. Потапов, Г. Д. Сухарчук, М. И. Сладковский, С. Л. Ширяев и др.); «Антимарксистская сущность взглядов и политики руководства КНР» (1969 г. — Г. В. Астафьев, В. И. Глунин, В. А. Кривцов, В. Я. Сидихменов и др.); «Внешняя политика КНР» (1971 г. — Г. В. Астафьев, И. Я. Бурлингас, А. М. Дубинский, А. С. Красильников, М. В. Фомичева и др.).

Для обобщения основных выводов, выработанных научным коллективом, с привлечением новых документов, группой советских историков — В. И. Глуниним, А. М. Григорьевым, К. В. Кукушкиным и В. Н. Никифоровым была подготовлена в кратком изложении «Новейшая история Китая», изданная в 1971 г.

В этот же период Институт приступил к подбору и обработке исторических документов, в первую очередь ранее не публиковавшихся, и к их академическому изданию. Значительная работа в этом направлении была проделана под руководством В. С. Мясникова — по русско-китайским отношениям и под руководством В. И. Глунина — по истории китайской революции.

В 1969 году был издан 1-й том и в 1972 году 2-й том документов и материалов, относящихся к русско-китайским отношениям XVII и XVIII вв.; успешно продолжается подготовка к изданию последующих томов. Подготовлены к изданию и документы по истории китайской революции.

С начала 70-х годов Институт, наряду с расширением деятельности по текущей информации, приступил к подготовке и изданию фундаментальных монографических исследований. С этого же времени и основная текущая информация стала оформляться выпуском квартальных и годовых изданий. Ежегодники, издаваемые под названием «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие» за соответствующий период (издание начато с 1973 г.) получили широкие положительные отклики и действительно стали важнейшим научным пособием по основным современным проблемам Китая.

С 1972 г. ИДВ приступил к изданию ежеквартального журнала «Проблемы Дальнего Востока», на страницах которого освещаются основные проблемы Дальневосточного региона, публикуются исторические, экономические, искусствоведческие и другие исследования, даются аннотации важнейших работ зарубежной синологии. В работе редколлегии принимают участие виднейшие советские востоковеды: заслуженный деятель науки Г. В. Астафьев, доктора исторических наук Г. В. Ефимов, М. С. Капица, О. Б. Рахманин, доктор экономических наук Р. А. Ульяновский, члены-корреспонденты АН СССР С. Л. Тихвинский, Н. Т. Федоренко.

Журнал приобрел широкую известность в нашей стране и за рубежом, особенно после того, как с 1974 года он стал издаваться на английском и японском языках.

В 70-х годах в Институте были широко развернуты научные исследования по всем основным направлениям, особенно по экономическим, внешнеполитическим и национальным проблемам, ранее недостаточно разрабатывавшимся советскими китаеоведами.

В период 1971—1976 гг. Институтом издано свыше 40 монографий, в том числе:

«Международные отношения на Дальнем Востоке». Изданы два тома, охватывающие период до 1945 г., и сданы в из-во «Мысль» два последующих тома (1945—1974 гг.).

Группа авторов под руководством Г. В. Астафьева. «Внешняя политика и международные отношения КНР». Два тома, охватывающие период 1949—1973 гг., изданы в 1974 г.

М. И. Сладковский. «Китай и Япония».

Л. А. Волкова. «Изменение социально-экономической структуры китайской деревни» (1972).

И. Н. Наумов. «Продовольственная проблема КНР» (1973).

В. И. Акимов, А. П. Морозов, М. И. Сладковский. «Проблемы и противоречия индустриального развития в Китае» (1974).

Л. М. Гудошников. «Политический механизм Китайской Народной Республики» (1974).

Группа авторов под руководством В. И. Потапова. «Сельское хозяйство КНР» (1975).

М. И. Сладковский. «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем» (1974).

М. В. Фомичева, А. С. Красильников. «Китай и Африка» (1976).

А. М. Малухин. «Пэн Бай» (1975).

Б. В. Поспелов. «Очерки философии и социологии Японии».

Кроме того, научными сотрудниками Института в соответствии с планами 1975 и 1976 гг. подготовлены и сданы в издательство «Наука» следующие крупные монографические исследования:

«Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология», Ежегодник, выпуск 1974—1975 гг.

«История торгово-экономических отношений Советского Союза с Китаем (1917—1974 гг.)».

«Китай и капиталистические страны Европы».

«Очерк зарубежной историографии Китая. Китаеведение Англии».

«Социально-экономический строй и экономическая политика КНР в 1949—1974 гг.».

«Промышленность КНР в 1949—1974 гг.»

«Сельское хозяйство КНР в 1949—1974 гг.»

«Судьбы культуры КНР (1949—1974 гг.)»

Научный коллектив ИДВ ведет обширную научно-исследовательскую работу по выполнению планов X пятилетки (1976—1980 гг.), предусматривающих издание многотомных монографий по новейшей истории Китая, по основным проблемам стран Дальневосточного региона и др.

* * *

Долголетние научные исследования советских китаеведов ИДВ и других институтов и ведомств позволили сделать важнейшие выводы по основным проблемам Китая и других стран Дальнего Востока. Советские китаеведы дали исчерпывающую характеристику международного характера китайской революции, в ходе которой китайскому народу приходилось вести борьбу и против внутренних эксплуататоров, и против международного империализма. Именно эти особенности китайской революции предопределили историческую необходимость активной поддержки и помощи Советского Союза, международного рабочего класса и его авангарда — Коминтерна — китайскому трудовому народу. Исторический опыт подтверждает, что во всех случаях, когда Китай поддерживал дружественные отношения с Советским Союзом, с прогрессивными силами мира, он добивался успеха на пути национального и социального освобождения. Так было в годы первой китайской революции 1925—1927 гг., в тяжелые годы вторжения империалистической Японии в Китай и в годы вмешательства США в гражданскую войну на стороне реакционных правогоминьдановских сил в 1946—1949 гг.

В трудах советских китаеведов показано, как в условиях крайней экономической отсталости китайский народ, завоевав политическую власть в 1949 г., опираясь на помощь Советского Союза и других социалистических стран, то есть основываясь на ленинском выводе о возможности для отсталых стран с помощью пролетариата передовых стран, через определенные ступени развития перейти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития, — приступил к осуществлению программы строительства социализма и успешно реализовывал ее. Вопреки тезису буржуазных синологов о неприемлемости для Китая социалистического пути развития и утверждениям китайских мелкобуржуазных националистов об особом «новодемократическом» пути развития жизнь подтвердила правильность теории и практики научного социализма и универсальность социалистических принципов для всех стран.

В трудах советских китаеведов подвергнуты детальному изучению разрушительные эксперименты великоханьских националистов в области экономики путем «большого скачка» и в области политики — путем подавления народной демократии, ликвидации в годы «культурной революции» конституционных органов народной власти.

Ликвидировав народно-демократическую общественную надстройку и заменив ее военно-бюрократическим аппаратом, великоханьские националисты поставили обобществленные средства производства (государственные и кооперативные) на службу антинародным, антисоциалистическим милитаристским целям.

Анализ сложившейся ситуации в КНР дал основания советским китаеведам сделать вывод: «Несоответствие между созданной в течение первого десятилетия существования КНР обобществленной собственностью на средства производства и военно-бюрократической надстройкой, эксплуатирующей эту собственность в антисоциалистических, антинародных целях, — главное противоречие современного Китая, которое порождает затяжную политическую неустойчивость в стране».

Последние события в КНР, особенно обострившиеся после смерти Мао Цзэ-дуна, свидетельствуют об имевшихся крупных нарушениях в общественной жизни страны. Устраненной «группировке четырех» (Цзян Цин, Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юань), игравшей в течение последнего десятилетия важную роль в высших правительственных органах, на митингах и собраниях коллективов предприятий, учебных заведений, народных коммун предъявляются обвинения в том, что эта группировка занималась «преступной деятельностью, направленной на раскол партии, переначивала все на свой лад и, образовав в партии свою систему, делала все, что ей заблагорассудится, безнаказанно неистовствовала и бесчинствовала».

«Там (в Китае. — М. С.) происходят сложные внутривнутриполитические процессы, — говорил Л. И. Брежнев на пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г. — Сейчас еще трудно сказать, каков будет будущий политический курс КНР. Но уже теперь ясно, что внешнеполитическая линия, проводившаяся Пекином в течение полутора десятков лет, основательно дискредитирована во всем мире.

Что касается Советского Союза, то стремление к улучшению отношений с Китаем — это наш последовательный курс»³.

Исследования советских китаеведов помогают не только советской,

³ «Правда», 26. X. 1976.

но и мировой общественности правильно понять происходящие в Китае процессы, оценить героические усилия китайского народа в борьбе за социалистический путь развития, убедиться в правоте ленинской внешней политики, проводимой нашей партией, советским правительством на протяжении всей истории советско-китайских отношений.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Дружба советского и китайского народов имеет свою историю и традиции

*О. Б. Рахманин,
доктор исторических наук*

За последнее время вопросы истории советско-китайских отношений повсюду привлекают пристальное внимание историков и политических исследователей.

Хорошо известно, что были времена, когда в КНР проводилась широкая работа по распространению среди китайских трудящихся знаний о Советской стране и борьбе ее народов, когда обе стороны шли в одном строю в борьбе против империализма, за торжество дела социализма.

Длительная революционная борьба великого китайского народа завершилась в 1949 г. провозглашением Китайской Народной Республики. Образование в Европе и Азии стран народной демократии изменило соотношение сил между капитализмом и социализмом в пользу социализма. Революционеры всего мира искренне радовались этому событию, приветствовали установление уз дружбы и сотрудничества КНР с СССР и другими социалистическими государствами.

Известно, что народы Советского Союза и Китая связывает великая дружба. Ее истоки уходят в далекое прошлое, к тем временам, когда в XVII в. начали налаживаться первые контакты русского и китайского народов. Дружественные чувства, тяга к познанию жизни и культуры соседнего народа, симпатии к его освободительной борьбе отличали отношения между народами России и Китая. Лучшие люди России — А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. М. Горький и другие, выражая чаяния народов России, неоднократно высказывали китайскому народу свои горячие симпатии.

Страстный пропагандист сближения русского и китайского народов великий ученый Д. И. Менделеев писал в свое время: «Союз России с Китаем мне представляется, если не наилучшею, то вернейшею и простейшею гарантией мирного прогресса не только этих стран, но и всего света...»¹

Неоценима роль большевистской партии, лично В. И. Ленина в развитии китайской революции. В. И. Ленин оказал китайским революционерам огромную теоретическую помощь. Его учение о национально-колониальной революции, теоретические и практические советы молодым демократическим силам в угнетенных странах Востока, в том числе и китайским коммунистам, являются важным вкладом в развитие революций на Востоке вообще и в Китае в частности.

¹ Д. И. Менделеев. К познанию России. Спб., 1906, стр. 156.

В 1908 г. в статье «Горючий материал в мировой политике» В. И. Ленин сделал гениальный прогноз о развитии китайской революции. Он писал: «В Китае революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»².

Спустя три года после выхода в свет этой ленинской статьи, в октябре 1911 г., в Китае произошла революция, свергнувшая маньчжурскую династию Цинов.

В. И. Ленин определил основные пути национально-освободительной борьбы китайского и других угнетенных народов. Он разъяснил неизбежность национально-освободительных войн в эпоху империализма и указал на необходимые условия победы народов, борющихся за свое освобождение от колониального рабства.

Особенно большое теоретическое и практическое значение для молодой компартии Китая имели ленинские Тезисы по национальному и колониальному вопросам, принятые в 1920 г., а также личные беседы В. И. Ленина с китайскими представителями.

В. И. Ленин высоко ценил героическую борьбу китайского народа. В своих работах он выражал глубокую уверенность в победе революции в Китае и подчеркивал ее значение для дела социализма во всем мире.

В 1951 г. в Китае писали: «Своими классическими научными трудами — «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и другими — Ленин в течение тридцати лет вооружал китайских революционеров, вооружал китайский народ... Труды Ленина поистине являются неиссякаемым источником наставлений китайским коммунистам и китайскому народу»³.

До революции на пути развития дружбы двух народов стояла реакционная политика русского царского двора и феодального китайского правительства. Правительства царской России и цинского Китая строили свои внешнеполитические программы на основе межнациональной вражды и предрассудков, на подавлении в народах стремления к сближению, к взаимной поддержке в революционной борьбе.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила все преграды, поставленные царизмом на пути развития и укрепления дружбы между двумя соседними народами. Советское государство сразу после своего рождения провозгласило совершенно иные, не известные ранее в истории принципы равноправного отношения к угнетенным народам Востока, в том числе и Китая, — ленинские принципы равноправия и дружбы всех народов. Страна Советов с тех пор стала союзником китайского народа в его борьбе с колониальным разбоем империалистов. Она отказалась от неравноправных договоров, заключенных царской Россией с Китаем, и заявила о своем желании установить с ним дружественные отношения.

25 июля 1919 г. Советское правительство выступило с обращением

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 179.

³ «Правда», 21. I. 1951.

к китайскому народу и к правительствам Южного и Северного Китая, в котором были еще раз изложены принципы внешней политики Советского государства по отношению к Китаю и выражены чувства дружбы советского народа к китайскому народу.

Революционизирующее влияние Великой Октябрьской социалистической революции и рост у китайского народа дружественных чувств к Советской России вызвали тревогу и замешательство в правящих кругах империалистических держав и реакционного пекинского правительства. Эти враждебные китайско-советской дружбе силы старались воздвигнуть барьер между двумя странами.

Советско-китайские отношения в первые годы после победы Октябрьской революции (1917—1924 гг.) были периодом совместной борьбы советского и китайского народов, а также прогрессивных общественных организаций, и прежде всего китайской Компартии, за установление нормальных отношений между обоими государствами и расширение дружественных контактов между народами Китая и СССР.

Большая заслуга в пропаганде среди китайского народа правды о Советском Союзе принадлежит пионерам этого благородного дела — одному из основателей КПК профессору Ли Да-чжао, видному лидеру КПК писателю-публицисту Цюй Цю-бо, писателю Лу Синю и другим видным прогрессивным деятелям Китая 20-х годов. Они первые в своих произведениях и статьях правдиво рассказали в Китае об Октябрьской революции, о В. И. Ленине, о положении в СССР, повели борьбу с клеветой на советский народ.

В начале 20-х годов в Китае появились и первые общественные организации, ставившие целью сближение с Советской Россией, расширение знаний о ее народе. В июле 1920 г. в городе Чанша (провинция Хунань) возникли Общество по изучению марксизма и Общество по изучению России⁴. В уставе последнего отмечалось: «Основной целью общества является изучение всех идеологических направлений, существующих в России. В функции общества входит: 1) издание сборников о России на основании изучения научных материалов, 2) направление людей в Россию для ознакомления, 3) принятие мер для поездки студентов в Россию на учебу»⁵.

В 1921 г. Общество по изучению России направило на учебу в Советскую Россию группу молодых людей, часть которых в последующем вошла в руководящее ядро КПК.

Учитывая, что прогрессивная печать того времени нуждалась в правдивой информации о Советской стране, в конце 1920 г. в Шанхае было организовано китайско-русское агентство, осуществлявшее перевод материалов иностранной печати о Советской России. В том же году в Шанхае начали функционировать курсы русского языка, созданные в помощь изучающим марксистскую литературу⁶.

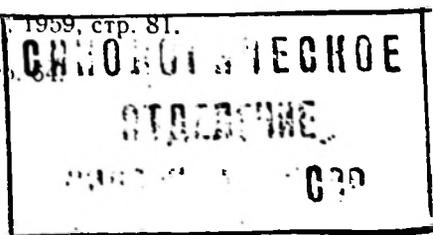
Прогрессивные журналы «Синь циннянь», «Мэйчжоу пинлунь» и ряд других с начала 20-х годов стали активными популяризаторами знаний о Советском Союзе.

В 1922 г. члены китайского парламента организовали Общество содействия развитию китайско-русских отношений. Кроме того, 17 общественных организаций создали Китайско-русскую ассоциацию, выступавшую за установление отношений и сближение с Советской Россией. В 1923 г. в Пекине были организованы Союз китайско-русских

⁴ Пыи Мипи. История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 81.

⁵ Там же.

⁶ Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959, стр.

дипломатических отношений и Общество народной дипломатии, которые выступали за дружбу с СССР.

Партия гоминьдан в период сотрудничества с Компартией Китая и под влиянием революционных событий в 1924—1926 гг. также осуществляла определенные мероприятия по сближению с Советским Союзом. Этому способствовали три политические установки Сунь Ят-сена, первой из которых была — «союз с Россией». Сунь Ят-сен до конца своей жизни остался убежденным сторонником дружбы СССР и Китая. Перед смертью, 11 марта 1925 г., обращаясь к членам ЦИК СССР, он писал: «Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку»⁷.

Борьба демократических сил Китая, среди которых начиная с 1921 г. активную роль постепенно стала играть молодая Коммунистическая партия Китая, вынудила пекинское правительство установить в 1924 г. нормальные дипломатические отношения с СССР.

31 мая 1924 г. СССР и Китай подписали Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. Для Китая это был первый равноправный договор, который нанес серьезный удар по системе неравноправных договоров империалистических держав с Китаем.

Установление дипломатических отношений между двумя странами в соответствии с соглашением от 31 мая 1924 г., а также большие успехи революционных армий Юга в период знаменитого Северного похода (1924—1926 гг.), в котором принимали участие советские военные советники, приглашенные главой революционного правительства Китая в Кантоне Сунь Ят-сеном, создавали благоприятные возможности для развития дружбы между советским и китайским народами, для распространения среди китайского народа знаний о Советском Союзе.

Однако после контрреволюционного переворота Чан Кай-ши в 1927 г. в Китае воцарились реакция и террор. В течение многих лет в районах гоминьдановского господства осуществлялись гонения на все прогрессивное, велась в широких масштабах разнузданная антисоветская кампания, жестоко преследовалось даже упоминание о Советском Союзе. Эта кампания особенно усилилась после разрыва гоминьдановским правительством дипломатических отношений с СССР.

В 30-х годах, с началом агрессивных действий Японии против Китая, гоминьдановские правящие круги, нуждаясь в поддержке Советского Союза в антияпонской войне, несколько ослабили антисоветскую кампанию в стране. Это обстоятельство дало возможность прогрессивным элементам возобновить работу по распространению среди китайского населения идей китайско-советской дружбы, неся народу правдивое слово об СССР.

Значительную работу в этом направлении, особенно среди прогрессивных кругов интеллигенции, проделало Общество культурных связей Китая и СССР (принятое сокращенное название КСКО).

КСКО было создано в 1935 г., его филиалы были открыты в Нанкине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Чанша, Куньмине, Ланьчжоу, Гуйлине и других крупных городах Китая.

В этой организации объединились в основном силы, стоящие за

⁷ «Правда», 14. III. 1925.

дружеские отношения с СССР. Невзирая на гоминьдановскую реакцию, они выступали за дружбу между Китаем и СССР, за культурное сотрудничество между двумя народами. Гоминьдановское правительство с самого начала пыталось придать КСКО характер благотворительного клуба с ограниченными функциями, с тем чтобы до предела сузить масштабы его деятельности. В целях недопущения активизации работы КСКО его президентом стал правый гоминьдановец Сунь Фо. Однако прогрессивным деятелям в руководстве Общества (Сун Цин-лин, Фын Юй-сян, Шао Ли-цзы, Ли Дэ-цюань и др.) удавалось проводить значительную работу в духе китайско-советской дружбы.

КСКО за время своего существования проводило, насколько это было возможно, работу по распространению среди китайского населения правды об СССР, знакомило общественность Китая с различными сторонами жизни советского народа, главным образом в области культуры.

Общество периодически издавало журнал «Культура Китая и СССР» тиражом 2 тыс. экз. Немало было сделано для перевода и издания произведений русской классической и советской литературы, проведения докладов, лекций, художественных выставок, фотовыставок, показа кинофильмов. Организовывались кружки русского языка. КСКО установило довольно тесные контакты с советским ВОКСом (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), через его представителей в посольстве СССР в Китае получало из Москвы различные материалы, выставки, литературу. Через КСКО установились личные контакты деятелей культуры двух стран, велись активная переписка, обмен материалами.

Советско-китайский договор от 22 августа 1937 г. стабилизировал политические отношения между двумя странами, что создало благоприятные условия для деятельности общественных организаций, в том числе и КСКО. В годы антияпонской войны это общество серьезно активизировало свою работу.

В годы Великой Отечественной войны авторитет Советского Союза в Китае особенно возрос, повысился интерес к жизни Советского Союза со стороны широких слоев китайского населения. Это позволило расширить работу Общества культурных связей Китая и СССР.

В 1944—1946 гг. гоминьдановское правительство, верное своему антисоветскому курсу, усилило давление на членов КСКО, начались репрессии и преследования. Гоминьдановские власти запрещали проведение мероприятий Общества, организовывали налеты, полицейское преследование, аресты и террористические акты против актива Общества. В связи с этим часть филиалов КСКО прекратила свою работу, многие руководящие деятели этих организаций были вынуждены бежать в районы, находившиеся под контролем КПК.

В 1948 г. деятельность КСКО фактически была свернута, формально действующим оставался лишь филиал КСКО в Шанхае.

Говоря о полезной работе КСКО, следует иметь в виду, что его деятельность была ограничена самой обстановкой в гоминьдановском Китае, притеснениями со стороны реакции. Социальная база КСКО была чрезвычайно узка — работа Общества ограничивалась в основном прогрессивными кругами студентов и интеллигенции. Несмотря на это, Обществом было много сделано, особенно в период Великой Отечественной войны, для популяризации Советского Союза в Китае, для развития контактов между деятелями культуры двух стран. В этом отношении определенный опыт КСКО пригодился в последующей работе Об-

щества китайско-советской дружбы, тем более что часть кадров КСКС пришла затем в ОКСД.

Как уже указывалось, значительную работу по воспитанию китайского народа в духе дружбы к Советскому Союзу проводила Коммунистическая партия Китая. Под ее руководством, в частности, в 1924—1926 гг., еще во время Северного похода, впервые в Китае создавались Общества дружбы с СССР.

С 1927 г. и вплоть до освобождения в Китае наряду с «белыми» районами существовали обширные области, которые контролировались Компартией, китайской Красной армией и в которых существовала демократическая власть. В 1927—1937 гг. эти районы носили название «революционные опорные базы», или «Советские районы».

Первая Китайская Советская республика, возникшая в провинции Цзянси, в статье 17 проекта Конституции, принятого I Всекитайским съездом рабочих и крестьянских депутатов 7 ноября 1931 г., записала: «Советская власть в Китае заявляет, что она совместно с мировым пролетариатом и всеми угнетенными народами образует единый революционный фронт и рассматривает страну диктатуры пролетариата — Советский Союз — как своего надежнейшего союзника»⁸.

В манифесте Центрального рабоче-крестьянского демократического правительства Китайской Советской республики от 7 ноября 1931 г., обращенном к трудящимся массам и правительствам всего мира, говорилось, что оно «торжественно объявляет о своей искренней дружбе и своей прочной солидарности с СССР — единственной страной в мире, где рабочие и крестьяне установили свою собственную власть»⁹.

В демократических районах коммунистами-интернационалистами создавались организации Общества друзей СССР. Большими тиражами издавалась переводная советская литература.

Большая работа по пропаганде китайско-советской дружбы была проделана в освобожденных районах Маньчжурии. В период пребывания там Советской Армии (1945—1946 гг.) в ряде городов — Дальний и Порт-Артур, Чанчунь, Харбин, Цицикар, Муданьцзян, Цзямусы, Фушунь — возникли местные Общества китайско-советской дружбы, работа которых проходила в контакте с представителями командования Советской Армии и ВОКС. После вывода советских войск из Маньчжурии в городах, находившихся под контролем Компартии Китая, работа местных Обществ дружбы с СССР продолжала развиваться. Эти общества имели неплохую материальную базу — клубы, кинооборудование, библиотеки и т. д. Опыт работы Обществ дружбы с СССР, особенно в Харбине, Порт-Артуре, Дальнем, в значительной степени был использован в дальнейшем в работе ОКСД.

* * *

Советский народ неизменно оказывал дружескую помощь и поддержку революционной борьбе народа Китая. Общественные организации СССР также немало сделали для распространения знаний о Китае среди населения Советского Союза. История советско-китайских отношений знает много примеров искренних проявлений дружбы нашего народа к Китаю.

В 1924—1927 гг. в Китае развернулись широкие революционные выступления, которые внутренняя реакция и иностранный империализм пытались сдерживать любыми средствами. В эти годы по инициативе со-

⁸ Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934, стр. 422.

⁹ Там же, стр. 419.

ветских профсоюзов в СССР возникло массовое движение «Руки прочь от Китая!» Под этим же названием было создано общество, оказавшее китайским революционерам эффективную политическую и материальную помощь¹⁰. Это явилось тогда огромной поддержкой советской общечеловеческой китайской революции.

Движение солидарности с Китаем охватило весь Советский Союз в связи с вероломным вооруженным вторжением Японии в Маньчжурию в 1931 г. Тысячи бойцов Северо-Восточной добровольческой армии Китая и китайских беженцев отступили тогда в пределы Советского Союза, где встретили теплый прием советских людей.

В период антияпонской войны 1937—1945 гг. Советский Союз, верный своей политике помощи народам, борющимся с империалистическим гнетом, оказывал серьезную помощь Китаю, в том числе военную и материальную: в 1938 г. он предоставил Китаю два кредита по 50 млн. ам. долларов¹¹, в 1939 г. — еще один кредит на сумму 150 млн. ам. долларов, а также направлял воюющему Китаю снаряжение и другие необходимые товары¹².

С 1938 г. в Китае сражались советские летчики-добровольцы, работали военные специалисты Советского Союза. Многие из них отдали свои жизни во имя освобождения китайского народа.

Неувядаемой славой покрыли себя советские летчики-добровольцы. Их прибытие в Китай в конце 1937 г. явилось поворотным моментом в действиях китайской авиации.

Первое боевое крещение советские летчики получили 18 февраля 1938 г. в бою над Уханем. «Меч справедливости» — так назвали в Китае советский добровольческий авиационный отряд, оборонявший Ухань. Впоследствии Чжан Кай, начальник медицинского департамента провинции Хубэй, вспоминая о воздушном бое над Уханем 29 апреля 1938 г., говорил: «Большой воздушный бой над городом Ухань и многие другие бои, свидетелем которых я был, убедили меня в том, что лишь советский народ, по-настоящему проливая свою кровь, помогал нам в антияпонской войне. Высокий дух интернационализма советского народа открыл мне глаза».

В Китае действовало несколько советских добровольческих авиационных отрядов. 23 февраля 1938 г. группа П. Ф. Понынина участвовала в смелом воздушном рейде на остров Тайвань, в результате которого была выведена из строя важная японская авиационная база близ Тайбэя.

Сенсационным событием было появление 20 мая 1938 г. над территорией Японии китайских самолетов, которые сбросили миллион листовок антивоенного содержания. В этом рейде приняли участие советские добровольцы.

В борьбе за национальную независимость китайского народа погибли более 200 советских летчиков. В Китае с благодарностью вспоминали этих мужественных и бесстрашных людей, которые подымали боевой дух китайского народа¹³.

Вступление Советского Союза в войну с Японией в 1945 г. и освобождение Советской Армией Маньчжурии — еще одна яркая страница советско-китайской дружбы. Китайский народ высоко оценил по-

¹⁰ См. «Известия», 6. IX. 1924.

¹¹ Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 283.

¹² Там же, стр. 293—295.

¹³ Подробнее об этом см. Б. А. Бородин. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937—1941. М., 1965, стр. 159—170.

мощь советских людей в национально-освободительной борьбе Китая. Мао Цзэ-дун, выступая на VII съезде КПК, заявлял: «Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые, равноправные договоры. Во время I съезда гоминьданга созванного Сунь Ят-сеном в 1924 г., и позднее, в период Северного похода, Советский Союз был единственным государством, которое оказывало поддержку освободительной войне Китая. После того, как в 1937 г. началась война против японских захватчиков, Советский Союз снова первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает свою благодарность Советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь».

Никаким фальсификаторам истории не удастся принизить значение разгрома японской военщины в Маньчжурии и решающий вклад в это дело Советской Армии, действовавшей в тесном сотрудничестве с Монгольской народно-революционной армией, частями Народно-освободительной армии Китая и корейскими партизанами.

Следует со всей определенностью заявить, и это подтверждается фактами, а также свидетельствами китайских коммунистов-интернационалистов, что с падением оплота японского милитаризма — Квантунской армии — центр китайской революции, ее экономический и военно-стратегический механизм переместился в Маньчжурию — район в котором благодаря Советской Армии и народно-освободительным силам Китая удалось сохранить революционную базу, оградив ее от американско-чанкайшистской агрессии. Присутствие советских войск в Маньчжурии (1945—1946) и военно-морской базе Порт-Артур (1945—1955) сыграло немаловажную роль в поддержке революционных сил Китая, в укреплении народно-демократического строя на освобожденном от японской оккупации Северо-Востоке Китая.

В 1945—1949 гг. в Маньчжурии с помощью Советского Союза начался интенсивный процесс подготовки народно-революционной армии для решительного наступления за освобождение Китая от оков империализма и феодализма.

В этот период революционные войска в Маньчжурии были оснащены трофейным оружием и боеприпасами, захваченными у Квантунской армии. Специальный представитель президента США генерал Вейдемейер, «обследовавший» с 16 июля по 18 сентября 1945 г. положение в Китае, с сожалением констатировал в своем докладе, что действия Советского Союза в Маньчжурии укрепили позиции Коммунистической партии Китая и что это обстоятельство весьма отрицательно сказалось на деятельности гоминьдановского правительства в политической, военной и экономической областях¹⁴.

В результате поддержки, оказанной Советской Армией, революционные силы китайского народа вступили в развязанную в 1946 г. гоминьдановцами гражданскую войну организованными, вооруженными и должным образом обученными.

Особенно важно подчеркнуть значение политической и дипломатической борьбы Советского Союза на международной арене, которая помешала американскому империализму осуществить прямое вмешательство во внутренние дела Китая и блокировала его попытки затормозить развитие китайской революции. Об этом свидетельствуют принципиальная позиция Советского Союза по китайскому вопросу которую он занимал в ООН, на сессиях Совета министров иностран-

¹⁴ См. О. Владимиров. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М., 1971, стр. 7.

ных дел в Москве в 1945—1947 гг., выступления советской печати и представителей СССР в международных организациях.

Нельзя не учитывать и огромной помощи КПСС руководству КПК, ее советов по выработке правильной политической линии. Большую роль в этом отношении играли прямые контакты с китайским руководством, поездки из народно-демократических районов Маньчжурии в СССР делегаций ЦК КПК во главе с членами Политбюро Гао Ганом и Лю Шао-ци в 1945 г. и во главе с Гао Ганом в июне 1949 г.

Важное значение в укреплении революционной базы в Маньчжурии имело также содействие Советского Союза в восстановлении и развитии в этом районе военных и хозяйственных коммуникаций, которые сыграли большую роль при развертывании генерального наступления войск народной армии Китая на позиции чанкайшистов. Различные формы военно-политической и экономической помощи СССР дали возможность китайским революционерам укрепить и умножить свои силы, способствовали укреплению их авторитета по всей стране и обеспечили затем переход к решительному штурму, позволившему достигнуть быстрой победы.

Вопреки всем фактам фальсификаторы истории прилагают немало труда для того, чтобы исказить истинную картину поступательного процесса развития китайской революции, преуменьшить роль международного фактора — интернациональной помощи Советского Союза, мирового революционного движения.

На самом же деле анализ фактов и событий 1945—1949 гг. показывает, что Северо-Восток был базой освобождения Китая, что северные районы Китая, и прежде всего Маньчжурия с ее промышленным потенциалом, сосредоточением значительной массы рабочего класса, сильных партийных организаций, а также в силу непосредственной близости к Советскому Союзу, стали тем стратегическим плацдармом, опираясь на который регулярные части Народно-освободительной армии Китая (НОАК) смогли развернуть стремительное наступление на юг и в кратчайшие сроки выполнить задачу освобождения всей страны, нанести смертельный удар по прогнившему гоминьдановскому режиму и сорвать планы его империалистических покровителей.

Именно в Маньчжурии была создана основная ударная сила китайской революции — Объединенная демократическая армия (ОДА). Она сформировалась в благоприятных социальных условиях на базе союза промышленного рабочего класса и трудового крестьянства при активной руководящей роли организаций КПК. Армейские соединения, расположенные в Маньчжурии, крепкие в классовом и партийном отношении, были оснащены, как уже отмечалось, современным оружием и имели в своем составе ядро обученных командиров. Объединенная демократическая армия стала стержнем воинских формирований, обеспечивших успешное наступление НОАК на юг, победоносное слияние этого наступления с партизанским движением на местах.

Органическое соединение военно-промышленного потенциала Маньчжурской революционной базы, рабоче-крестьянских вооруженных сил, активной помощи и поддержки мировых сил социализма, и прежде всего Советского Союза, а также широких народных выступлений по всей стране было использовано Коммунистической партией Китая для завершения начатой борьбы и завоевания окончательной победы. Эту борьбу возглавляли и ею руководили тысячи организаций КПК и китайских коммунистов, прошедших школу революционной борьбы и накопивших опыт хозяйственного строительства, в частности в Маньчжурии.

Таким образом, для победы китайского народа огромную роль сыграла военно-революционная база в Маньчжурии, созданная китайскими коммунистами с помощью Советского Союза и его армии. Это был один из важных плацдармов, опираясь на который, реорганизованная, обученная, перевооруженная Народно-революционная армия под руководством КПК уничтожила прогнивший антинародный режим гоминьдановских реакционеров и изгнала американских империалистов из Китая. Таким образом, были сорваны американско-гоминьдановские планы превращения Китая в колонию США.

* * *

В новый этап вступили дружественные отношения между СССР и Китаем с победой китайской революции и созданием Китайской Народной Республики.

2 октября 1949 г., то есть на второй день создания КНР, Советское правительство установило дипломатические отношения с молодой республикой, положив тем самым начало международному признанию нового китайского народно-демократического государства.

I сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКС) уже в первом конституционном акте — Общей программе НПКС, принятой в канун создания Народной Республики — 29 сентября 1949 г., заявила: «Китайская Народная Республика, объединяясь со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми государствами и народами мира — и прежде всего с Советским Союзом, странами народной демократии и угнетенными нациями, — находится в лагере международного мира и демократии и в целях гарантии длительного мира во всем мире ведет совместно с ними борьбу против империалистической агрессии»¹⁵.

Затем этот основополагающий принцип внешней политики КНР по инициативе коммунистов-интернационалистов был зафиксирован и в Конституции КНР 1954 г., в преамбуле которой записано: «Наша страна уже установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии; с каждым днем растет дружба народа нашей страны с миролюбивыми народами всего мира. Эта дружба будет и впредь развиваться и укрепляться»¹⁶.

Чрезвычайно важным событием для дальнейшего развития советско-китайских отношений явилось заключение в феврале 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписание соглашения о предоставлении Советским Союзом Китайской Народной Республике долгосрочного экономического кредита и других документов.

В основу договора положены ленинские принципы равноправия и взаимного уважения национальных интересов, братской взаимопомощи, невмешательства во внутренние дела друг друга, глубокая преданность делу пролетарского интернационализма.

На заседании Центрального народного правительства 11 апреля 1950 г. заявлялось: «Новый китайско-советский договор и соглашения юридически закрепили дружбу между двумя великими государст-

¹⁵ Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952, стр. 53.

¹⁶ Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей. М., 1954, стр. 77.

вами — Китаем и Советским Союзом, дали нам надежного союзника. Они облегчили нашу работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие возможной империалистической агрессии во имя сохранения мира во всем мире»¹⁷.

Все последующие мероприятия в области политического, экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНР строились в соответствии с Договором от 14 февраля 1950 г. и другими соглашениями и документами, заключенными на его основе.

При активной помощи Советского Союза в КНР за три года было завершено восстановление транспорта и всего народного хозяйства, была сорвана блокада народного Китая империалистическими державами.

VIII съезд КПК, проходивший в 1956 г., с удовлетворением констатировал благоприятное развитие дружественных отношений между СССР и КНР и в своих решениях указал на необходимость продолжать крепить узы дружбы между народами двух стран¹⁸.

Незыблемые принципы взаимоотношений Советского Союза с КНР и другими социалистическими странами и необходимость дальнейшего развития дружбы и сотрудничества между странами социалистического содружества были ярко подчеркнуты и вновь закреплены в Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г.¹⁹, получившей единодушную поддержку правительства и общественности КНР, а также в Совместном советско-китайском заявлении от 18 января 1957 г.²⁰

Московское Совещание коммунистических и рабочих партий 1957 г. оказало огромное влияние на развитие международных отношений вообще и взаимоотношений стран социалистического лагеря в частности. Участники совещания заявили, что будут неустанно крепить свое единство и товарищеское сотрудничество в интересах дальнейшего сплочения содружества социалистических государств, в интересах международного рабочего движения, дела мира и социализма²¹.

В соответствии с Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи СССР и КНР участвовали в духе искреннего сотрудничества в международных усилиях, направленных на укрепление мира и безопасности, советовались друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы обеих стран.

На базе многочисленных межгосударственных соглашений плодотворно развивалось в первое десятилетие и экономическое сотрудничество между СССР и КНР. В основе этого сотрудничества лежало искреннее стремление помочь друг другу и добиться общего экономического подъема.

Советско-китайское экономическое сотрудничество осуществлялось в самых разнообразных формах: взаимовыгодная торговля, техническая помощь, кредиты, обмен производственным опытом, научно-техническое сотрудничество и т. д. Из года в год развивалась торговля между СССР и КНР.

Важнейшей формой экономического сотрудничества между Совет-

¹⁷ «Жэньминь жибао», 13. IV. 1950.

¹⁸ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. 1956, стр. 63.

¹⁹ «Известия», 31. X. 1956.

²⁰ «Известия», 19. I. 1957.

²¹ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. 1957, стр. 11—13, 21—22.

ским Союзом и КНР являлась помощь Китаю в строительстве промышленных предприятий и других объектов.

К 1960 г. СССР оказал КНР техническое содействие в строительстве и реконструкции 291 крупного промышленного предприятия.

В целях оказания помощи в области строительства, освоения нового производства, развития науки и культуры и для подготовки национальных кадров за первое десятилетие в КНР по просьбе китайского правительства было направлено около 11 тыс. высококвалифицированных советских специалистов. Кроме этого, свыше 7 тыс. китайских инженеров и квалифицированных рабочих прошло в Советском Союзе производственно-техническую практику и обучение²².

Все большее развитие получало научно-техническое сотрудничество между двумя странами.

В процессе сотрудничества в этой области осуществлялся широкий обмен опытом, передавалась безвозмездно различная техническая документация по интересующим каждую сторону вопросам. СССР передал КНР в 1954 г. более 7,5 тыс. технических документов. Осуществлялись взаимная информация по научно-исследовательским работам и совместная разработка отдельных проблем, организовывались поездки специалистов для изучения научно-технических достижений и переноса опыта в обеих странах.

С помощью советской документации в КНР было спроектировано свыше 400 крупных предприятий металлургии, машиностроения, нефтяной и угольной промышленности, путей сообщения и т. д. Советский Союз регулярно сообщал Китаю новейшие данные науки и техники. С советской помощью в Китае были организованы работы по мирному использованию атомной энергии, по исследованиям в области ядерной физики.

Большое значение для дальнейшего развития научного сотрудничества имело межправительственное соглашение от 18 января 1958 г. о совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники и оказании Советским Союзом помощи Китаю в этой работе. Соглашением предусматривалась совместная разработка в 1958—1962 гг. более 122 крупных научно-технических проблем²³.

Развивалось тесное сотрудничество между Академиями наук СССР и КНР, важным звеном которого явилось специальное соглашение, подписанное ими 11 декабря 1957 г.

Широкое и многостороннее экономическое и научно-техническое сотрудничество между СССР и КНР представляло собой блестящий образец отношений двух братских стран. Оно оказывало благотворное влияние на развитие экономики, науки и техники обеих государств, на повышение благосостояния китайского народа и тем самым способствовало дальнейшему развитию всего социалистического содружества, укрепляя его позиции в борьбе с капиталистической системой. Бескорыстная экономическая помощь Советского Союза Китаю обеспечивала быстрые темпы развития его экономики, способствовала скорейшему преодолению вековой отсталости страны, доставшейся китайскому народу в наследство от старого режима.

Культурные связи между советским и китайским народами, имеющие длительную историю, с созданием КНР получили возможность для подлинного развития. Целью сотрудничества двух стран в этой области являлись взаимопомощь в строительстве социализма, взаимное обогащение национальных культур, обоюдное содействие быстрейшему куль-

²² См. «Известия», 14. II. 1960.

²³ См. «Коммунист», 1960, № 3, стр. 67.

турному прогрессу. Для дальнейшего укрепления советско-китайской дружбы и содействия расширению культурных связей правительства СССР и КНР подписали 5 июля 1956 г. Межгосударственное долгосрочное соглашение о культурном сотрудничестве.

В соответствии с этим соглашением советские и китайские представители ежегодно разрабатывали планы мероприятий, являющиеся программами культурного обмена на очередной год.

На протяжении первых десяти лет сложились многообразные формы советско-китайского сотрудничества в области культуры. Оно успешно осуществлялось по многим каналам, как по линии официальных государственных организаций (министерств, комитетов, ведомств), так и по линии различных общественных организаций (ВЦСПС, Общества дружбы, союзов писателей, композиторов, кинематографистов, художников, журналистов, женских и молодежных организаций и т. д.). Все большее развитие получали и личные связи деятелей советской и китайской культуры, науки, обмен письмами, туризм.

Эти многообразные контакты и связи по общественной линии хорошо дополняли межгосударственные и межпартийные отношения между СССР и КНР и являлись полезным вкладом в развитие дружбы народов двух стран.

Значительную роль в укреплении советско-китайской дружбы играли такие массовые общественные организации, как Общество советско-китайской дружбы в СССР и Общество китайско-советской дружбы в Китае.

В первое десятилетие КНР китайские руководители от имени КПК, правительства и китайского народа многократно заявляли о важности дружбы СССР и КНР. «Великий союз Китая и СССР, руководящей идеологией для которого являются марксизм-ленинизм и принципы пролетарского интернационализма и в основе которого лежит единство коренных интересов двух наших стран,— говорилось в телеграмме руководства КНР руководству Советского Союза в 1960 г.,— представляет собой совершенно новую форму союзнических отношений пролетариата, взявшего власть в свои руки. Поэтому они являются нерушимыми братскими отношениями, и нет такой силы, которая могла бы разрушить их. Несбыточные, сумасбродные мечты врагов мира и социализма о расколе китайско-советского союза, расколе лагеря социализма никогда не осуществятся»²⁴.

«Империалисты,— заявлял Мао Цзэ-дун,— намерены бороться с СССР, бороться с коммунистами. Пойдешь на союз с ними, а они потребуют от тебя «с боем — на север», и от твоей революции ничего не останется.

...Если не союз с Россией, если не союз с социалистическими государствами, то непременно политика союза с империалистами...»²⁵.

Чжоу Энь-лай на IV сессии Всекитайского собрания народных представителей в 1957 г. говорил: «Некоторые возражают против изучения опыта Советского Союза и даже считают, что недостатки и ошибки, возникшие в деле строительства в нашей стране, также являются результатом учебы у Советского Союза. Это — крайне вредные взгляды... Если не учиться у Советского Союза опыту строительства социализма, то учиться у США опыту строительства капитализма, что ли? На самом деле, именно потому, что мы серьезно изучали передовой опыт Советского Союза, мы в деле строительства прошли намного меньше извилистых путей и добились огромных успехов»²⁶.

²⁴ «Жэньминь жибао», 14. II. 1960.

²⁵ Из статьи «О новой демократии», январь 1940 г.

²⁶ «Дружба», 28. VI. 1957.

Тысячи и миллионы китайцев ощущали на себе высокие чувства братства и интернационализма в контактах и общении с советскими людьми, бескорыстно делившимися с ними опытом. Хорошо известно, как китайские граждане оценивали интернациональный вклад нашего народа в строительство новой жизни в КНР. Выражая эти чувства, «Жэньминь жибао» в феврале 1959 г. писала: «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны как в количественном отношении, так и по своим масштабам не имеет прецедента в истории».

* * *

Советские люди, прогрессивные круги всех стран искренне радовались достижениям Китайской Народной Республики в строительстве новой жизни.

Отношения дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, между всеми странами социалистического содружества стали могучим фактором укрепления мира и международной безопасности. В нашей стране по достоинству был оценен вклад КНР в разработку принципов Бандунгской конференции, в разработку совместно с другими странами, участвовавшими в ней, принципов мирных отношений между государствами.

На всех этапах Советский Союз твердо придерживался принципиальной позиции. Он решительно выступал против попыток ущемить национальные интересы Китайской Народной Республики, изолировать ее от участия в решении важных международных проблем. Наша страна неизменно выступала за восстановление законных прав КНР в Организации Объединенных Наций.

Справедливость слов Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева о том, что коренные интересы советского и китайского народов не только не сталкиваются, но совпадают, подтверждаются всей историей советско-китайских отношений.

За истекшее пятнадцатилетие наша партия неоднократно предпринимала шаги, направленные на развитие межгосударственных связей с КНР на взаимовыгодной, добрососедской основе. Стремясь сохранить добрососедские отношения с китайским народом, Советский Союз выступал с предложениями о контактах между представителями СССР и КНР на высоком уровне, заявлял китайскому правительству о готовности к расширению взаимовыгодной торговли, основанной на долгосрочных соглашениях. Советский Союз выступал и выступает за налаживание сотрудничества между академиями наук, за установление контактов в области здравоохранения, спорта, туризма и т. д.

В 1970 и 1973 годах Советский Союз выдвигал конкретные предложения с целью развития контактов между нашими странами. Советская сторона представляла на рассмотрение Китая проекты важных соглашений, которые были направлены на восстановление атмосферы взаимопонимания, доверия и добрососедских отношений между ними.

Советской стороной предлагалось подтвердить действенность Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи 1950 года. Вслед за этим было внесено предложение заключить соглашение о неприменении силы, содержащее четкие положения о том, что обе стороны не будут прибегать к применению вооруженной силы друг против друга с использованием любых видов оружия. В 1973 году китайской стороне был передан проект Договора о ненападении, по которому обе стороны должны были принять обязательства «не совершать нападения друг на друга с при-

менением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угрожать таким нападением».

На XXV съезде КПСС вновь был подтвержден принципиальный курс нашей партии и страны в отношении Китая.

Советские люди — оптимисты, мы верим в будущее советско-китайской дружбы.

Как отмечала «Правда» в день 27-ой годовщины образования КНР, «опыт всей многолетней дружбы и сотрудничества советского и китайского народов наглядно демонстрирует добрую волю Советского Союза, его дружеское отношение к китайскому народу, китайской революции и социалистическим завоеваниям, его желание, как сказал Генеральный секретарь нашей партии тов. Л. И. Брежнев, «видеть Китай великой процветающей социалистической державой»²⁷.

²⁷ «Правда», 1. X. 1976.

Развитие внешнеэкономических связей МНР

Д. Гомбожав,

*кандидат в члены Политбюро,
секретарь ЦК МНРП, заместитель Председателя Совета Министров МНР,
Постоянный Представитель МНР в СЭВ*

С огромным энтузиазмом и целеустремленностью приступил ныне монгольский народ к выполнению решений состоявшегося недавно XVII съезда МНРП, который явился крупным политическим событием исторического значения в жизни нашей страны.

В Отчетном докладе Центрального Комитета МНРП, с которым выступил на съезде Первый секретарь ЦК МНРП тов. Ю. Цеденбал, дан всесторонний, глубоко научный анализ внутренней и внешней политики партии, подведены итоги созидательной деятельности народа за прошедший период, определены новые большие задачи социально-экономического развития МНР на текущее пятилетие.

«Монгольская Народная Республика, — отмечал тов. Ю. Цеденбал, — сделала еще один крупный шаг вперед в деле осуществления программных задач партии по созданию материально-технической базы социализма. В этом состоит главный итог многогранной политической и организаторской деятельности партии, самоотверженного труда всего нашего народа».

Истекшее пятилетие явилось периодом ускоренного развития социалистической индустрии и других отраслей экономики, неуклонного повышения благосостояния трудящихся, роста международного авторитета нашей страны, которая ныне поддерживает официальные дипломатические отношения более чем с 80 государствами мира.

Главная социально-экономическая задача текущей пятилетки состоит в обеспечении дальнейшего подъема общественного производства, повышении его эффективности, улучшении качества работы во всех отраслях народного хозяйства и культуры, достижении на этой основе неуклонного роста материального благосостояния и культурного уровня жизни народа. Съезд вновь убедительно продемонстрировал монолитное единство партии и народа, непоколебимую верность монгольских коммунистов идеям марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма.

На съезде отмечалось огромное всемирно-историческое значение XXV съезда КПСС, идеи которого глубоко пронизывают всю социально-политическую жизнь нашей страны. Претворение выдвинутых съездом социально-экономических задач приведет к небывалому росту экономического и научно-технического потенциала Советского Союза, явится решающим вкладом в дело укрепления мощи социалистического содружества.

Высший форум МНРП высказался за решительную поддержку выдвинутой XXV съездом КПСС программы дальнейшей борьбы за мир, международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. В результате скоординированной, целенаправленной деятельности

стран социалистического содружества, роста их могущества и авторитета, дальнейшей активизации всех антиимпериалистических сил на мировой арене происходят глубокие перемены в пользу мира, демократии и социализма.

Основой успехов стран социалистического содружества является самоотверженный труд их народов в сочетании с эффективным много- и двусторонним сотрудничеством на принципах социалистического интернационализма, равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи. В Комплексной программе социалистической экономической интеграции, единодушно принятой братскими странами в 1971 г., указывается, что актуальность задач осуществления научно-технической революции, всемерного ускорения технического прогресса, повышения эффективности общественного производства и подъема народного благосостояния, а также характер социалистических производственных отношений и требования классовой борьбы с империализмом делают жизненно необходимым постоянное углубление и совершенствование экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ.

Успехи стран социалистического содружества свидетельствуют о правильности взятого ими курса на социалистическую экономическую интеграцию, который является воплощением в жизнь ленинского учения об интернационализации хозяйственной жизни при социализме.

За период 1971—1975 гг. национальный доход стран — членов СЭВ возрос на 36%, объем промышленного производства — на 45%. Следует отметить, что за этот же период национальный доход стран Общего рынка увеличился лишь на 12%, а промышленное производство — на 7%. На долю стран — членов СЭВ, которые располагают 18,5% территории и 9,4% населения всего земного шара, приходится свыше 1/3 мирового промышленного производства.

Успехи стран — членов СЭВ особенно четко выделяются на фоне разразившегося ныне в капиталистическом мире глубокого экономического кризиса, который привел к резкому сокращению производства во всех промышленно развитых капиталистических странах, росту безработицы и значительному ухудшению материального положения широких трудящихся масс в результате непрекращающейся инфляции, вызванной возрастающими военными расходами.

Наиболее убедительным доказательством успешного развития и углубления всестороннего сотрудничества стран — членов СЭВ является рост их взаимного товарооборота, который достиг в 1975 г. 71 млрд. руб., что вдвое превышает уровень 1970 г. Устойчивая тенденция опережения темпов развития внешнеэкономических связей и прежде всего взаимного товарооборота братских стран социализма над темпами роста их национального дохода означает, что факторы интеграции становятся во все большей мере источником роста национально-го дохода этих стран.

Особое внимание странами — членами СЭВ уделяется повышению эффективности сотрудничества, в первую очередь в области совместной плановой деятельности, которая является главным методом организации сотрудничества и углубления международного социалистического разделения труда. Сотрудничество в области плановой деятельности, особенно координация планов, обеспечивает комплексное решение вопросов науки и техники, капитальных вложений, специализации и кооперирования производства в этих странах.

Координация народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг. проводилась в тесной увязке с решением задач, на-

меченных Комплексной программой, и в этом ее существенное отличие. Важнейшим итогом координации национальных планов, отражающим качественно новый этап углубления и совершенствования экономического сотрудничества, является одобренный на XXIX заседании Сессии СЭВ Согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 гг. Этот план — первый в истории международных отношений коллективный документ суверенных социалистических государств, выражающий их единую волю и объединяющий их усилия в решении крупномасштабных экономических проблем. Он охватывает важнейшие интеграционные мероприятия по строительству объектов и созданию дополнительных производственных мощностей в топливно-сырьевых отраслях совместными усилиями заинтересованных стран общей сметной стоимостью примерно 9 млрд. переводных рублей. Ввод их в эксплуатацию позволит получить существенный прирост продукции, которая будет направлена на удовлетворение потребностей заинтересованных стран в целлюлозе, асбесте, газе, нефти, железосодержащем сырье, ферросплавах, никеле и т. д. Страны — члены СЭВ выделяют в своих народнохозяйственных планах специальный раздел интеграционных мероприятий, обеспечивая их необходимыми материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами.

По мере развития социалистической экономической интеграции углубляется процесс международной специализации и кооперирования производства, особенно в отраслях обрабатывающей промышленности. Страны — члены СЭВ рассматривают специализацию и кооперирование как одно из эффективных средств повышения уровня концентрации производства. Успехи сотрудничества в области специализации и кооперирования выражаются в целом ряде многосторонних соглашений, подписанных странами — членами СЭВ. Широкая специализация и кооперирование позволили создать мощные специализированные производства: в Болгарии — электрокаров, в Венгрии — автобусов, в ГДР и Польше — судостроение и вагоностроение, в СССР и ЧССР — химическое машиностроение и производство автомобилей большой грузоподъемности, в Румынии — производство нефтедобывающего оборудования и т. д. К настоящему времени между странами — членами СЭВ заключено около 70 многосторонних и свыше 1000 двусторонних соглашений. Большинство многосторонних соглашений (более 50) относятся к продукции различных отраслей машиностроения, включающей свыше 6 тыс. наименований машиностроительных изделий. Высокая степень специализации производства стала одним из главных факторов дальнейшего развития взаимной торговли, повышения в ней доли машин, оборудования, химикатов, узлов, деталей и полуфабрикатов. Все это способствует взаимоприспособлению и оптимизации экономик наших стран, совершенствованию их структуры.

В целях наиболее эффективного решения проблемы обеспечения потребностей в высокопроизводительном оборудовании, современных машинах и материалах за последние годы были созданы международные хозяйственные объединения: «Интератомэнерго», «Интератоминструмент», «Интертекстильмаш», «Интерхимволокно», а также международная экономическая организация «Интерэлектро». Их деятельность охватывает широкий круг вопросов, начиная с проектирования и кончая реализацией готовой продукции. Создание подобных объединений и организаций рассматривается в Комплексной программе в качестве главного направления в развитии эффективных форм международной специализации и кооперирования.

Успешно и плодотворно развивается научно-техническое сотрудничество. В настоящее время совместные работы проводят более 1000 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, ими в период 1971—1975 гг. разрабатывалось более 170 проблем, состоящих из 770 тем.

Возрастает международный авторитет СЭВ, свидетельством чему служит усиливающийся интерес к сотрудничеству с ним со стороны развитых капиталистических и развивающихся государств. В 1973 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между СЭВ и Финляндией, в 1975 г. — между СЭВ и Мексикой, СЭВ и Республикой Ирак. Важным направлением внешнеэкономической деятельности СЭВ является расширение торговли, производственного и научно-технического сотрудничества с развивающимися странами. При содействии стран — членов СЭВ в них построены сотни промышленных и других объектов. В Международном инвестиционном банке создан и начал функционировать специальный фонд кредитования мероприятий по оказанию экономической и технической помощи этим странам.

Развивается сотрудничество СЭВ с международными организациями, в частности с Организацией Объединенных Наций. Предоставление в 1974 г. Совету Экономической Взаимопомощи статуса наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН явилось новым подтверждением роста его международного авторитета.

Широкий отклик мировой общественности вызвало предложение СЭВ о заключении Соглашения между СЭВ и ЕЭС. Эта инициатива направлена на претворение в жизнь положений Заключительного акта Общеευропейского совещания о расширении и активизации экономического сотрудничества, устранении дискриминации в торговле между странами с различным социальным строем.

Одна из важнейших задач, которую решают братские страны в процессе реализации Комплексной программы, — ликвидация исторически сложившихся различий в уровнях экономического развития отдельных стран, постепенное их сближение и выравнивание. Здесь многое уже сделано, об этом свидетельствует тот факт, что сейчас большая часть национального дохода европейских стран — членов СЭВ создается в промышленности, в то время как до образования СЭВ во многих странах он создавался в основном в сельском хозяйстве.

Новые горизонты в дальнейшем расширении и углублении взаимного сотрудничества братских стран открыло состоявшееся недавно XXX заседание Сессии СЭВ, которое подвело итоги выполнения Комплексной программы за период 1971—1975 гг. и приняло решения по дальнейшему углублению взаимного сотрудничества в области обеспечения потребностей стран — членов СЭВ в топливе, энергии и сырье, основных видах продовольственных и промышленных товаров народного потребления, развития машиностроения и транспортных связей на основе долгосрочных целевых программ. Необходимость разработки и осуществления таких программ обусловлена значительно возросшим уровнем производительных сил стран социализма, требованиями развития современного производства, ключевые вопросы которого могут успешно решаться лишь с учетом длительной перспективы.

В долгосрочных целевых программах найдут свое отражение конкретные мероприятия по сближению и выравниванию уровней экономического развития, которые, будучи обобщены в сводный комплекс мероприятий, явятся, по существу, программой сотрудничества в этой области. Разработка и осуществление этих программ имеет огромное политическое и экономическое значение. Они будут способствовать

успешному решению социально-экономических задач стран — членов СЭВ, более полному использованию коренных преимуществ социалистической экономической интеграции.

МНР как равноправный член социалистического содружества успешно развивает сотрудничество со всеми братскими странами, расширяет свое участие в социалистической экономической интеграции.

Опираясь на всевозрастающую помощь и поддержку Советского Союза и других социалистических стран, МНР успешно решила в конце 50-х годов одну из наиболее трудных и сложных задач социалистического строительства — преобразование сельского хозяйства на социалистических началах путем кооперирования единоличных аратских хозяйств. В стране, имевшей до революции 1921 г. единственную отрасль экономики — натуральное скотоводческое хозяйство, возникли и получили быстрое развитие такие отрасли промышленности, как энергетическая, горнорудная, топливная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, текстильная, кожевенно-обувная, пищевая, производство строительных материалов и другие. Успешно развивается железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт.

Решающее значение для становления и развития МНР по социалистическому пути имела и имеет бескорыстная братская помощь великого Советского Союза, оказываемая им во всех отраслях и звеньях народного хозяйства нашей страны. Нерушимая дружба и братство, основы которых были заложены великим Лениным и славным сыном монгольского народа Сухэ-Батором, с честью выдержали более чем полувековую проверку временем, дали замечательные плоды и явились, как отмечал тов. Ю. Цеденбал, «живым воплощением идей пролетарского интернационализма, преобразующая сила которых нашла отражение в исторических победах монгольского народа».

В этом году трудящиеся Монголии и Советского Союза торжественно отметили знаменательную дату — 30-летие Договора о дружбе и взаимопомощи между МНР и СССР, представляющего собой исторический документ, в котором закреплены основополагающие принципы подлинно братских взаимоотношений между обеими странами. Огромное значение в деле укрепления и дальнейшего расцвета наших отношений имеет договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между МНР и СССР, подписанный в 1966 г. во время визита в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с товарищем Л. И. Брежневым. За прошедшие годы, особенно за последние десять лет, сотрудничество с Советским Союзом поднялось на новую, качественно более высокую ступень, обогатилось его формы и содержание. Предоставляемые Советским Союзом кредиты составляют важный источник финансирования народного хозяйства МНР, а помощь специалистами и квалифицированными рабочими позволяет наращивать темпы строительства народнохозяйственных объектов.

Широкое развитие в последнее время получила такая форма сотрудничества, как сооружение крупных промышленных, сельскохозяйственных и транспортных объектов силами советских строительных организаций, оснащенных новейшей техникой и укомплектованных высококвалифицированными специалистами. По мере увеличения объемов строительства в МНР все в большей степени происходит межгосударственное перемещение рабочей силы, создание общих трудовых коллективов строителей и монтажников, организация на территории нашей страны совместных научно-исследовательских экспедиций. Это открывает дополнительные возможности для расширения и углубления народнохозяйственных связей.

За прошедшие 10 лет с технико-экономической помощью, а также силами и на средства Советского Союза построено и сдано в эксплуатацию более 150 важных народнохозяйственных объектов, в том числе в прошедшей пятилетке — более 100, среди которых ТЭЦ в Улан-Баторе мощностью 36 тыс. квт, 3 сельскохозяйственных комплекса производственной мощностью 15 тыс. т зерна, 1,8 тыс. т мяса и 1,2 тыс. т молока, модернизировано горнодобывающее предприятие в Бэрхэ, проведены большие водохозяйственные работы, позволившие обводнить 15 млн. га пастбищ. На предприятиях, построенных и реконструированных с помощью Советского Союза, производится ныне около 50% валовой промышленной продукции страны, в том числе 90% электроэнергии, 85% угля, 100% мытой шерсти и шерстяных тканей, около 90% муки, 70% кондитерских и хлебобулочных изделий.

Новым символом братской монголо-советской дружбы и крепнувшего сотрудничества, крупным мероприятием в рамках Комплексной программы является совместное строительство медно-молибденового горнообогатительного комбината «Эрдэнэт». По мощности и уровню применяемой технологии этот комбинат войдет в число 10 крупнейших подобного рода предприятий в мире и позволит удвоить экспортные ресурсы нашей страны. Учрежденное правительствами МНР и СССР на территории МНР в 1973 г. монголо-советское хозяйственное объединение по разведке, добыче и обогащению руд цветных металлов «Монголсовцветмет» уже сегодня вносит заметный вклад в развитие горнорудной промышленности нашей страны. Достаточно сказать, что в 1975 г. данным объединением произведено более 20% валовой продукции этой отрасли промышленности.

Интенсивно развиваются непосредственные связи между министерствами и ведомствами, научно-исследовательскими организациями двух братских стран. Такие связи в настоящее время установили 13 министерств и ведомств и 40 научно-исследовательских институтов МНР с 20 министерствами и ведомствами и 80 научно-исследовательскими учреждениями Советского Союза. Эти связи способствуют обмену опытом, достижениями науки и техники, улучшению качества работы, сокращению сроков освоения проектных мощностей предприятий, построенных с помощью Советского Союза. В высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза подготовлена основная часть кадров для народного хозяйства МНР. В настоящее время в Советском Союзе обучаются свыше 3 тыс. монгольских юношей и девушек более чем по ста специальностям.

Неуклонно растут и крепнут экономические связи МНР и с другими братскими странами, которые оказывают конкретную помощь в развитии отдельных отраслей народного хозяйства и культуры нашей страны. Так, за последние 10 лет с безвозмездной помощью ГДР построены предприятие глубокой печати, ковровая фабрика, мясокомбинат в Улан-Баторе, реконструировано вольфрамовое горно-обогатительное предприятие в Бурэнцогте, осуществлен ряд важных мероприятий по укреплению производственной базы сельского хозяйства. Значительную технико-экономическую помощь оказали: Болгария — в строительстве фабрики овчинных изделий, мясокомбината, плодоовощного и тепличного хозяйств; Венгрия — в строительстве швейной фабрики, биокомбината и мясокомбината; Польша — в строительстве деревообрабатывающего комбината, завода силикатного кирпича и извести, электростанции, мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и механизмов; Румыния — в строительстве цирка в Улан-Баторе; Чехословакия — в строительстве цементного завода, больницы, обувной фабрики

ки, завода по обработке кожевенных изделий, ремонтно-механического и галантерейных цехов в Улан-Баторе, радиостанции.

Опыт показывает, что после вступления МНР в 1962 г. в СЭВ, которое было, как отмечал товарищ Ю. Цеденбал, «продиктовано всемоходом и перспективой развития нашей страны, объективной необходимостью всестороннего, неукоснительного сплочения и объединения усилий всех стран мировой социалистической системы», произошло значительное ускорение темпов экономического развития страны. За период 1961—1975 гг. производство совокупного общественного продукта и национального дохода возросло соответственно в 2,2 и 1,8 раза. Объем валовой сельскохозяйственной продукции увеличился в 1,4 раза, а промышленное производство — в 4 раза при среднегодовых темпах роста 9,6%. С развитием промышленности происходят важные сдвиги в ее территориальном размещении: наряду с Улан-Батором в крупные промышленные центры превратились город Дархан на севере и город Чойбалсан на востоке страны.

Объем товарооборота со странами — членами СЭВ за указанный период удвоился, а удельный вес этих стран во внешнеторговом товарообороте МНР возрос с 88,5 до 96,2%. В прошедшей пятилетке значительно ускорился рост внешнеторгового оборота с братскими странами, что вызвано дальнейшим расширением плодотворного сотрудничества в различных отраслях народного хозяйства. Так, если за 1966—1970 гг. внешнеторговый оборот со странами СЭВ увеличился на 16,6%, в том числе экспорт — на 10,5%, импорт — на 26,0%, то за 1971—1975 гг. оборот внешней торговли с ними возрос в 1,9 раза, в том числе экспорт — в 2,1 раза, импорт — в 1,8 раза.

Постоянно улучшались организационные формы и структура внешней торговли МНР. Если в 1965 г. на долю машин, оборудования и других технических изделий приходилось 47,1% импорта, то в 1975 г. доля этих товаров составляла 56,3% импорта страны. Непрерывно возрастающие поставки из Советского Союза играют особенно важную роль в обеспечении народного хозяйства МНР электрооборудованием, тракторами, сельскохозяйственными машинами, автомашинами, нефтепродуктами и прокатом черных металлов. Достаточно сказать, что в 1971—1975 гг. Советским Союзом поставлены в МНР машины и оборудование на сумму 732 млн. руб. Из года в год увеличивается удельный вес товаров длительного пользования, таких, как телевизоры, магнитофоны, стиральные машины, пылесосы, легковые автомобили, мотоциклы и др., что вызвано непрерывным ростом благосостояния трудящихся.

По мере развития отечественной промышленности постоянно увеличивается объем поставок готовых изделий, что приводит к значительному улучшению экспорта нашей страны. За последние годы МНР во все возрастающем количестве поставляла такие новые товары, как мясные консервы, ковры, овчинно-шубные изделия, которые пользуются большим спросом на внешнем рынке. Продукция различных отраслей промышленности составляет ныне более 40% нашего экспорта.

МНР глубоко заинтересована в развитии процесса интеграции, являющегося мощным ускорителем социально-экономического развития и важным фактором упрочения единства и сплоченности социалистического содружества. Особое значение для нашей страны имеют указания Комплексной программы относительно разработки и осуществления специальных мероприятий, направленных на ускорение развития и повышение эффективности экономики МНР. Руководствуясь указаниями Комплексной программы, Советский Союз, а также Болгария, ГДР, Польша и Чехословакия повысили в предыдущей пятилетке внеш-

неторговые цены на импортируемые ими из МНР мясо и скот. Причем, Советский Союз по нашей просьбе вторично повысил указанные цены на 1974—1975 гг. Это создало дополнительные условия для осуществления конкретных мероприятий по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, повышению материальной заинтересованности сельских тружеников. Недавно подписано межправительственное соглашение об оказании Советским Союзом значительной безвозмездной помощи нашей стране в период 1976—1980 гг., а также достигнута договоренность о дальнейшем применении поощрительных внешнеторговых цен на ряд экспортных продуктов МНР на текущее пятилетие. Все это, несомненно, будет способствовать ускоренному развитию экономики и росту материального и культурного благосостояния трудящихся нашей страны.

Органы СЭВ — Комитеты по сотрудничеству в области плановой деятельности и по научно-техническому сотрудничеству, Постоянные Комиссии по геологии, сельскому хозяйству, пищевой промышленности, транспорту, строительству, внешней торговле, валютно-финансовым вопросам, электроэнергии, электрической и почтовой связи рассматривают наши предложения и разрабатывают мероприятия по сотрудничеству стран — членов СЭВ в развитии отраслей народного хозяйства МНР, часть из которых в настоящее время уже реализуется. Так, братские страны оказывают безвозмездную помощь в создании 11 научно-исследовательских объектов, центра научно-технической информации в Улан-Баторе и в подготовке научных кадров для них. Учитывая специфические условия развития МНР, Международный банк экономического сотрудничества и Международный инвестиционный банк предоставляют ей льготные кредиты.

В 1975 г. подписано Соглашение об учреждении Международной геологической экспедиции в МНР, финансирование которой осуществляется безвозмездно странами — участницами экспедиции. Задачей экспедиции является проведение комплексных работ по выявлению и изучению месторождений минерального сырья, представляющего интерес для народного хозяйства нашей страны и других стран — участниц. Подписано также Соглашение между правительствами стран СЭВ о безвозмездном строительстве в Улан-Баторе продовольственного магазина типа «Универсам».

Наша страна придает исключительно большое значение такой форме сотрудничества, как совместное строительство и эксплуатация межгосударственных предприятий, которая обеспечивает наиболее гармоничное сочетание интересов всех участвующих стран, ярким примером чего служит создание совместного монголо-советского горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт».

Сотрудничество со странами — членами СЭВ в текущей пятилетке, как следует из итогов проведенной координации народнохозяйственных планов, получит еще более интенсивное развитие. Братские страны, и прежде всего Советский Союз, будут продолжать оказывать всевозрастающую интернационалистскую помощь в развитии материально-технической базы народного хозяйства МНР, включая предоставление льготных кредитов для строительства новых, расширения и реконструкции существующих предприятий, безвозмездной помощи, командирование квалифицированных рабочих и специалистов, подготовку кадров для нашей страны.

Следует отметить, что объем оказываемой со стороны Советского Союза экономической помощи в новой пятилетке значительно возрастет по сравнению с прошлым пятилетием и значительная часть этой по-

мощи будет направлена на развитие ключевых отраслей нашей экономики, таких, как сельское хозяйство, топливно-энергетическая, легкая и пищевая промышленность, производство строительных материалов. А всего с технико-экономической помощью Советского Союза будет построено свыше 300 предприятий и объектов. С еще большим размахом развернется строительство горно-обогатительного комплекса «Эрдэнэт» и нового города Эрдэнэт, воздвигаемых совместными усилиями монгольских и советских строителей.

Значительную технико-экономическую помощь МНР окажут также другие страны — члены СЭВ, в частности, в расширении ковровой фабрики и сельскохозяйственного комплекса (ГДР), расширении и модернизации мясокомбината в городе Чойбалсане, строительстве агропромышленного комплекса (НРБ), расширении биоконбината (ВНР), строительстве сельскохозяйственного комплекса и предприятий промышленности строительных материалов (ПНР), строительстве мебельного завода (СРР), строительстве завода крупных кож и обувной фабрики (ЧССР). Примерно в полтора раза возрастет наш внешнеторговый оборот со странами — членами СЭВ.

За истекшие годы дальнейшее развитие получило сотрудничество с ДРВ, КНДР и СФРЮ.

После победы народной революции в Китае стали развиваться торгово-экономические отношения и с КНР, которые впоследствии были нарушены по вине китайских руководителей. Китайской стороной не было осуществлено строительство ряда важных объектов. Объем монголо-китайской торговли сократился более чем в 7 раз по сравнению с уровнем 1960 г., резко уменьшился объем грузов, перевозимых по Трансмонгольской железной дороге.

Не отступая от своих законных принципиальных позиций, МНР делает все, что от нее зависит, чтобы нормализовать межгосударственные отношения с КНР. МНРП и правительство МНР считают, что нормальное развитие отношений дружбы и сотрудничества между МНР и КНР имеет большое значение не только для дела социалистического строительства в обеих странах, но и для укрепления мировой социалистической системы.

Развиваются торгово-экономические связи МНР с развитыми капиталистическими и развивающимися странами на основе равноправия и взаимной выгоды. Наша страна имеет торговые отношения на межправительственном уровне с АРЕ, Австрией, Индией, Англией, Японией и с рядом фирм Голландии, Франции, Финляндии, Швеции, Швейцарии, Дании, ФРГ. МНР, как и другие братские страны, кровно заинтересована в дальнейшем углублении процесса разрядки международной напряженности, развитии равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между государствами с различными социально-экономическими системами.

В соответствии с решениями XVII съезда партии МНР будет и впредь неуклонно проводить политику всемерного сближения и консолидации в экономической, политической, культурной и идеологической областях с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. Всестороннее интегрирование нашей экономики с советской экономикой, углубление интеграционных процессов со странами социалистического содружества будут иметь исключительное важное значение в решении грандиозных социально-экономических задач, выдвинутых XVII съездом МНРП. Успешное осуществление этих исторических задач приведет к новым победам монгольского народа на пути полного построения социалистического общества в МНР.

Война во Вьетнаме и дипломатическая борьба

(история освободительной борьбы Вьетнама)

*М. С. Капица,
профессор*

С небольшими интервалами тридцать лет вьетнамский народ вел борьбу за независимость и объединение страны на социалистических началах. Особенно тяжелый характер носила война в 1966—1975 гг.; вьетнамскому народу пришлось оказывать вооруженный отпор сильнейшей империалистической державе — США. Эта война, потребовавшая громадного напряжения сил вьетнамского народа и отмеченная массовым героизмом, железной стойкостью и непоколебимой решимостью вьетнамцев, сопровождалась и сложной дипломатической борьбой, имевшей целью разъяснить мировой общественности, что вьетнамский народ защищает правое дело, добиться широкой международной поддержки, изолировать агрессора.

Активную дипломатическую деятельность вели друзья Вьетнама, старавшиеся обеспечить всемерную поддержку сражавшемуся Вьетнаму, оказать давление на агрессора, содействовать быстрейшему прекращению кровопролития на основе ухода заокеанских интервентов из Вьетнама и политическому урегулированию.

Творцы политики США утверждали, будто они «защищают жертву агрессии», пытались оправдать эскалацию войны, привлечь союзников, которые соучаствовали бы в их войне против вьетнамского, а затем — лаосского и камбоджийского народов.

1. Вмешательство США во внутренние дела вьетнамского народа, срыв ими выполнения Женевских соглашений 1954 г.

Взяв на себя главную заботу о сохранении мировой капиталистической системы, стремясь не допустить выпадения из системы капитализма новых государств, США хотели воздвигнуть в Юго-Восточной Азии барьер против социализма и освободительного движения. В сентябре 1954 г. они создали военно-политический блок СЕАТО, призванный служить инструментом их политики в Юго-Восточной Азии. Одной из главных задач было не допустить объединения Вьетнама на основе социализма (Дин Раск говорил, что 17 параллель в Индокитае является де границей между капитализмом и социализмом, и США не допустят, чтобы она была разрушена).

Вскоре после Женевского совещания 1954 г. и вопреки соглашениям, заключенным в Женеве, США приступили к планомерному наращиванию своего военного потенциала во Вьетнаме, открыто вытесняя Францию. 1 октября 1954 г. президент Д. Эйзенхауэр информировал Нго Дин Дьема, назначенного в июле «премьер-министром»

Южного Вьетнама, что США окажут его «правительству» необходимую помощь. Париж был уведомлен 20 ноября, что американская помощь будет направляться Южному Вьетнаму непосредственно. 12 февраля 1955 г. сайгонские власти заявили, что впредь подготовкой их войск будут руководить не французы, а американские генералы. Экспедиционные войска Франции покинули Южный Вьетнам в конце апреля 1956 г., образовавшийся «вакуум» заполняли американцы. Военная миссия США руководила военным аппаратом Южного Вьетнама и психологической войной, занималась организацией, оснащением и обучением сайгонских войск. Строились стратегические дороги, создавались военные базы.

Поддерживаемый США Нго Дин Дьем создавал «государство» на юге Вьетнама. В октябре 1955 г. был проведен плебисцит; император Бао Дай был устранен; 26 октября была провозглашена «Республика Вьетнам», и Дьем стал ее «президентом». В марте 1956 г. были проведены «выборы» в Национальное собрание, а 26 октября принята «конституция». «Президента» наделили большой властью. Идеи коммунизма были объявлены вне закона. Дьем установил жесточайший террористический режим. Истреблялись коммунисты и все, заподозренные в симпатиях к ним.

В соответствии с Женевскими соглашениями ДРВ неоднократно выдвигала конкретные предложения о проведении всеобщих выборов с целью объединения Вьетнама. 4 февраля 1955 г. правительство ДРВ призвало сайгонские власти создать благоприятные условия для проведения свободных выборов; 6 и 19 июля 1955 г. последовали ноты о созыве с этой целью консультативного совещания. Подобные предложения направлялись систематически до и после истечения установленного в Женеве срока объединения — июля 1956 г. 7 марта и 22 декабря 1958 г. ДРВ снова и снова обращалась с предложениями провести встречу для обсуждения мер с целью быстрее объединения страны.

Сайгонские власти заявили 16 июля и 9 августа, что не признают Женевских соглашений и не пойдут на созыв консультативного совещания. 21 сентября 1955 г. Нго Дин Дьем предупредил, что он не пойдет ни на какое совещание по поводу общевьетнамских выборов в 1956 г.

США поддерживали такую позицию Сайгона. Д. Эйзенхауэру принадлежит утверждение, что, если бы в 1956 г., как это было предусмотрено Женевскими соглашениями, во Вьетнаме были проведены всеобщие выборы, «возможно, 80% населения проголосовали бы за коммуниста Хо Ши Мина»¹. США стремились не допустить этого.

В Вашингтоне были довольны тем, как их марионетка Нго Дин Дьем распоряжался на Юге Вьетнама. В 1961 г. американский «фонд свободы» наградил его за «эффективное сопротивление коммунизму». «Нью-Йорк таймс» писала в передовой, что тактика, которую Дьем применял в борьбе против коммунизма, заслуживает того, чтобы она была проанализирована; она может оказаться действенной и в других местах. Президент Дж. Кеннеди в октябре 1961 г. характеризовал деяния Дьема как наиболее похвальные и «наилучшим образом осуществляемые усилия» в наше время.

Но обстановка на Юге осложнялась. Сайгонское «правительство» оказывалось все более непопулярным. В ноябре 1960 г. была предпринята попытка военного переворота, чтобы свергнуть правительство

¹ D. D. Eisenhower. Mandate for change. N. Y., 1963, p. 732.

Дьема. Против его диктатуры стали выступать даже представители правящей элиты. Бунтовали буддисты. Дьем отвечал усилением репрессий. 9 мая 1963 г. был открыт огонь по демонстрации буддистов в Гуэ. Это привело лишь к расширению движения буддистов против сайгонских властей.

Вашингтон оказался в деликатном положении. Валилось созданное им с таким трудом здание марионеточного режима. Творцов американской политики беспокоило то, что кризис в Сайгоне сказывается на борьбе против освободительного движения. В августе 1963 г. Белый дом отправил в Сайгон опытного политического деятеля и дипломата Г. К. Лоджа в качестве посла. Президент Дж. Кеннеди в телевизионном интервью 2 сентября заявил, что он не думает, что война (против патриотических сил.— Авт.) может быть выиграна без поддержки народа и что правительство потеряло контакт с народом. В Южный Вьетнам были посланы министр обороны Р. Макнамара и генерал М. Тейлор для изучения обстановки и выработки рекомендаций. Они констатировали, что «политическая ситуация в Южном Вьетнаме остается крайне серьезной». Они рекомендовали расширить военную помощь Сайгону.

Вскоре после этого, 1 ноября, Дьем был убит. Как стало известно из опубликованных в 1970 г. секретных документов Пентагона, переворот был устроен с ведома президента США. Ставка была сделана на военную хунту.

Свержение Дьема не привело к стабилизации обстановки в Сайгоне. Один переворот следовал за другим. Тем временем военное положение сайгонского режима ухудшилось. Небольшие отряды патриотов, действовавшие сначала разрозненно, превратились в мощные силы освобождения. Под их контролем оказалась большая часть территории.

В декабре 1960 г. Партия трудящихся Вьетнама создала Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), объединивший широкие слои населения и различные патриотические организации. Фронт служил инструментом борьбы за демократический, мирный, нейтральный и процветающий Южный Вьетнам; вопрос об объединении обеих частей Вьетнама должен был решаться самим вьетнамским народом без вмешательства извне.

НФОЮВ сформировал регулярные вооруженные силы, партизанские войска и местную милицию. Административные организации фронта, опирающиеся на народ и выполняющие функции правительственных учреждений, обеспечили образцовый порядок в противовес хаосу и бесправию, которые процветали на территориях, управляемых марионеточными властями.

Соединенным Штатам приходилось все более брать на себя борьбу с освободительным движением. До 1961 г. в Южном Вьетнаме находилось около 700 американских военнослужащих, в 1961 г. это число удвоилось. В конце 1963 г. на Юге Вьетнама сражались 16,5 тыс., а к концу 1964 г. — 23 тыс. американских солдат и офицеров.

2. Агрессия США против ДРВ. Расширение американской интервенции в Южном Вьетнаме

2 августа 1964 г. американский эсминец «Мэддокс» в соответствии с заранее разработанным в Вашингтоне планом вошел с разведывательным заданием в Тонкинский залив, нарушил территориальные воды ДРВ и открыл огонь по ее патрульным судам. Последние в поряд-

ке самообороны, защищая безопасность границ своего государства, ответным огнем отогнали эсминец в открытое море. Спустя два дня Вашингтон объявил, что вьетнамские боевые корабли будто бы напали на эсминцы «Мэддокс» и «Торнер Джой» в международных водах. В действительности американские эсминцы находились в пределах 12 мильной полосы территориальных вод ДРВ, и поэтому ее военные власти были вправе предпринять обычные в таких случаях меры, чтобы защитить безопасность своих границ. Морской офицер Д. Уайт, находившийся на одном из американских кораблей в Тонкинском заливе, впоследствии выступил с заявлением, в котором он полностью опроверг версию о нападении ДРВ на суда США.

Воспользовавшись спровоцированными инцидентами, США подвергли 5 августа обстрелу и бомбардировке приморские районы ДРВ. 10 августа 1964 г. президент США утвердил закон, принятый 7 августа на совместном заседании палаты представителей и сената. Эта «Тонкинская резолюция» санкционировала принятие необходимых мер «для отражения любого вооруженного нападения на силы Соединенных Штатов и для предотвращения дальнейшей агрессии».

Агрессия готовилась заблаговременно. Еще 31 мая 1964 г. в американской печати появилось сообщение, что комитет оборонных мероприятий США официально поддержал решение правительства о нападении на ДРВ и что уже проведена подготовка. Помощник государственного секретаря США Уильям Банди признал впоследствии, 22 декабря 1967 г., что несколько проектов, которые легли в основу «Тонкинской резолюции», были заготовлены до того, как США объявили, что американские военные корабли подверглись нападению в Тонкинском заливе. Следовательно, текст «Тонкинской резолюции» за несколько недель до инцидента «лежал в кармане» президента, дожидаясь момента.

Так было положено начало варварской воздушной войне против Демократической Республики Вьетнам.

26 сентября 1964 г. президент Л. Джонсон официально объявил, что он отдал приказ американским самолетам вторгаться в воздушное пространство ДРВ с целью преследования вьетнамских самолетов, якобы совершавших нападения на военно-морские силы США в Тонкинском заливе. 7 февраля 1965 г. Белый дом сообщил, что в ответ на налет вьетнамских патриотов на американскую военную базу вблизи Плейку в Южном Вьетнаме будут предприняты массированные бомбардировки ДРВ. Правительство США не могло объяснить, как нападение южновьетнамских партизан могло служить поводом для массированных бомбардировок ДРВ.

Показательно, что первый массированный налет был предпринят на ДРВ, когда в Ханое находилась советская делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным (февраль 1965 г.). Впоследствии официальные лица США пытались объяснить это простым совпадением: дескать, приказ о налете был дан за несколько дней до визита, а дальше — сработала военная машина. Дело, видимо, не в этом. Приурочив налет к визиту советской делегации, правящие круги США, очевидно, рассчитывали, что это окажет «сдерживающее воздействие» на СССР и помешает оказанию Советским Союзом ДРВ широкой военной помощи в отражении американской агрессии. В дальнейшем они убедились, что эти провокации были встречены в СССР с гневом и возмущением и еще более укрепили решимость советского народа оказывать всемерную помощь братской стране.

Агрессия США явилась грубым нарушением международного права, Устава ООН, запрещающего не только агрессивную войну, но и угрозу силой. Агрессия США противоречила и американской конституции, так как фактически велась необъявленная война без санкции конгресса. «Тонкинская резолюция», принятая конгрессом США в августе 1964 г., не содержала прямого объявления войны Демократической Республике Вьетнам, там были лишь туманные ссылки на поддержку тех военных мер, которые президент сочтет возможным предпринять в будущем, и то при наличии серьезных оснований для использования вооруженных сил.

Хотя правительство США сначала заявляло, что речь идет о бомбардировках военных объектов на территории ДРВ, американские самолеты бомбили дороги, переправы, порты, предприятия, города, деревни. Зона бомбардировок все более расширялась на Север. Бомбардировками Ханоя и Хайфона 29 июня 1966 г. началась неограниченная воздушная война против Демократической Республики Вьетнам.

Одновременно расширялась вооруженная интервенция США на Юге Вьетнама. В мае 1965 г. в Южном Вьетнаме было 46 тыс., в конце 1965 г. — 200 тыс. американских войск. К концу 1968 г. США сосредоточили там более чем 500-тысячную армию. Ее операции поддерживал седьмой флот США.

22 марта 1965 г. ЦК НФОЮВ изложил 5 пунктов, а 8 апреля премьер-министр правительства ДРВ Фам Ван Донг сформулировал 4 пункта программы борьбы. США должны вывести свои вооруженные силы и войска союзников из Южного Вьетнама, прекратить интервенцию в Южном Вьетнаме и агрессию против ДРВ, не может допускаться создание или сохранение каких-либо иностранных военных баз во Вьетнаме, внутренние дела Южного Вьетнама должен решать народ в соответствии с программой НФО, вопрос о мирном воссоединении Вьетнама должен решать народ без какого-либо вмешательства извне.

Постепенно расширялись внешнеполитические связи НФОЮВ. Начиная с 1966 г. он учредил свои представительства в социалистических странах, во многих государствах Азии и Африки, все чаще выезжали делегации фронта за границу, принимали участие в международных конференциях солидарности с Вьетнамом.

В августе 1967 г. Чрезвычайный съезд НФОЮВ принял новую программу, в которой ставилась задача борьбы за мирный, демократический, нейтральный и процветающий Южный Вьетнам. Из программы вытекало, что в течение какого-то времени Южный Вьетнам будет существовать как независимое государство, осуществляющее политику нейтралитета. Объединение Северного и Южного Вьетнама произойдет мирным путем в соответствии с волей населения обоих государств.

НФОЮВ и правительство ДРВ, их дипломатия стремились довести эти свои программы до сведения самых широких кругов во всех странах, максимально мобилизовать мировую общественность с целью оказания поддержки Вьетнаму и осуждения и изоляции агрессора, добиться как можно большей практической помощи со стороны иностранных государств в отражении нападения. Они пропагандировались через печать и по радио, руководители ДРВ и представители НФОЮВ настойчиво и терпеливо разъясняли их в ходе переговоров и встреч с иностранными представителями на различных международных форумах. Дипломатия ДРВ и НФОЮВ показывала несостоятельность попыток, сознательных или неумышленных, поставить на одну доску агрессора и жертву агрессии и призывов к воюющим сторонам пойти навстречу друг другу. Руководители ДРВ и НФОЮВ совершали частые поездки

в социалистические страны, где шел обмен мнениями об обстановке во Вьетнаме и мерах по оказанию помощи вьетнамскому народу. Дипломатия ДРВ и НФОЮВ исходила из того, что переговоры с США могут быть эффективными только после безоговорочного прекращения бомбардировок ДРВ.

Пытаясь прикрыть свою агрессию таким «миролюбием», Соединенные Штаты демонстрировали «готовность» к переговорам, несколько раз Вашингтон разыгрывал фарс временного прекращения бомбардировок. В частности, 12 мая 1965 г. посол США в Москве Ф. Колер попросил МИД СССР передать посольству ДРВ ноту по этому поводу. Ему было сказано, что он может сделать это сам. Через два-три дня один из работников посольства США постучал в дверь посольства ДРВ и передал конверт. День спустя конверт был возвращен нераспечатанным. Как потом сообщали сами американцы, в ноте было сказано, что пауза между бомбардировками продлится до следующей недели, на что Ханой должен ответить значительным сокращением военных действий!

И еще один столь же красноречивый пример. 10 января 1966 г. советник посольства США Джон Гатри посетил посольство ДРВ в Москве и встретился с советником Ле Чангом с целью установления прямых контактов. А несколько часов спустя президент Джонсон заявил в конгрессе, что США будут продолжать войну во Вьетнаме, и обещал американцам «больше расходов, больше потерь».

Дипломаты США утверждали, что Вашингтон готов пойти на переговоры с Ханоем без всяких условий. На это вьетнамские дипломаты резонно отвечали, что переговоры «без всяких условий» есть не что иное, как выдвигание ультимативных требований, что только полное, безоговорочное прекращение бомбардировок может открыть путь к переговорам.

В Вашингтоне отнюдь не наблюдалось единства взглядов насчет того, следует ли наряду с войной искать пути политического урегулирования. О том, что акцент делался на военные акции, убедительно говорит такой случай. В 1966 г. представитель Польши в Международной комиссии по контролю и наблюдению во Вьетнаме посол Я. Левандовский, посол Италии в Сайгоне Д'Орланди и посол США Г. К. Лодж после длительной дискуссии условились, что 6 декабря в Варшаве состоится встреча представителей ДРВ и США. Американская авиация, подвергнув 2 декабря жестокой бомбардировке пригороды Ханоя, сорвала намечавшуюся встречу.

Дипломатия США пыталась вывести свою страну из международной изоляции, «интернационализировать» агрессию во Вьетнаме и укрепить сайгонский режим. Но ее усилия натолкнулись на серьезные препятствия. Правительство Англии старалось оказать США политическую поддержку, но не включалось в войну в Южном Вьетнаме. Франция заняла резко отрицательную позицию в отношении американской агрессии. Ряд западных государств, не осуждая прямо США, хотели, чтобы война во Вьетнаме была поскорее закончена, а Финляндия и Швеция стали демонстрировать благожелательное отношение к сражавшемуся Вьетнаму. Только ФРГ и Япония в той или иной мере оказывали помощь США. И лишь Таиланд, Австралия, Новая Зеландия и южнокорейские марионетки направили войска в Южный Вьетнам. Филиппины сначала было послали батальон в Южный Вьетнам, а затем отозвали его.

Агрессия США во Вьетнаме была осуждена в Китае. При этом были очень четко очерчены пределы действий КНР. «Китайцы будут

восвать лишь в том случае, если США нападут на Китай», — говорил Мао Цзэ-дун американскому литератору Э. Сноу в январе 1965 г.

Советский Союз с самого начала американской агрессии твердо стал на сторону борющегося Вьетнама. В течение всей войны между советскими и вьетнамскими руководителями поддерживались тесные контакты. Неоднократно в СССР принимали первого секретаря ЦК партии трудящихся Вьетнама Ле Зуана, премьер-министра правительства ДРВ Фам Ван Донга, заместителей премьер-министра и членов Политбюро ЦК ПТВ Нгуен Зуй Чиня, Ле Тхань Нги, Во Нгуен Знапа и других. В феврале 1965 г. и в сентябре 1969 г. ДРВ посетили советские делегации во главе с А. Н. Косыгиным, в январе 1966 г. — партийно-правительственная делегация, в октябре 1971 г. — партийно-правительственная делегация, возглавляемая Н. В. Подгорным, и многие другие делегации. В ходе этих встреч стороны обменивались информацией о международной обстановке и войне во Вьетнаме, сопоставляли свои оценки, обсуждали и решали вопросы о помощи оружием и материальными средствами Демократической Республике Вьетнам, согласовывали линию дальнейших действий.

Советский Союз противодействовал агрессии США политически, дипломатически, военными средствами, которые он направлял героическим защитникам Вьетнама.

Уже 6 августа 1964 г. в связи с антивьетнамской провокацией американского эсминца «Мэддокс» через ТАСС было сделано заявление, что «в советских авторитетных кругах решительно осуждаются агрессивные действия США в Тонкинском заливе, которые ведут к опасному накалу и без того напряженной обстановки в Юго-Восточной Азии»². В связи со спровоцированным США военным инцидентом в Тонкинском заливе 18 сентября 1964 г. вновь было сказано, что «американское вмешательство в дела вьетнамского народа может привести к весьма опасным последствиям, всю ответственность за которые будут нести США»³. 27 ноября 1964 г. был заявлен решительный протест в связи с вторжением американских военных самолетов в воздушное пространство ДРВ. Действия американской военщины, отмечалось в заявлении ТАСС, чреватые опасными последствиями для дела мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в телеграмме министру иностранных дел ДРВ Суан Тхюи указал, что «верный принципам пролетарского интернационализма СССР не останется безучастным к судьбам братской социалистической страны и готов оказать ДРВ необходимую помощь, если агрессоры осмелятся посягнуть на ее независимость и суверенитет»⁴.

В ходе состоявшихся бесед делегации СССР во главе с А. Н. Косыгиным в начале февраля 1965 г. с руководителями ДРВ, в которых принял участие президент ДРВ Хо Ши Мин, была достигнута договоренность о конкретных мерах по укреплению обороноспособности Северного Вьетнама и о проведении регулярных консультаций по этому вопросу. Во время визита были подписаны соглашения о расширении сотрудничества двух стран. Советская делегация по поручению ЦК КПСС и правительства СССР вновь подтвердила готовность Советского Союза всемерно содействовать обеспечению безопасности братской социалистической страны и оказать ДРВ необходимую помощь. С советской стороны была выражена полная поддержка спра-

² «Правда», 6. VIII. 1964.

³ «Правда», 22. IX. 1964.

⁴ «Боевая солидарность, братская помощь» (Сборник важнейших внешнеполитических документов СССР по вьетнамскому вопросу). М., 1970, стр. 28.

ведливой героической борьбы населения Южного Вьетнама под руководством Национального фронта освобождения за независимость, демократию, мир, нейтралитет⁵.

Советский Союз обратился к Соединенным Штатам с решительным предупреждением в связи с началом бомбардировок американской авиацией территории ДРВ. 9 февраля 1965 г. Советское правительство заявило, что СССР вместе со своими союзниками и друзьями будут вынуждены прибегнуть к дополнительным мерам по ограждению безопасности и укреплению обороноспособности ДРВ. «Пусть ни у кого не будет сомнений в том, — отмечалось в заявлении, — что Советский Союз сделает это, что советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны»⁶. 4 марта 1965 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко изложил послу США в Москве заявление Советского правительства правительству США, в котором подчеркивалось, что американская сторона должна отдавать себе отчет, к каким далеко идущим последствиям для международной обстановки в целом, и для советско-американских отношений в частности, может повести развитие событий во Вьетнаме, если США будут и далее придерживаться агрессивного курса.

Будучи участником сопредседателем Женевских совещаний 1954 г. по Индокитаю и 1962 г. по Лаосу СССР предложил Великобритании выступить с совместным посланием сопредседателей Женевских совещаний, в котором было бы выражено осуждение агрессивных действий США во Вьетнаме, являвшихся грубым нарушением Женевских соглашений, и требование немедленного прекращения этих действий, а также содержался призыв ко всем странам — участникам Женевских соглашений 1954 г. выступить с аналогичными требованиями. Несмотря на обструкционистскую позицию английского правительства, Советский Союз, пользуясь своими прерогативами сопредседателя, продолжал постоянно и активно выступать в защиту неотъемлемых прав вьетнамского народа, за сохранение действенности Женевских соглашений.

Осуществляя агрессию против Вьетнама, США грубо нарушили законы и обычаи войны, использовали варварские методы и средства ее ведения, запрещенные международным правом. Советский Союз и ДРВ не раз выступали с протестами против применения американской военной авиации в Южном Вьетнаме отравляющих химических веществ. 26 марта 1965 г. правительство СССР направило ноту правительству США, в которой отмечало, что «использование химического оружия против населения Южного Вьетнама — это грубейшее нарушение общепризнанных норм международного права, попрание элементарных принципов человеческой морали и гуманности»⁷. В заявлении ГАСС от 13 марта 1966 г. подчеркивалось, что применение американскими войсками отравляющих химических веществ против населения, посевов и растительности в Южном Вьетнаме вызывает гнев и возмущение советского народа, который требует прекратить варварские действия военной авиации США во Вьетнаме.

Путем переписки между главой Советского правительства и президентом США, через посла СССР А. Ф. Добрынина, при встречах советских руководителей с американскими представителями, в част-

⁵ «Правда», 11. II. 1965.

⁶ «Правда», 9. II. 1965.

⁷ «Правда», 27. III. 1965.

ности во время встреч А. Н. Косыгина с Л. Джонсоном в июне 1967 года, советские представители призывали администрацию США проявить благоразумие и не предпринимать действий, которые могли бы привести к расширению конфликта и серьезно сказаться на советско-американских отношениях. Советская дипломатия требовала прекратить агрессию, и прежде всего — бомбардировки ДРВ, вывести войска США и их союзников из Вьетнама и уважать право вьетнамского народа самому решать свои дела без вмешательства извне.

Советский Союз обращал внимание правительства Таиланда, Австралии и Новой Зеландии, что их соучастие в войне против Вьетнама усиливает угрозу миру в Юго-Восточной Азии и в конечном счете принесет печальные результаты им самим⁸. Серьезное предостережение было сделано Японии в связи с тем, что ее территория и материальные ресурсы использовались в интересах агрессии США во Вьетнаме⁹.

Мужественная борьба вьетнамского народа, помощь и поддержка СССР, других социалистических стран Вьетнаму, большие потери США в живой силе и технике, рост внутренних международных трудностей США вынудили президента Л. Джонсона частично прекратить 31 марта 1968 г. бомбардировки ДРВ и выступить с предложением о переговорах. Вашингтон пытался в ходе переговоров достичь того, чего не мог добиться войной: спасти сайгонский режим.

Из-за того что США выдвигали неприемлемые для ДРВ предложения о месте встречи, официальные контакты представителя ДРВ Суан Тхюи и представителя США А. Гарримана начались в Париже только 13 мая 1968 г. Больше пяти месяцев продолжались эти встречи. Представитель США в качестве условия полного прекращения бомбардировок требовал отказаться от помощи Южному Вьетнаму, дать гарантии о ненападении войск НФОЮВ на демилитаризованную зону и города Южного Вьетнама. Он возражал против участия в будущих переговорах НФОЮВ, предлагая, чтобы представители Фронта были включены в делегацию ДРВ.

Представитель ДРВ настаивал на полном безоговорочном прекращении бомбардировок и других актов войны США против Северного Вьетнама, на участии в переговорах НФОЮВ. Делегация ДРВ так мастерски и гибко повела беседы, что не только добилась полноправного участия НФОЮВ в переговорах, но американским дипломатам пришлось добиваться согласия вьетнамского представителя на участие в переговорах сайгонской администрации. Советское правительство неоднократно обращалось к Вашингтону, призывая поскорее пойти на прекращение бомбардировок. Администрация США пыталась получить гарантии от Советского Союза, что не будут увеличены переброски с Севера на Юг Вьетнама, что переговоры не будут бесконечными и т. д. Советская сторона заявляла, что не может идти речи о каких-либо гарантиях со стороны СССР, что США должны окончательно и безоговорочно прекратить бомбардировки и пойти на серьезные переговоры, что авторитет США от этого не пострадает, а дело мира явно выиграет.

1 ноября 1968 г. президент США объявил о прекращении бомбардировок и других акций против ДРВ. Представители ДРВ и США договорились о начале четырехсторонней конференции в составе ДРВ, НФОЮВ, США и сайгонской администрации.

⁸ «Правда», 16. V. 1965.

⁹ «Правда», 18. II. 1966.

Американская дипломатия пыталась сопроводить это соглашение оговорками. Из выступлений Л. Джонсона от 1 ноября вытекало, что США могли бы возобновить бомбардировки ДРВ в случае нападения частей НФОЮВ на Сайгон и на демилитаризованную зону. Впоследствии официальные лица США утверждали, что между представителями США и ДРВ якобы было достигнуто взаимопонимание, что Северный Вьетнам будет с уважением относиться к демилитаризованной зоне, воздерживаться от артиллерийских обстрелов населенных центров в Южном Вьетнаме и вступит в целенаправленные переговоры. На самом деле никаких заверений ДРВ не давала, хотя А. Гарриман их добивался. Взаимопонимание состояло в том, что США прекращали бомбардировки, а ДРВ соглашалась на четырехсторонние переговоры.

ДРВ и НФОЮВ отметили прекращение бомбардировок как важную победу и потребовали полного прекращения американской интервенции в Южном Вьетнаме и вывода оттуда войск США и их союзников.

Правительство СССР указало 3 ноября 1968 г., что весь ход событий во Вьетнаме, положительные результаты первого этапа переговоров в Париже убедительно свидетельствовали о том, что нет иного пути к выходу из агрессивной войны, кроме как через прекращение бомбардировок и других военных действий против суверенного социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам. Достижение договоренности в Париже означает растущее признание этого факта в самих США, и это находит свое выражение, в частности, в линии кругов, проявляющих политический реализм в подходе к вьетнамскому вопросу и выступающих против опасного для дела всеобщего мира курса наиболее агрессивных воинствующих сил¹⁰.

Договоренность о прекращении бомбардировок и начале четырехсторонних переговоров была достигнута за неделю до 1 ноября. Однако американской дипломатии потребовалось несколько дней, чтобы заручиться согласием Сайгона. Именно поэтому А. Гарриман, который вначале требовал, чтобы пауза между прекращением бомбардировок и началом переговоров была минимальной, торговался за каждый день, потом сам предложил увеличить промежуток до шести дней.

Согласие Сайгона, который возражал против участия в переговорах наравне с НФОЮВ, было получено, и 1 ноября объявлено о достигнутой договоренности. Однако после этого сайгонская марионетка попыталась дезавуировать договоренность о начале переговоров. Буржуазные обозреватели отмечали, что сайгонские генералы стремились осложнить положение на выборах кандидата от демократической партии Хэмфри.

После выборов в США Сайгон еще настойчивее стал требовать отказа от переговоров четырех сторон. Переговоры, дескать, должны быть двусторонними: между сайгоно-американской стороной и делегацией ДРВ, куда могут войти представители фронта. В этой связи представитель США в Париже затеял длительный торг насчет формы стола для конференции, названия предстоявших бесед: переговоры или конференция и т. п.

Переговоры начались лишь 18 января 1969 г. Стол был избран круглый, с двух сторон приставлены столики для стенографисток. Договорились называть встречи, кто как хочет.

¹⁰ «Правда», 3. XI. 1968.

В мае 1969 г. НФОЮВ опубликовал программу из десяти пунктов. Она требовала уважения коренных национальных прав вьетнамского народа, включая право на независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность, полного и безусловного вывода войск США и их союзников из Южного Вьетнама, ликвидации американских военных баз. Отмечалось, что различные политические силы Южного Вьетнама, выступающие за мир, независимость и нейтралитет, проведут переговоры с целью формирования временного коалиционного правительства. Его задачи будут состоять в том, чтобы осуществить соглашение о выводе американских войск, обеспечить национальное согласие различных слоев населения на базе принципов мира, независимости и нейтралитета, гарантировать широкие демократические свободы, запретить любые гонения против тех, кто сотрудничал с одной или другой стороной, восстановить и развивать экономику страны, провести выборы. На основе всеобщих свободных и демократических выборов должно быть образовано учредительное собрание, выработана конституция, создано широкое коалиционное правительство национального согласия Южного Вьетнама. Южный Вьетнам будет проводить внешнюю политику мира и нейтралитета, уважать независимость и суверенитет Камбоджи и Лаоса, установит дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами, включая США, на основе пяти принципов мирного сосуществования. Воссоединение Вьетнама будет осуществляться постепенно, мирными средствами, а до этого будут установлены нормальные отношения между обеими зонами. Обе зоны до воссоединения не будут вступать в военные блоки и союзы, не допустят размещения на своей территории иностранных баз и войск. Предусматривались меры по ликвидации последствий войны (переговоры об освобождении военнопленных и ответственность США за ущерб и разрушения в обеих зонах). Предполагалось установление также международного наблюдения за выводом из Южного Вьетнама войск США и их союзников.

В июне 1969 г. было образовано Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам (РЮВ); НФО остался ведущей массово-политической силой в борьбе за освобождение Южного Вьетнама. Конгресс народных представителей, сформировавший Временное революционное правительство, поставил перед ним задачу прекратить войну, восстановить мир, создать независимое, демократическое, миролюбивое и нейтральное государство, имея в виду в конечном счете объединение страны.

СССР одним из первых признал (13 июня) Временное революционное правительство. В то время когда пришла весть о создании правительства, в Москве проходило Совещание представителей коммунистических и рабочих партий. Руководители коммунистических партий условились о совместной энергичной поддержке Временного революционного правительства. Временное революционное правительство было признано многими странами, в том числе всеми социалистическими государствами, а также рядом стран Азии и Африки. Оно имело информационные бюро во Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии, принимало участие во всех прогрессивных международных демократических организациях.

Делегация Временного революционного правительства сменила делегацию НФО на четырехсторонних переговорах в Париже.

Делегации ДРВ и РЮВ выступили в духе программы, сформулированной Конгрессом народных представителей в Южном Вьетнаме. Главными были вопросы вывода войск США и их союзников из Вьет-

нама и образования в Южном Вьетнаме временного коалиционного правительства. Договоренность по этим вопросам содействовала бы быстрому завершению переговоров.

Г. К. Лодж, назначенный новой администрацией США главой американской делегации вместо А. Гарримана, проявлявшего известную трезвость и гибкость, главным образом отстаивал так называемые восемь пунктов, выдвинутых Р. Никсоном 14 мая 1969 г. Речь шла о выводе в течение 12 месяцев основных неюжновьетнамских войск из Южного Вьетнама, а эвакуация остальных войск США и их союзников должна была завершиться после вывода войск ДРВ. В Южном Вьетнаме предлагалось провести выборы в соответствии с согласованной процедурой и под международным наблюдением. США заявляли о «готовности» согласиться на любое правительство в Южном Вьетнаме, созданное в результате выборов. Американская делегация также искусственно раздувала тему освобождения военнопленных.

Эти предложения не могли служить базой для договоренности, так как на одну доску ставились агрессор и жертва агрессии, игнорировались завоевания НФОЮВ, выборы, по сути дела, должны были проводиться под контролем сайгонского режима генералов и бюрократов. Президент ДРВ Хо Ши Мин, отвечая на письмо президента Р. Никсона, писал 25 августа 1969 г., что, если США хотят действовать в пользу мира, как заявлял Р. Никсон, они «должны прекратить агрессивную войну и вывести свои войска из Южного Вьетнама, уважать право населения Юга и вьетнамской нации самим решать свои дела без иностранного вмешательства».

В 1970 г., когда Г. К. Лодж уехал из Парижа, правительство США в течение многих месяцев не назначало нового главу делегации на переговорах. Когда наконец был назначен Брюс, американские газеты поведали, что он приехал «с пустым чемоданом». В сентябре 1970 г. Брюс сменил Портер, но его чемодан оказался таким же пустым. Портер лишь нередко отменял заседания, а сайгонский представитель ему помогал в этом. Поведение американских дипломатов объяснялось тем, что правящие круги США взяли курс на «вьетнамизацию войны».

Выступая в августе 1969 г. на острове Гуам, президент США изложил основные положения того, что хотел представить как «новую политику» США. Он обещал, что Вашингтон «не возьмет новых обязательств в Азии, что американские наземные силы не будут вновь привлекаться для подавления «внутренних восстаний», что «сами азиаты должны решать свои дела». «Гуамская доктрина» явилась попыткой найти такие пути и формы американской политики, которые позволили бы уменьшить моральные и материальные потери. Вместе с тем она должна была служить камуфляжем для империалистической политики США в Азии.

Главным элементом этой «доктрины» являлась «вьетнамизация» войны. Цель «вьетнамизации» состояла отнюдь не в том, чтобы договориться и дать вьетнамцам возможность самим решать свои дела, а в том, чтобы создать достаточно сильную сайгонскую армию, которая могла бы взять на себя большее бремя войны против национально-освободительного движения. США обеспечивали бы ей воздушное и артиллерийское прикрытие, сократив действия наземных американских войск и тем самым уменьшив потери. «Темпы вывода (войск из Южного Вьетнама. — Авт.) будут зависеть от трех критериев: успеха парижских переговоров, успеха подготовки южновьетнамских войск и уровня активности противника», — заявил Р. Никсон, выступая по телевидению 15 декабря 1969 г. «Вьетнамизация» — это, как выразился один американский дипломат, попытка «изменить цвет кожи покойников» во Вьетнаме.

17 сентября 1970 г. Временное революционное правительство выступило с восьмью предложениями, в которых уточнило свою программу урегулирования. Войска США и их союзников должны быть выведены до 30 июня 1971 г., и им будет обеспечен безопасный проход. Во временное коалиционное правительство могли бы войти представители Временного революционного правительства, миролюбивых, демократических сил, реорганизованной сайгонской администрации без Тхиеу, Кхиема. Было также заявлено, что РЮВ и ДРВ готовы обсудить вопрос о военнопленных, если США заявят о согласии вывести свои войска из Южного Вьетнама к 30 июня 1971 г.

Президент США 7 октября 1970 г. предложил, чтобы прежде всего был прекращен огонь в странах Индокитая и вооруженные силы оставались на позициях, которые они занимают. Другими словами, военные действия должны быть прекращены до достижения договоренности по основным вопросам урегулирования. В Вашингтоне явно рассчитывали, что, если бы это предложение было принято, патриоты Вьетнама, Лаоса и Камбоджи лишились бы права на самооборону, хотя агрессор находился в их доме.

Чтобы оказать нажим на ДРВ, Вашингтон наряду с продолжением войны в Южном Вьетнаме, расширением вооруженной интервенции в Лаосе и перенесением военных действий на территорию Камбоджи, стал все чаще совершать налеты на территорию Северного Вьетнама. При этом официальные лица американской администрации утверждали, что это «ответная мера» за уничтожение американских самолетов, которые в нарушение всех международных норм пытались присвоить себе право летать над ДРВ со шпионскими целями. Вашингтон угрожал также прекращением переговоров в Париже. В этом плане следует рассматривать заявление президента 10 декабря 1970 г., что США «не возлагают больших надежд на парижские переговоры» по Вьетнаму. Р. Никсон, отвечая на вопросы корреспондентов, отказался уточнить сроки обещанного в свое время вывода американских войск из Южного Вьетнама.

Советский Союз указывал, что такой образ действий бесперспективен, что если США хотят выпутаться из войны, то нужно занять реалистическую позицию с учетом прав и чаяний вьетнамского народа. «Не лаврами побед, а десятками тысяч похоронных венков оборачивается для американского народа агрессивная война, развязанная правящими кругами США... — говорил Л. И. Брежнев в докладе XXIV съезду КПСС. — Всем, кто способен реально смотреть на вещи, должно быть ясно, что решимость вьетнамского народа стать хозяином в собственной стране не сломить ни прямой военной интервенцией, ни саботажем переговоров, ни все более широким использованием наемников»¹¹. Советский Союз постоянно подчеркивал, что тем, кто определяет политику США, придется вновь убедиться, что военной победы в Индокитае они не добьются, что урегулирование в этом районе возможно лишь на основе программ, выдвигаемых патриотическими силами Вьетнама, Лаоса, Камбоджи.

Делегация ДРВ стремилась сдвинуть переговоры в Париже с мертвой точки. В ходе частной встречи 26 июня 1971 г. она сделала американской стороне предложение из 9 пунктов*. В нем предусматривалось,

¹¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 23.

* В связи с тем, что в январе 1972 г. американская сторона в одностороннем порядке предала гласности содержание этих конфиденциальных встреч и тем самым пыталась ввести в заблуждение общественное мнение, делегация ДРВ передала в печать в феврале 1972 г. текст своих предложений из 9 пунктов. ДРВ заявила, что они полностью соответствуют позиции ВРП РЮВ из семи пунктов.

что полный вывод войск США и иностранных войск стран американского лагеря должен закончиться в 1971 г. Одновременно освобождаются все военнослужащие и гражданские лица, взятые в плен во время войны. США прекращают поддерживать Тхнеу — Ки — Кхиема, чтобы создать условия для образования в Сайгоне новой администрации, выступающей за мир, независимость, нейтралитет и демократию. ВРП РЮВ начнет переговоры с этой администрацией в целях решения внутренних проблем Южного Вьетнама и достижения национального соглашения. Правительство США должно возместить ущерб, нанесенный ими вьетнамскому народу. США должны уважать Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю и соглашения 1962 г. по Лаосу, прекратить свою агрессию и вмешательство в страны Индокитая, чтобы позволить им самим решать свои собственные дела. Проблемы, существующие между странами Индокитая, будут урегулированы ими на основе взаимного уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. ДРВ намерена принять участие в урегулировании этих проблем. Все стороны осуществят прекращение огня после заключения соглашений по указанным проблемам. Будет установлено международное наблюдение. Международные гарантии будут необходимы для достижения основных национальных прав народов Индокитая, для нейтралитета Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и для установления прочного мира в этом районе.

ВРП РЮВ, стремясь дать новый импульс переговорам в Париже, 1 июля 1971 г. выступило с программой из семи пунктов по мирному урегулированию вьетнамской проблемы. В соответствии с ними в случае если бы США назначили конечный срок вывода войск в 1971 г., то стороны могли бы прийти в то же время к соглашению об условиях вывода войск США и их союзников и освобождения военнослужащих обеих сторон и гражданских лиц, взятых в плен во время войны. Обе операции начнутся и закончатся одновременно. Правительство США должно действительно уважать права южновьетнамского населения на самоопределение, перестать поддерживать группы, стоящие у власти в Сайгоне, и прекратить всякие маневры, в частности по поводу выборов, с целью сохранения власти группы Нгуен Ван Тхиеу. Политические, общественные и религиозные силы, стремящиеся к миру, сформируют новое правительство, Временное революционное правительство начнет переговоры с ним о формировании правительства национального согласия из трех составных частей, которому будет поручено организовать всеобщие выборы в Южном Вьетнаме, и об осуществлении ряда мер с целью недопущения террора и репрессий, улучшения условий жизни населения, а также подготовки всеобщих выборов. Вопрос о вьетнамских вооруженных силах в Южном Вьетнаме будет решен совместно вьетнамскими сторонами без вмешательства извне.

Эти предложения встретили широкий отклик в мире. Американские власти предпринимали обходные маневры, чтобы приглушить политическое звучание этих предложений. Из рассуждений представителей США вытекало, что в Вашингтоне «желают» окончания войны во Вьетнаме, но вместе с тем хотели бы сохранить и укрепить проамериканский режим генералов и помещиков в Сайгоне.

Дипломатия США стала демонстрировать, что она «теряет интерес к переговорам в Париже особенно после того, как в июле 1971 г. была достигнута договоренность о визите президента Р. Никсона в Китай (февраль 1972 г.). Влиятельные круги в Вашингтоне лелеяли надежду, что им удастся достичь соглашения с КНР об Индокитае.

Правительство Демократической Республики Вьетнам и Времен-

ное революционное правительство Республики Южный Вьетнам заявили, что американские бомбардировки их не устрашат, что урегулирование может иметь место лишь на основе семи пунктов и что ДРВ и РЮВ намерены вести переговоры, не прибегая к чьим-либо услугам, что проблемы Вьетнама и других стран Индокитая будут решать сами народы этих стран без какого-либо иностранного вмешательства.

25 января 1972 г. Белый дом выступил с «планом мира» из 8 пунктов, односторонне разгласив и представив в искаженном виде содержание конфиденциальных встреч между представителями ДРВ и США в Париже. Отказываясь установить точную дату вывода американских войск, не давая гарантий прекращения «воздушной войны» в Индокитае, заявляя, что политика «вьетнамизации» будет осуществляться и дальше, Вашингтон предложил провести в Южном Вьетнаме «выборы» при фактическом сохранении органов власти марионеточного сайгонского режима. Представители Северного и Южного Вьетнама назвали этот план маневром, имеющим целью обмануть мировую общественность, уйти от ответственности за тупик на переговорах в Париже и замаскировать курс на продолжение агрессивной войны во имя неоколониалистских замыслов империалистических кругов США в районе Индокитая.

В опубликованном в феврале 1972 г. правительством ДРВ заявлении вновь говорилось о поддержке программы Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам из 7 пунктов от 1 июля 1971 г., предусматривавшей установление конкретного срока вывода вооруженных сил США и их союзников, освобождение всех военнослужащих и гражданских лиц, взятых в плен во время войны, а также отказ США от поддержки марионеточной сайгонской администрации Тхьеу.

В начале февраля 1972 г. делегация Временного революционного правительства РЮВ на Парижском совещании по Вьетнаму представила разъяснения к своему плану из 7 пунктов. Она заявила, что правительство США должно положить конец воздушной войне и всем военным действиям во Вьетнаме, к определенной дате полностью вывести из Южного Вьетнама все свои войска, советников и военный персонал, оружие, военную технику США и их союзников, демонтировать американские военные базы в Южном Вьетнаме. Эта дата будет также датой освобождения военных всех сторон и гражданских лиц, взятых в плен во время войны (включая американских летчиков). Что касается урегулирования политических проблем Южного Вьетнама, то правительство США должно на деле уважать право южновьетнамского населения на самоопределение и прекратить всякое вмешательство во внутренние дела Южного Вьетнама. Нгуен Ван Тхьеу должен немедленно уйти в отставку, сайгонская администрация должна отказаться от проведения политики войны, немедленно распустить свой аппарат насилия и принуждения, прекратить политику «умиротворения», ликвидировать концлагеря и освободить лиц, арестованных по политическим мотивам, гарантировать народу личные демократические свободы в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. по Вьетнаму. Правительство ДРВ поддержало эти разъяснения и заявило, что их содержание целиком соответствует духу 9 пунктов правительства ДРВ.

Советский Союз, продолжая поставлять Вьетнаму оружие, боеприпасы, материальные средства, активно содействовал также политической и дипломатической борьбе сражающегося Вьетнама. Нередко СССР выступал совместно с другими братскими странами. 25 января 1972 г. НРБ, ВНР, ГДР, СРР, ПНР, СССР, ЧССР, представленные на совещании Политического Консультативного Комитета государств — участников Вар-

шавского Договора, заявили, что они и впредь будут оказывать Демократической Республике Вьетнам, патриотическим силам Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи необходимую помощь и поддержку для отражения посягательств агрессора.

В связи с варварскими бомбардировками американской авиацией 16 апреля 1972 г. столицы ДРВ Ханоя и порта Хайфон было опубликовано заявление ТАСС, в котором, в частности, указывалось, что «в Советском Союзе решительно требуют прекращения американских бомбардировок и других актов войны против ДРВ. Единственный путь решения проблем Индокитая — это путь переговоров без попыток шантажа и диктата»¹².

Твердо и последовательно изложил позицию поддержки справедливой борьбы вьетнамского народа и осуждения американской агрессии Л. И. Брежнев в ходе переговоров с президентом США Р. Никсоном в Москве в мае 1972 г. В совместном советско-американском коммюнике указывалось: «Советская сторона подчеркнула свою солидарность со справедливой борьбой народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи за свободу, независимость и социальный прогресс. Твердо поддерживая предложения ДРВ и РЮВ, являющиеся реальной и конструктивной основой для урегулирования вьетнамской проблемы, Советский Союз выступает за прекращение бомбардировок ДРВ, за полный и безусловный вывод из Южного Вьетнама войск США и их союзников, за то, чтобы народы Индокитая имели возможность сами определять свою судьбу, без какого-либо вмешательства извне»¹³.

Актом демонстрации решимости Советского Союза защитить Вьетнам была поездка в Ханой в июне 1972 г. делегации во главе с Н. В. Подгорным. Были разработаны меры по дальнейшему расширению военного сотрудничества между СССР и ДРВ.

27 января 1973 г., после длительных переговоров, в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Подписание Парижского соглашения явилось результатом замечательной победы вьетнамского народа, одержанной в ходе длительной войны сопротивления империалистической агрессии, а также логическим итогом всесторонней помощи борющемуся Вьетнаму со стороны Советского Союза, других стран социалистического содружества, невиданного по своему размаху международного движения солидарности с борьбой вьетнамского народа всех прогрессивных и миролюбивых сил нашей планеты.

Парижским соглашением предусматривалось уважение Соединенными Штатами и другими странами независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама, вывод из Южного Вьетнама американских и других иностранных войск, отказ США от вмешательства во внутренние дела Южного Вьетнама, политическое урегулирование в Южном Вьетнаме путем переговоров между двумя южновьетнамскими сторонами, создание совета национального примирения и согласия в организация свободных и демократических выборов, осуществление мирными средствами поэтапно воссоединения Вьетнама на основе консультаций и соглашений между Северным и Южным Вьетнамом без вмешательства извне. Стороны — участницы соглашения обязались строго соблюдать Женевские соглашения 1954 г. по Камбодже и Женевские соглашения 1962 г. по Лаосу и договорились, что внутренние проблемы

¹² «Правда», 17. IV. 1972.

¹³ «Правда», 31. V. 1972.

Камбоджи и Лаоса должен решать народ каждой из этих стран без иностранного вмешательства.

В связи с этим важным международным событием 27 января 1973 г. Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин направили руководителям ДРВ приветственную телеграмму с сердечными поздравлениями по случаю прекращения войны и восстановления мира во Вьетнаме. «Советский народ, — указывалось в телеграмме, — искренне радуется успехам своих вьетнамских братьев. Как и прежде, в годы суровых испытаний вьетнамского народа, в период его борьбы против империалистической агрессии, Советский Союз и на новом этапе будет неизменно выступать на стороне справедливой борьбы вьетнама»¹⁴.

В тот же день советские руководители направили председателю Президиума ЦК НФОЮВ, председателю Консультативного совета ВРП РЮВ доктору Нгуен Хыу Тхо и председателю ВРП РЮВ доктору Хюинь Тан Фату приветственное послание, в котором подчеркивалось, что советский народ выражает свою решимость и впредь неизменно оказывать братскому вьетнамскому народу необходимую поддержку, выступать на стороне патриотических и прогрессивных сил Южного Вьетнама в их справедливой борьбе за последовательное осуществление достигнутых соглашений. «Советские люди, — отмечалось в послании советских руководителей, — твердо убеждены в том, что благородные идеалы, за которые южновьетнамские патриоты столько лет вели самоотверженную борьбу, непременно восторжествуют»¹⁵.

Вьетнамский народ дал самую высокую оценку неустанным усилиям Советского Союза в поддержку борьбы патриотов Вьетнама. «...Советские люди, — подчеркнул Фам Ван Донг, — в годы этой войны были самыми близкими нашему народу. Они сами прошли войну и знают цену человеческому мужеству и цену жертв. Я уверен, что советские люди испытывают самые глубокие и искренние чувства радости в связи с нашей победой. Эти чувства поистине достойны уважения и любви... Советский народ, свершая в годы Великой Отечественной войны свой грандиозный подвиг, сражался не только за свою страну, приносил жертвы не только ради себя, но и во имя великих интересов народов мира. Мы, во Вьетнаме, боролись и шли на жертвы тоже не только ради себя, но и во имя тех же великих интересов»¹⁶.

В соответствии с положениями Парижского соглашения с 26 февраля по 2 марта 1973 г. в Париже состоялась Международная конференция по Вьетнаму. В конференции по Вьетнаму приняли участие делегации ДРВ, США, РЮВ, Сайгона, а также СССР, Франции, КНР, Великобритании и четырех государств, представленных в Международной комиссии по контролю и наблюдению во Вьетнаме, — ВНР, ПНР, Канады и Индонезии. 27 февраля с речью на конференции выступил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, который, в частности, отметил, что ключевым вопросом является необходимость своевременного осуществления сторонами статей и положений Парижского соглашения, и призвал участников конференции «использовать вес и влияние как конференции в целом, так и каждого участника ее в отдельности, с тем чтобы это соглашение было полностью реализовано»¹⁷.

Международная конференция закрепила политическую и юридическую значимость Соглашения о прекращении войны и восстановлении

¹⁴ «Правда», 28. I. 1973.

¹⁵ «Правда», 28. I. 1973.

¹⁶ «Правда», 16. II. 1973.

¹⁷ «Правда», 28. II. 1973.

мира во Вьетнаме, придала ему еще больший вес и авторитет. Большое значение имел тот факт, что стороны, подписавшие Акт Международной конференции по Вьетнаму, торжественно признали и обязались строго уважать основные национальные права вьетнамского народа: независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, а также право южновьетнамского населения на самоопределение.

Советский Союз исходил из необходимости всемерного содействия усилиям ДРВ и ВРП РЮВ, направленным на неукоснительное и точное выполнение Парижского соглашения, а также оказания всесторонней помощи в деле скорейшего восстановления народного хозяйства ДРВ и РЮВ, подорванного многолетней разрушительной войной. Советская позиция по этому вопросу была изложена Л. И. Брежневым, который подчеркнул, что в дни мира, как и в дни войны, советские люди будут вместе, в одном строю с патриотами Вьетнама. «Поддержка Вьетнама, — заявил Л. И. Брежнев, — это наш интернациональный долг. Это — общее дело всех социалистических стран.

На долю Вьетнама выпали испытания, каких не знал ни один народ после второй мировой войны. Помощь ему может и должна стать актом солидарности народов и государств, независимо от их социального строя»¹⁸.

Важной вехой на пути укрепления братского сотрудничества между советским и вьетнамским народами стал официальный дружественный визит в СССР в июле 1973 г. делегации Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном и членом Политбюро ЦК ПТВ, премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом.

Руководители обеих стран условились расширять братские связи между КПСС и ПТВ на различных уровнях, проводить консультации и обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес, содействовать дальнейшему углублению экономического и технического сотрудничества между двумя странами, включая подготовку вьетнамских национальных кадров, поощрять развитие научных и культурных связей, обмениваться опытом социалистического и коммунистического строительства. Была достигнута принципиальная договоренность об оказании Советским Союзом помощи ДРВ в восстановлении и развитии народного хозяйства. Советский Союз заявил о готовности восстановить народнохозяйственные объекты, построенные с его помощью в ДРВ, а также оказать содействие в создании новых промышленных предприятий, в том числе гидроэнергетических, что будет способствовать развитию индустриализации Северного Вьетнама. Исходя из неизменной интернационалистской позиции в вопросе оказания поддержки братскому вьетнамскому народу и учитывая нужды ДРВ, Советский Союз принял решение рассматривать кредиты, предоставленные Демократической Республике Вьетнам в предыдущие годы на цели экономического развития, как безвозмездную помощь. Вслед за Советским Союзом аналогичные решения были приняты другими государствами социалистического содружества. Вьетнамская партийно-правительственная делегация заявила, что этот дружественный акт является большим вдохновляющим фактором для вьетнамского народа, вызывает у него чувства глубокой благодарности КПСС, Советскому правительству и братскому советскому народу.

С подписанием Парижского соглашения открылся новый этап освободительной борьбы вьетнамского народа на Юге страны. Вывод амери-

¹⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974, т. 4, стр. 109.

канских войск из Южного Вьетнама, зафиксированные в Парижском соглашении обязательства его участников, в том числе Сайгона, о прекращении военных действий, восстановлении демократических свобод и ряд других положений этого документа создали более благоприятные, чем когда-либо прежде, условия для завершения национально-демократической революции на Юге Вьетнама и подготовки к его мирному воссоединению с Севером. Главной практической задачей патриотов Южного Вьетнама стало поэтому закрепление и развитие достигнутых завоеваний, прежде всего — защита и укрепление контролируемой ВРП РЮВ зоны. Значительно упрочилось международное и внутреннее положение ВРП РЮВ. Авторитет и роль этого правительства, выступавшего как подлинный представитель народа Южного Вьетнама, непрерывно возрастали. Значительно расширился круг государств, с которыми РЮВ имела дипломатические отношения. К началу 1975 г. таких государств насчитывалось уже более 40. Все более активными и широкими становились связи ВРП РЮВ с национальными и международными государственными и общественными организациями. Важной дипломатической акцией, способствовавшей дальнейшему росту международного авторитета Республики Южный Вьетнам, явились официальные визиты в 1973 г. делегации РЮВ во главе с председателем Президиума ЦК НФОЮВ, председателем Консультативного совета ВРП РЮВ доктором Нгуен Хыу Тхо в СССР (это был второй визит в СССР, первый состоялся в ноябре 1969 г.), другие социалистические страны и ряд неприсоединившихся государств Азии и Африки, а также в некоторые западноевропейские страны.

Сайгонский режим, опираясь на поддержку США, грубо нарушил Парижское соглашение, многократно совершал вооруженные провокации против районов, контролируемых Временным революционным правительством, упорно отказывался освободить более 200 тыс. политических заключенных. Весеннее наступление 1975 г. народных вооруженных сил, поддержанное восставшим населением, сокрушило сайгонский режим. 30 апреля 1975 г. был освобожден Сайгон, и власть на всей территории Южного Вьетнама полностью перешла в руки Временного революционного правительства Республики.

Оценивая значение одержанной победы, Л. И. Брежнев говорил: «Эта победа венчает многолетнюю героическую борьбу патриотов Вьетнама. Она есть результат умелого использования ими различных форм борьбы — военной, политической и дипломатической. Вместе с тем эта победа есть триумф действенной, боевой солидарности стран социализма. Она говорит также о большом морально-политическом значении симпатии и поддержки со стороны прогрессивных сил всего мира...

Можно также с удовлетворением отметить, что ликвидация военного очага в Индокитае создает условия для дальнейшего оздоровления международной атмосферы. От этого выиграет дело международной разрядки, в том числе, как мы полагаем, и разрядки в отношениях между нашей страной и Соединенными Штатами Америки»¹⁹.

В связи с полным освобождением Южного Вьетнама и взятым ПТВ курсом на скорейшее объединение страны, в связи с новой обстановкой в Юго-Восточной Азии, сложившейся в результате победы народов Индокитая, возникла необходимость вновь «свернуть часы», наметить дальнейший путь советско-вьетнамского сотрудничества.

¹⁹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, М., 1975, стр. 840.

В конце октября 1975 г. в СССР прибыла партийно-правительственная делегация ДРВ во главе с Ле Зуаном. В советско-вьетнамской декларации, опубликованной в итоге переговоров, было отмечено единство взглядов по вопросам борьбы за укрепление мирового социалистического содружества, усиление сплоченности международного коммунистического движения, за разрядку напряженности в мире и безопасность народов, а также были определены важные меры, направленные на развитие всестороннего сотрудничества между КПСС и ПТВ, СССР и ДРЕ. «Боевая солидарность и братская дружба между Советским Союзом и Вьетнамом, объединенными общими целями в борьбе за мир, независимость народов, демократию и социализм, являются вечными и нерушимыми, — говорилось в декларации. — Коммунистическая партия Советского Союза и Партия трудящихся Вьетнама, верные бессмертному учению марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма, и впредь будет делать все необходимое для развития и углубления всестороннего советско-вьетнамского сотрудничества в интересах мира и социального прогресса на земле»²⁰.

Сессия Национального собрания, депутаты которого были избраны и на Севере и на Юге, в конце июня 1976 г. приняла решения, завершившие процесс объединения Вьетнама. Страна стала называться Социалистическая Республика Вьетнам. Определяя внешнюю политику СРВ Ле Зуан сказал на сессии, что Социалистическая Республика Вьетнам будет идти плечом к плечу с социалистическими странами и народами всего мира, которые ведут неустанную борьбу за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Она будет активно поддерживать борьбу народов мира против империалистических, колониалистских и неоколониалистских сил во главе с американским империализмом. Вместе с тем она будет вносить активный вклад в укрепление боевой сплоченности и отношений сотрудничества, взаимопомощи между всеми революционными силами, в укрепление солидарности социалистических стран с международным коммунистическим движением, укреплять антиимпериалистический фронт народов всего мира²¹.

В Советском Союзе было с радостью встречено объединение Вьетнама в социалистическую республику, увенчавшее достойную глубокого уважения, тяжелую тридцатилетнюю борьбу вьетнамского народа.

* * *

В Индокитае потерпела сокрушительное поражение политика агрессии, империалистического разбоя, консервации реакционных режимов, которую проводили США и некоторые их союзники. Вьетнам явился символом несгибаемой воли, неиссякаемого мужества, проявляемых народами в борьбе за свободу, независимость, социализм. Была продемонстрирована также великая сила интернационализма: решительная поддержка СССР, социалистического содружества явилась одним из главных условий победы народов Индокитая.

²⁰ «Правда», 31. X. 1975.

²¹ «Правда», 26. VI. 1976.

Юго-Восточная Азия: особенности современного положения

Ю. И. Юрьев

Многие годы Юго-Восточная Азия остается ареной острой борьбы между силами, выступающими за национальное освобождение и социальный прогресс, и империалистическими кругами, которые, опираясь на местную реакцию, используют все средства — от подкупа и предоставления так называемой экономической помощи до вмешательства во внутренние дела и военных авантур, — чтобы удержать страны района в сфере своего контроля. Важное стратегическое положение на перекрестке основных морских и воздушных путей из Тихого в Индийский океан и наличие богатейших природных ресурсов привели к тому, что Юго-Восточной Азии постоянно отводится особое место в глобальной стратегии империализма, в его военно-политических планах борьбы против сил мира, демократии и социализма.

Попытки империализма и реакции силой навязать народам свои порядки не раз приводили к возникновению в Юго-Восточной Азии остро-кризисных ситуаций. Начавшаяся в 60-х годах вооруженная агрессия США против народов Индокитая создала в этом районе опасный очаг напряженности. Вооруженная авантюра, поднятая Пентагоном по ступеням эскалации до крупнейшего после второй мировой войны военного конфликта, на многие годы обострила обстановку в Юго-Восточной Азии и за ее пределами.

Позитивное воздействие на развитие всей политической обстановки в Юго-Восточной Азии в последние годы оказали мирные инициативы Советского Союза и других стран социалистического содружества, их последовательные усилия, направленные на перестройку международных отношений на принципах мирного сосуществования, на обеспечение прочного мира, безопасности и сотрудничества народов. Одним из важнейших факторов мобилизации миролюбивых прогрессивных сил Юго-Восточной Азии стала историческая победа вьетнамского народа, успехи патриотов Лаоса и Камбоджи в отражении империалистической агрессии. Высоко оценив героизм и самоотверженность вьетнамского народа, который, опираясь на решительную поддержку стран социализма и прогрессивной общественности, сорвал попытку империализма вооруженной рукой расправиться с социалистическим государством и раздавить национально-освободительную революцию, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду выделил международное значение этого события, подчеркнув, что «...победа Вьетнама открыла новые горизонты перед всей Юго-Восточной Азией»¹.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 6.

Хорошо известно, что созданная военными действиями в Индокитае обстановка использовалась империалистическими и реакционными силами для широкого развертывания военных приготовлений в азиатских странах. В Австралии, Таиланде, Южной Корее, на Филиппинах Пентагон вербовал наемников для продолжения агрессии против вьетнамского народа. В дополнение к разваливавшемуся агрессивному блоку СЕАТО были спешно сколочены новые военно-политические группировки, такие, как АЗПАК (1966) и АНЗЮК (1971). Одновременно расширялась и усовершенствовалась сеть американских военных баз в Японии, в Южной Корее, на Тайване, Филиппинах, в Таиланде. Таким образом, вьетнамский конфликт нес в себе серьезную опасность усиления наступления империализма на свободу и независимость народов азиатских стран, на позиции прогрессивных сил, на революционное и освободительное движение в целом.

В этих условиях победа вьетнамского народа создала благоприятные условия как для оздоровления политического климата в Юго-Восточной Азии, так и для определения дальнейших путей развития всего региона. Реально мыслящие политические деятели, широкие круги общественности стран Юго-Восточной Азии расценили военное и морально-политическое поражение империализма в Индокитае как новое наглядное подтверждение банкротства империалистической политики, несостоятельности тех методов в международных делах, которые ассоциируются с мрачной тенью Джона Фостера Даллеса и его курсом оголтелого антикоммунизма. Укрепление независимости и безопасности своих стран эти круги начинают связывать не с империалистическими военными блоками и группировками, а с налаживанием многостороннего сотрудничества, с согласованными действиями в целях углубления процесса международной разрядки и обеспечения условий для действительно мирного, независимого и свободного развития всех народов.

Нельзя не отметить, что военно-политические достижения вьетнамского народа в той или иной форме используются другими азиатскими странами для укрепления собственной независимости, отстаивания интересов перед империалистическими державами, для повышения своей роли в решении международных дел.

С большим удовлетворением восприняли прогрессивные силы крупный успех патриотов Камбоджи, которые в апреле 1975 г. разгромили марионеточный режим Лон Нола, пользовавшийся широкой поддержкой империалистических кругов. После полного освобождения перед Камбоджей (новое название страны — Кампучия) стоят сложные проблемы восстановления и дальнейшего развития. Вслед за этим победил национально-демократическая революция в Лаосе. Ликвидация изжившего себя монархического строя и провозглашение 2 декабря 1975 г. народно-демократической республики явилось крупнейшим событием в истории лаосского народа, открывающим перед ним ясную перспективу социалистического строительства. Наряду с коренными преобразованиями в других странах Индокитая эта победа содействует укреплению позиций социализма в Юго-Восточной Азии и в целом мире.

Вместе с тем реакционные и консервативные круги в ряде стран Юго-Восточной Азии увидели в победе народов Индокитая, в коренных революционных преобразованиях, осуществляемых в этих странах и, прежде всего, в решении вьетнамским народом своей основной национальной задачи, завещанной Хо Ши Мином, — построении единого вьетнамского государства на социалистической основе, — явную опасность для соб-

ственного существования. Из этих кругов стали распространяться различного рода измышления о том, будто Вьетнам, захватив огромное количество американской военной техники, намерен использовать ее в соседних странах для искусственного подталкивания революционного движения с целью свержения существующих там режимов. В пропагандистскую работу по подогреванию таких настроений активно включились империалистические круги, которые таким путем пытаются обелить собственную политику и представить Вьетнам в качестве «потенциального агрессора», создающего якобы угрозу народам Юго-Восточной Азии.

Правительство Социалистической Республики Вьетнам противопоставило этим лживым домыслам твердый и последовательный внешнеполитический курс. Сразу после прекращения военных действий премьер-министр Фам Ван Донг, выступая на сессии Национального собрания в июне 1975 г., подчеркнул: «Мы твердо выступаем за укрепление уз дружбы и добрососедства со странами Юго-Восточной Азии, за развитие всестороннего сотрудничества с ними на основе уважения независимости и суверенитета друг друга, равноправия, взаимной выгоды и мирного сосуществования»². Эти положения получили дальнейшую конкретизацию после завершения процесса объединения страны в государственном плане. 5 июля 1976 г. заместитель премьер-министра и министр иностранных дел СРВ Нгуен Зуи Чинь выступил с развернутой внешнеполитической программой, включающей четыре пункта. Их содержание сводится к следующему:

- 1) уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности друг друга, ненападение и невмешательство во внутренние дела;
- 2) непредоставление своей территории любому иностранному государству для использования в качестве базы прямой или косвенной агрессии;
- 3) установление отношений дружбы, добрососедства, экономического и культурного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды; решение спорных вопросов путем переговоров;
- 4) развитие сотрудничества между странами района во имя подлинной независимости, мира, нейтралитета в Юго-Восточной Азии, во имя укрепления мира во всем мире³.

Одной из первых акций по практическому претворению в жизнь изложенной программы явился визит в июле этого года в ряд стран Юго-Восточной Азии (Малайзию, Филиппины, Сингапур, Индонезию и Бирму) вьетнамской делегации во главе с заместителем министра иностранных дел СРВ Фан Хиеном.

Эта поездка имела серьезный успех. В ходе переговоров вьетнамские представители показали несостоятельность распространившихся слухов по поводу «агрессивности Вьетнама», подробно разъяснили внешнюю политику своего правительства, основанную на четырех пунктах, и выступили за всестороннее сотрудничество между странами региона независимо от их социального строя на основе равенства и взаимной выгоды. Не подлежит сомнению, что поездка делегации нанесла удар по попыткам тех кругов, которые пытаются изолировать Вьетнам и объединить страны района на основе совместной борьбы против революционных сил Индокитая. Индонезийская газета «Ангкатаи берсенджата», оценивая результаты поездки делегации СРВ, писала, что этот визит помог странам Юго-Восточной Азии осознать, что они были долгое время разделены между собой в силу колониального наследия и вмешательства

² "Nhân Dân", 28. II. 1976.

³ "Nhân Dân", 6. VII. 1976.

внешних сил. Газета подчеркивала далее, что различия в социальном строе не могут служить препятствием в деле развития дружбы и сотрудничества стран района⁴.

Позитивные сдвиги наметились в отношениях Социалистической Республики Вьетнам с рядом стран ЮВА. Известно, что в течение многих лет Пентагон широко использовал систему американских военных баз на территории Таиланда и Филиппин для ведения агрессивной войны против народов Индокитая. Таиланд являлся к тому же посадочной площадкой для стратегических бомбардировщиков Б-52, которые осуществляли массированные налеты на вьетнамские, лаосские и камбоджийские города и села. В последние годы, учитывая общую международную обстановку, правительства Таиланда и Филиппин встали на путь пересмотра внешнеполитического курса.

В Таиланде это было связано с подъемом демократического движения широких слоев населения, которое привело в октябре 1973 г. к свержению военной диктатуры Киттикачона — Чарусатнена. Новые тайландские лидеры, отражая настроения широких народных масс, выступили с программой, предусматривавшей отказ от прежней односторонней внешнеполитической ориентации, за ослабление тесных военно-политических связей с США, за ликвидацию американских военных баз и вывод с территории страны американского военного персонала. Несмотря на колебания сменявших друг друга тайландских правительств, подвергавшихся давлению реакционных кругов, к концу декабря 1975 г. территорию страны покинули последние самолеты американских ВВС, а к 20 июля 1976 г. завершился вывод всех американских войск. Таким образом, официально закончилось военное присутствие США в Таиланде, продолжавшееся более 20 лет.

Первая попытка со стороны Ханоя нормализовать отношения с Бангкоком была предпринята еще в мае 1975 г. Однако находившееся тогда у власти правительство Кыкрит Прамота, уступая давлению военной верхушки, тесно связанной с империалистическими кругами, заняло враждебную позицию в отношении патриотических сил Индокитая.

Новое правительство Сени Прамота, сформированное в апреле 1976 г., стало проводить линию на нормализацию отношений со странами Индокитая. Если прогрессивные круги страны полностью поддерживали политическую линию правительства как отвечающую национальным интересам Таиланда, то реакционные силы делают все, чтобы помешать осуществлению этого курса. Показательно в этом плане заявление бывшего министра иностранных дел П. Раттакуна, сделанное в Бангкоке в конце июля 1976 г., накануне его поездки в ЛНДР и СРВ. П. Раттакун сказал представителям печати, что его миссия, очевидно, будет трудной в силу «внутриполитической ситуации в Таиланде». Он сделал намек на действия правых группировок, враждебно относящихся к любому улучшению отношений Таиланда с Лаосом и Вьетнамом⁵.

Состоявшийся в начале августа 1976 г. визит министра иностранных дел Таиланда в Лаосскую Народно-Демократическую Республику и в Социалистическую Республику Вьетнам являлся шагом на пути к нормализации обстановки в районе Индокитайского полуострова. В лаосско-тайландском коммюнике, подписанном во Вьентьяне 3 августа, была зафиксирована договоренность сторон об охране границы по Меконгу, причем отмечалось, что обе стороны предпримут усилия, чтобы эта пограничная река стала «зоной мира и дружбы». Тайландская сто-

⁴ "Angkatan Bersendjata", 21. VII. 1976.

⁵ "Le Monde", 3. VIII. 1976.

рона согласилась открыть еще два контрольно-пропускных пункта на границе для транзита товаров, следующих в Лаос через Таиланд⁶.

Намечалось также создание смешанной вьетнамо-тайландской комиссии, которая должна рассматривать проблему репатриации примерно 40 тыс. вьетнамских беженцев, нашедших убежище в Таиланде в период французской колониальной войны в Индокитае⁷.

Однако военный переворот, совершенный в Таиланде в начале октября 1976 г. внутренней реакцией при поддержке империалистических кругов, создает серьезные препятствия продолжению развития внешней политики страны в этом направлении. Вьетнамская газета «Нян Зан» от 17 октября 1976 г. писала в этой связи, что новые тайландские власти «подстрекают тайландцев выступать против их естественных друзей — народов Вьетнама и Лаоса, против других сил мира, национальной независимости и демократии в Юго-Восточной Азии». Такая политика, по мнению газеты, явно обречена на провал.

Новая обстановка складывается и на Филиппинах благодаря прежде всего реалистическому курсу, проводимому президентом Филиппин Маркосом; она в значительной степени способствовала нормализации вьетнамо-филиппинских отношений. Кроме того, филиппинцы давно уже проявляли стремление освободиться от так называемых «особых отношений», связывающих их последние три десятилетия с США, и отдают себе отчет в том, что только полная ликвидация американских военных баз, а не пересмотр их статуса (о чем пока шла речь на американо-филиппинских переговорах) может укрепить независимость их страны.

Отмечавшиеся выше позитивные процессы означают существенные сдвиги в сложившейся ранее в ЮВА расстановке политических сил. Они содействуют постепенному устранению долго культивировавшейся в регионе атмосферы враждебности и раскола, появлению новых настроений в пользу большего взаимопонимания и сотрудничества между странами, ведут к созданию более благоприятных условий для развертывания антиимпериалистической борьбы народов за свои национальные права, за мир, независимость, социальный прогресс. Укрепляются на международной арене позиции социалистических стран Индокитая — Вьетнама и Лаоса, которые вместе со всем социалистическим сотрудничеством принимают активное участие в борьбе за решение важнейших проблем современности, за обеспечение мирного, свободного и независимого развития народов Юго-Восточной Азии и всего мира.

* * *

В последнее время в международной политике вновь усилился интерес к Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая объединяет Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Созданная в августе 1967 г., ассоциация официально провозгласила своей целью развитие взаимовыгодного сотрудничества между странами в экономической, культурной, социальной и других областях. Однако с самого начала на всю деятельность АСЕАН накладывало отпечаток то, что ее участники были тесно связаны различными соглашениями с империалистическими державами, а Таиланд и Филиппины являлись к тому же членами военного блока СЕАТО и принимали непосредствен-

⁶ "Bangkok Post", 26. IV. 1976.

⁷ "Le Monde", 7. VIII. 1976.

ное участие в агрессии американского империализма в Индокитае. Под влиянием начавшихся позитивных изменений в Юго-Восточной Азии в правящих кругах стран — членов АСЕАН шире стало распространяться понимание того, что сохранение тесных связей с империализмом несовместимо с национальными интересами и таит в себе опасность вовлечения этих стран в новые военные авантюры.

Положительные тенденции, наметившиеся внутри АСЕАН, наглядно проявились в работе конференции министров иностранных дел ассоциации, состоявшейся в мае 1975 г. в Куала-Лумпуре. Выступая на конференции, А. Разак призвал к созданию в Юго-Восточной Азии «обстановки мира, свободы от иностранного засилья и вмешательства, обстановки, в которой страны района могут сотрудничать на общее благо»⁸. Министры иностранных дел высказались за скорейшее претворение в жизнь куала-лумпурской декларации 1971 г., предусматривающей превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета.

Стремление к региональному сотрудничеству является вполне естественным. Если оно действительно направлено на обеспечение мира и независимости, на развитие взаимовыгодных деловых связей, на достижение экономического и социального прогресса, то такое сотрудничество может стать положительным фактором в деле стабилизации политической ситуации в Юго-Восточной Азии. Для активизации работы в этом направлении благоприятные условия создала ликвидация военного очага в Индокитае.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что создание в Юго-Восточной Азии зоны нейтралитета тесно связано с общей борьбой за мир и безопасность во всем мире, с углублением процесса разрядки и его распространением на все континенты. В этих условиях создание зоны мира, свободы и нейтралитета в Юго-Восточной Азии должно рассматриваться как «ступенька», как важный составной элемент более широкой региональной общности, построенной на принципах коллективного мира, безопасности и сотрудничества.

Что касается идеи превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и нейтралитета, то пока в правящих кругах стран — членов АСЕАН нет четкого понимания методов ее осуществления и того, какое конкретное содержание должно быть вложено в понятие нейтралитета. В этой связи необходимо подчеркнуть, что сама эта идея была выдвинута давно, в иных исторических условиях, когда некоторые из стран АСЕАН прямо или косвенно принимали участие в империалистической агрессии против народов Индокитае. Поэтому можно понять скептицизм, проявленный заместителем министра иностранных дел СРВ Фан Хиеном, который, отвечая в Джакарте на вопросы журналистов, сказал, что во всех странах — членах АСЕАН, где побывала вьетнамская делегация, соответствующие правительства убеждали ее, что АСЕАН не является военной организацией и не направлена против других стран района. Отметив, что эти заверения были приняты вьетнамской стороной к сведению, Фан Хиен добавил, что было бы хорошо, если бы целью АСЕАН действительно являлось укрепление мира, нейтралитета и ликвидация иностранных баз в Юго-Восточной Азии⁹.

В то же время империалистические круги явно активизируют работу со странами — членами АСЕАН. Так, во время поездки по странам Юго-Восточной Азии в конце мая 1975 г. помощник государственного секретаря США Ф. Хабиб пытался убедить политических и государственных

⁸ «Правда», 6. VI. 1975.

⁹ "Sinjar Harapan", 20. VI. 1976.

деятели этих стран, что американская политика высоко ценит АСЕАН в качестве одного из звеньев общего фронта империалистических сил в данном районе. При этом особое внимание США уделяют Индонезии, самой крупной стране, входящей в ассоциацию и претендующей на роль ее «лидера». По появившимся в иностранной печати сведениям, Индонезия получает значительную американскую военную помощь. В апреле 1975 г. Вашингтон дал согласие предоставить Джакарте 425 млн. долл., сумму, которая первоначально предназначалась разгромленному камбоджийскими патриотами режиму Лои Нола¹⁰. «Нельзя забывать, — комментировал американскую помощь Индонезии французский еженедельник «Монд дипломатик», — что политика Джакарты входит в контекст общей стратегии США в бассейне Тихого океана»¹¹.

По сообщению еженедельника «Фар Истерн экономик ревю», «к 1977 году общий объем поставок вооружения в страны АСЕАН, осуществляемых за наличный расчет, в кредит или в счет помощи (327 млн. ам. долл.), превысит более чем вдвое уровень 1975 года»¹².

Империалистические державы не скрывают своей заинтересованности в том, чтобы АСЕАН вступила на путь превращения в замкнутую военно-политическую группировку, заменив развалившийся блок СЕАТО. Они выступают за раскол Юго-Восточной Азии, стремясь изолировать страны Индокитая и создать атмосферу конфронтации АСЕАН с Индокитаем. За реформу АСЕАН с целью превращения этой ассоциации в военный блок с отчетливо выраженной антикоммунистической направленностью выступили индонезийские военные круги. Отражающие их точку зрения некоторые органы печати в августе 1975 г. выдвинули предложение о включении в сферу военного сотрудничества создание совета военных министров, выработку «единой оперативной и стратегической линии», проведение многосторонних маневров. Начальник штаба ВВС Индонезии генерал Салех Басарах заявил тогда, что Индонезия и ее вооруженные силы претендуют на особую «ответственность» за «поддержание стабильности» в Юго-Восточной Азии. Выступая на семинаре бизнесменов стран Юго-Восточной Азии в Сингапуре в конце июня 1976 г., один из военных руководителей Индонезии А. Муртопо, признав, что страны Индокитая не угрожают государствам — членам АСЕАН, тем не менее подчеркнул, что в отношении этих стран должна проводиться «политика с позиции силы». По его словам, задача состоит в «укреплении национальной и региональной сопротивляемости» АСЕАН, направленной на подавление «коммунистической подрывной деятельности».

Борьба между двумя тенденциями в развитии АСЕАН — тенденцией к региональному сотрудничеству, отвечающей национальным интересам народов Юго-Восточной Азии, и тенденцией к превращению ассоциации в новый военно-политический блок на службе местной реакции и империалистических кругов — особенно обострилась в связи с подготовкой к первой встрече на высшем уровне руководителей Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин.

Совещание руководителей стран — членов АСЕАН, проходившее на острове Бали 23—24 февраля 1976 г., так и не смогло преодолеть ряд серьезных противоречий. Работа совещания и подписанные на нем документы, в том числе договор о дружбе и сотрудничестве, носят явный отпечаток борьбы противоположных тенденций. Выразив в общем плане желание сотрудничать с новыми правительствами стран Индокитая, уча-

¹⁰ «Le Monde diplomatique», 1976, № 264, p. 11.

¹¹ Ibidem.

¹² «Far Eastern Economic Review», 23. VII. 1976, p. 28.

стники совещания, хотя и в расплывчатой форме, согласились вместе с тем на налаживание в рамках АСЕАН военного сотрудничества на двусторонней основе. Такое согласие является отражением попыток империалистических кругов добиться придания ассоциации «антикоммунистической направленности» с тем, чтобы использовать ее для борьбы против прогрессивных сил, для противодействия «коммунистическим режимам» стран Индокитая.

Совещание на острове Бали не смогло придать более конкретный характер идее создания в Юго-Восточной Азии зоны мира и нейтралитета. Показательно, что вопрос о полной ликвидации американских военных баз в Таиланде и на Филиппинах не был даже затронут.

Гонконгский еженедельник «Фар Истерн экономик ревью» отмечал, что подготовка к встрече сопровождалась сложной политической борьбой. «В то время, когда официальные лица торговались и спорили, выявлялись новые области противоречий и трений. Было выработано компромиссное решение, явившееся продуктом беспокойства в отношении того, как бы встреча в верхах явно не провалилась»¹³. Накануне встречи, пишет еженедельник, было распространено мнение о необходимости «гальванизировать» АСЕАН, «однако если встреча на высшем уровне на Бали и уловила это течение, то этого удалось добиться скорее на словах, чем на деле»¹⁴.

Вопрос об отношении к странам Индокитая, прежде всего к социалистическому Вьетнаму, и следовательно, о путях дальнейшего развития АСЕАН вновь обсуждался на очередном совещании министров иностранных дел ассоциации, которое состоялось в Маниле в конце июня 1976 г. На совещании достаточно ярко проявилось понимание многими руководителями стран — членами АСЕАН опасности создания в районе нового военного блока под антикоммунистической вывеской. Президент Филиппин Ф. Маркос, выступая на открытии совещания, напомнил его участникам, что превращение АСЕАН в антикоммунистический блок неизбежно приведет к противоборству со странами Индокитая¹⁵. Министр иностранных дел Сингапура С. Раджаратнам, объясняя журналистам сингапурскую позицию, предостерег страны Юго-Восточной Азии против опасности «новой холодной войны», что негативно скажется на интересах поддержания внутренней стабильности в странах района¹⁶.

Реалистически мыслящие круги в странах АСЕАН без сомнения отчетливо понимают, к каким отрицательным для них результатам может привести политика конфронтации АСЕАН с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией, важность установления отношений дружбы и сотрудничества с правительствами стран Индокитая¹⁷.

Судя по сообщениям печати, совещание в Маниле, несмотря на попытки отыскать компромиссные решения, практически не привело к выработке единой точки зрения стран АСЕАН по обсуждавшимся вопросам. Как отметил С. Раджаратнам на пресс-конференции в Сингапуре, «на совещании мы старались не наступать на любимые мозоли друг друга и двигались очень осторожно»¹⁸.

Совершенно очевидно, что путь к подлинной безопасности в Юго-восточной Азии, как и во всем мире, лежит не через искусственное раз-

¹³ "Far Eastern Economic Review", 12. III. 1976, p. 29.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ "Kompas", 25. VI. 1976.

¹⁶ "Antara", 27. VI. 1976.

¹⁷ "Merdeka", 25. VI. 1976.

¹⁸ "Asia Week", 9. VII. 1976.

деление государств на противостоящие группировки и попытки обновить обветшалое пугало «коммунистической опасности», а через искренние и последовательные усилия, направленные на создание атмосферы взаимного доверия и сотрудничества. Именно за такой путь развития борется правительство Вьетнама. Выступая 2 сентября 1976 г. в Ханое по случаю Национального праздника СРВ, премьер-министр Фам Ван Донг, отметив решимость СРВ укреплять солидарность и многостороннее сотрудничество с братскими социалистическими странами, вновь подтвердил готовность Вьетнама развивать отношения со странами Юго-Восточной Азии на основе принципов мирного сосуществования, изложенных в известных четырех пунктах правительства СРВ¹⁹.

Именно эти цели преследует и выдвинутое Советским Союзом предложение о создании в Азии системы безопасности на основе совместных усилий всех азиатских государств. После успешного завершения Обще-европейского совещания в Хельсинки, получившего глубокий резонанс в азиатских странах, это предложение привлекает к себе все большее внимание широких слоев общественности. Оно открывает большие возможности для практической реализации стремления народов к достижению политической и экономической самостоятельности, к социальному прогрессу, к развитию взаимовыгодного сотрудничества во всех областях в условиях прочного мира.

Выступая на XXV съезде КПСС, Л. И. Брежнев подчеркивал: «Советский Союз намерен и впредь активно участвовать в поисках путей к укреплению мира и безопасности на Азиатском континенте, к развитию и здесь равноправного сотрудничества. Мы будем действовать в этом направлении, действовать как в рамках двусторонних контактов, так и на многосторонней основе. Мы не раз излагали свои соображения на этот счет и подчеркивали готовность со всем вниманием отнестись к любым предложениям, диктуемым заботой о прочном мире и безопасности в Азии, об их обеспечении коллективными усилиями»²⁰.

В Юго-Восточной Азии происходит ныне активная и сложная борьба за обеспечение в этом районе прочного мира, за создание обстановки взаимопонимания и сотрудничества, за разрешение остающихся в отношениях между государствами проблем в соответствии с национальными интересами без вмешательства посторонних сил. Противники мирного и независимого развития Юго-Восточной Азии пока не собираются складывать оружие. Но главное заключается в том, что события в Юго-Восточной Азии, как и в других районах нашей планеты, развиваются в направлении общей тенденции к разрядке напряженности, к обеспечению мира, безопасности и стабильности, то есть в том направлении, которое определено Программой дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, выдвинутой XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза.

¹⁹ "Nhân Dân", 3. IX. 1976.

²⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 15.

Япония — Южная Корея: тенденции развития отношений

Ю. М. Михайлов

После провала интервенции американского империализма в Индокитае, отношение Японии к обстановке на Корейском полуострове, ее неоколониалистская политика в Южной Корее стали серьезными факторами развития международных отношений на Дальнем Востоке.

Дипломатические отношения между Японией и Южной Кореей были установлены в результате заключения 22 июня 1965 г. «Договора об основах взаимоотношений» (вступившего в силу 18 декабря того же года). Одновременно были подписаны соглашения о рыболовстве, о репарациях и экономическом сотрудничестве, о юридическом статусе южнокорейских граждан, проживающих в Японии. Начавшись в ноябре 1951 г., переговоры о нормализации отношений неоднократно прерывались из-за серьезных политических разногласий и растянулись на 14 лет. Активное содействие и даже нажим на обе стороны в целях скорейшего заключения договора между ними оказали правящие круги Соединенных Штатов, заинтересованные в укреплении собственных стратегических и политических позиций на Дальнем Востоке путем создания военного блока под эгидой США с участием своих дальневосточных союзников — Японии и Южной Кореи.

После двадцатилетнего отсутствия японский капитал возвратился в южную часть Кореи, где во многом сохранилось наследие сорокалетнего колониального хозяйничанья империалистической Японии. Сохранение здесь колониально-зависимого характера экономической структуры, наличие у японцев знаний и опыта ведения дел в условиях Южной Кореи, сохранившиеся связи с лицами, которые получили японское образование и заняли после 1945 г. ключевые посты в экономике и политике сеульского режима, — все это наряду с фактором географической близости Японии и Южной Кореи создавало благоприятные условия для новой японской экспансии.

Вместе с тем установление дипломатических отношений, явившееся результатом взаимных уступок, не устранило ряда глубоких противоречий, уходящих своими корнями в период колониального господства Японии в Корее. Жестокость японского колониализма породила своего рода «антияпонский синдром», глубоко укоренившиеся в широких народных массах антияпонские настроения, которые накладывают серьезный отпечаток на японо-южнокорейские отношения.

«Возвращение» Японии в Южную Корею было подготовлено всем ходом послевоенной политики Соединенных Штатов, законсервировавшей зависимый характер экономического развития на юге Кореи. Со своей стороны правящие круги Японии рассматривали Южную Корею в качестве одного из важнейших объектов своей экономической и политической экспансии.

Заключение в 1965 г. японо-южнокорейского договора имело значение как политической, так и экономической акции, призванной помочь вывести южнокорейскую экономику из состояния глубочайшего кризиса и сохранить тем самым антинародный режим в Сеуле.

* * *

Характерной особенностью проникновения японского капитала в Южную Корею является то, что оно осуществляется частными монополистическими объединениями Японии, которые получают всестороннюю помощь и поддержку со стороны буржуазного государства. Японское правительство создает для них наиболее благоприятные условия. Этим целям служат так называемая «безвозмездная помощь» (репарации) и кредиты, предоставляемые Южной Корее по соглашению о репарациях и экономическом сотрудничестве, вступившему в силу 18 декабря 1965 г. Япония также предоставляет Южной Корее иеновые займы по специальным двусторонним соглашениям.

В счет «помощи» Япония ежегодно предоставляет Южной Корее товары и различные услуги на сумму 30 млн. долл. Часть этой суммы используется на покрытие пассивного сальдо платежного баланса Южной Кореи в ее расчетах с Японией.

Японский капитал принимал участие в строительстве Пхоханского металлургического комбината (мощность — 1,03 млн. т стали в год; первая очередь введена в эксплуатацию в июле 1973 г.). Как южнокорейские власти, так и японские монополии считают этот комбинат важным объектом военно-стратегического значения. Для финансирования строительства комбината японской стороной были выделены в 1971—1973 гг. 42,9 млн. долл. по линии государственных кредитов. Кроме того, банковский кредит на сумму 50,5 млн. долл. предоставил Экспортно-импортный банк Японии¹.

Использование государственных кредитов с целью создания максимально благоприятных для частных инвестиций экономических условий — одна из характерных черт японского неокOLONиализма. Средства, предоставляемые по этой статье, направляются главным образом на расширение и реорганизацию железнодорожного, автодорожного и морского транспорта, электроэнергетики, телефонной связи и т. д. Около 7 млн. долл. было израсходовано на строительство стратегической автострады Пусан — Сеул, около 21 млн. — на улучшение технической оснащенности железных дорог, свыше 21 млн. долл. — на строительство гидроэлектростанции на реке Соянган.

В 70-х гг. начался новый этап проникновения японского капитала в Южную Корею. С 1971 г. финансовая помощь Японии, оказываемая на правительственной основе, начинает выходить за рамки соглашения 1965 г. С этого времени Япония предоставляет Южной Корее иеновые займы на основе специальных соглашений. С июня 1971 г. по январь 1973 г. было заключено 5 таких соглашений, по которым японская сторона (Экспортно-импортный банк Японии или Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами) предоставила сеульскому режиму в общей сложности 66,8 млрд. иен (208 млн. долл.). Эти средства были отпущены для финансирования экономической политики Пак Чжон Хи, направленной на развитие производства экспортных товаров, на попытки модернизации сельского хозяйства и рыболовного промысла, на расши-

¹ Кэйдай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1974 (Состояние и проблемы экономического сотрудничества, 1974). Токио, 1975, стр. 307—310.

ренне сети связи, смягчение напряженности платежного баланса. Самый крупный заем, на сумму 27,2 млрд. нен (88 млн. долл.), был предоставлен в декабре 1971 г. на строительство первой очереди метрополитена в Сеуле. Условия этих займов — от 3,5 до 6,25% годовых, сроки погашения — 13, 15 и 20 лет.

В сентябре 1972 г. на 6-м совещании министров Японии и Южной Кореи японская сторона обязалась дополнительно предоставить три иенных займа на общую сумму 46,2 млрд. нен². На конец ноября 1973 г. Япония предоставила Южной Корее иенные займы на сумму 413,5 млн. долл.³.

Япония также поставляет Южной Корее продовольствие: в 1969—1973 гг. было предоставлено в кредит на долгосрочной основе около 1390,5 тыс. т риса⁴. Юг Кореи, который до 1945 г. был житницей всей страны, превратился в результате политики США в Южной Корее в импортера продовольствия (риса, пшеницы, ячменя и др.). Нехватка продовольствия с каждым годом возрастает. В 1974 г. только зерна было импортировано на сумму 450 млн. долл.; всего продовольствия было закуплено на сумму 800 млн. долл.⁵.

Определенную роль играет Япония и в области подготовки кадров для Южной Кореи. По межправительственным соглашениям до конца 1972 г. японская сторона приняла на стажировку 1 487 южнокорейских специалистов по сельскому, лесному и рыбному хозяйству, медицинскому обслуживанию, а также административных работников. В городе Тэгу с октября 1968 г. функционирует политехнический учебный центр, созданный при материально-техническом содействии Японии⁶.

Правительство Японии существенно содействовало созданию в Южной Корее инфраструктуры, способствующей проникновению частного японского капитала. Следует добавить, что финансовая помощь обуславливается, как правило, обязательствами со стороны Южной Кореи о закупке японских товаров и использовании услуг, что немало способствует увеличению японского экспорта в эту страну.

В развитии экономики Южной Кореи иностранный капитал играет чрезвычайно важную роль. На его долю приходится с 1967 г. примерно 48—50% всех капиталовложений. Японскому капиталу в этой области принадлежит ведущая роль. С 1970 г. резко возрос вывоз частного капитала из Японии в Южную Корею. При сохранении преобладающего характера частных коммерческих кредитов — краткосрочных и с высокими процентами годовых — весьма динамичным стал рост прямых инвестиций. За один лишь 1973 г. Япония вложила в Южную Корею больше капитала, чем за все предыдущие годы — 293 млн. долл., что составило 84,3% суммы частных иностранных прямых инвестиций за этот год. В результате по накопленной сумме прямых вложений в Южной Корее Япония вытеснила США с первого места. На конец марта 1974 г. на ее долю пришлось 67,8% иностранных прямых капиталовложений в Южной Корее (450,4 млн. долл.), тогда как на долю США — 26,2% (173,7 млн. долл.)⁷. По сообщению южнокорейской газеты «Тонъя нльбо» от 12 сентября 1974 г., на конец июня 1974 г. общая сумма всех японских капиталовложений (правительственные и коммерческие кредиты, а также прямые инвестиции) составила 1 497 млн. долл., а вместе с

² Там же, стр. 310—311.

³ Там же, стр. 168.

⁴ Там же.

⁵ «Сэкай», 1975, сентябрь, стр. 34.

⁶ См. Кэйдзай кёрёку-но... стр. 312—313.

⁷ «Сэкай», 1974, октябрь, стр. 92.

236 млн. долл. реализованной «безвозмездной помощи» Япония к указанному времени вложила в Южную Корею 1 733 млн. долл.⁸.

Интенсивный рост прямых японских инвестиций в Южной Корее был подготовлен всем ходом реэкспансии Японии и объясняется рядом обстоятельств. Это, во-первых, возможность получения сверхприбылей путем эксплуатации гораздо более дешевой, чем в Японии, и достаточно квалифицированной рабочей силы. Авторы «Доклада о результатах обследования условий для долгосрочной программы развития южнокорейской промышленности», составленного в июне 1973 г. по инициативе японо-южнокорейской экономической ассоциации, отметили, что оплата труда южнокорейских рабочих обходится в 3 раза дешевле, чем в Японии⁹. По оценке южнокорейских экономистов, заработная плата рабочих в Южной Корее в 4 раза меньше, чем в Японии¹⁰. Во-вторых, это возможность получения по чрезвычайно дешевой цене земельных участков для размещения японских предприятий: в Южной Корее, как оценивают авторы того же доклада, земля стоит по меньшей мере в 10 раз дешевле, чем в Японии. Наконец, в-третьих, в Южной Корее практически отсутствуют нормативные ограничения, касающиеся загрязнения среды. Все это в совокупности делает Южную Корею чрезвычайно привлекательной для японских монополий, особенно если учесть тенденции к увеличению заработной платы японских рабочих и растущие трудности размещения в самой Японии новых предприятий, прежде всего «грязных» отраслей промышленности.

В проникновении японского капитала в Южную Корею важную роль играет политика сеульских властей. Иностранному капиталу, и в первую очередь японскому, предоставлен ряд юридических и экономических привилегий. Например, в районах городов Масан и Ири созданы (соответственно в 1970 и 1973 гг.) так называемые «зоны свободного экспорта». В зоне Масана более 90% привлеченного иностранного капитала принадлежит японским предпринимателям. Как показали результаты обследования, опубликованные по инициативе некоторых общественных организаций Южной Кореи иностранные (японские и американские) предприятия пользуются в этих зонах статусом экстерриториальности: по отношению к ним не применяется южнокорейское законодательство. Для иностранных предпринимателей созданы на этих предприятиях максимально выгодные условия эксплуатации рабочей силы: профсоюзы и забастовки рабочих запрещены, ввоз сырья и материалов в эти зоны, а также вывоз готовой продукции не облагаются таможенными пошлинами.

Явная готовность правящей сеульской верхушки перейти с начала 70-х годов к политике активного привлечения прямых японских инвестиций в ущерб интересам развития национальной экономики была вызвана фактическим банкротством режима Пак Чжон Хи. Именно к этому времени внешняя задолженность Южной Кореи по государственным и частным займам и кредитам намного возросла, составив на конец 1969 г. около 2 млрд. долл., а на конец 1972 г. — 2,6 млрд. долл. Разорительность для южнокорейской казны и частного предпринимательства такой формы привлечения иностранного капитала, как кредиты и займы, привела к их постепенной замене прямыми инвестициями. Так называемая «третья пятилетняя программа экономического развития», осуществление которой было начато в 1972 г., составлялась именно с расчетом на максимальное привлечение иностранного, и главным образом японского капи-

⁸ «Кэйдзай хёрон», 1974, № 11, стр. 105.

⁹ Там же, стр. 106.

¹⁰ «Сэкай», 1975, май, стр. 30.

тала. Для ее реализации Южная Корея рассчитывала получить из Японии прямые инвестиции в сумме около 1 млрд. долл.¹¹.

Инвестирование частного японского капитала осуществляется преимущественно путем создания смешанных японо-южнокорейских компаний, на долю которых к концу 1972 г. приходилось 80% частных японских инвестиций. Это неизбежно ведет к усилению позиции японского монополистического капитала в экономике Южной Кореи и к сращиванию японских монополий с крупными южнокорейскими компаниями. Так, например, группа «Мицубиси» ориентируется на сотрудничество с одним из крупнейших южнокорейских концернов — «Самсон». Она стремится распространить свое влияние и на другие компании, проявляя одновременно заинтересованность в налаживании связей с предприятиями, финансируемыми из южнокорейского бюджета. Группа «Мицубиси» установила тесные контакты с южнокорейским концерном «Санъён». Она участвует также в строительстве металлургического комбината в Пхохане. В ходе расширения предпринимательства, контролируемого сеульским режимом, следует ожидать дальнейшего проникновения японского монополистического капитала в эту сферу южнокорейской экономики.

Южнокорейская экономика в решающей степени зависит от внешнеэкономических связей, прежде всего от торговли с Японией. 30% валового национального продукта Южной Кореи приходится на экспорт, а 40% — на импорт. Таким образом, объем внешнеторгового оборота составляет 70% ВНП. В свою очередь, 70% внешнеторгового оборота Южной Кореи приходится на долю ее торговли с Японией. По официальным данным сеульских властей, Южная Корея в 1974 г. реализовала в Японии 31% всего экспорта, а 38,2% импорта — поставками из этой страны¹².

Юг Кореи за последние годы стал для японской промышленности одним из важнейших рынков сбыта. Японский экспорт в Южную Корею вырос со 180 млн. долл. в 1965 г. до 2 657 млн. долл. в 1974 г. Южная Корея уже ряд лет является вторым по значению покупателем японских товаров после Соединенных Штатов Америки. В то же время темпы роста ее экспорта в Японию были значительно ниже, что привело к хроническому и всевозрастающему дефициту общего торгового баланса Южной Кореи. По официальным южнокорейским данным, «вклад» Японии в этот дефицит возрос с 25,2% в 1964 г. до 69,5% в 1972 г.¹³

Согласно данным, приведенным в сентябре 1975 г. южнокорейской газетой «Чунъан ильбо», за десять лет (1965—1974) пассивное сальдо Южной Кореи в торговле с Японией составило 5 468 млн. долл., превысив в 2,7 раза общую сумму японского капитала, вложенного за этот же период в экономику Южной Кореи в виде кредитов и прямых инвестиций (2 012 млн. долл.). Газета отметила в связи с этим, что «Япония чрезмерно усердно добивается удовлетворения собственных узкокорыстных интересов»¹⁴.

Характерной особенностью внешней торговли Южной Кореи является ее возрастающая зависимость от японских фирм, которые играют роль организатора экспортных операций и направляют южнокорейские товары по своей торговой сети на контролируемый ими зарубежный рынок. Из 1 004 млн. долл. общей суммы экспорта Южной Кореи в 1970 г. более 15% было реализовано японскими торговыми фирмами, в том числе

¹¹ «Сэкай», 1973, май, стр. 145.

¹² Там же, 1975, сентябрь, стр. 29, 33, 41.

¹³ «Тисики-то родо», 1973, № 8, стр. 92; табл. 2.

¹⁴ Цит. по: «Сэкай», 1975, ноябрь, стр. 161.

около 7,5% — концернами «Мицуи» и «Мицубиси». В 1972 г. удельный вес японских фирм во внешнеторговой деятельности Южной Кореи значительно возрос: они контролировали 35,3% южнокорейского экспорта и 33,6% импорта¹⁵.

Японские монополии занимают командные позиции во внешней торговле Южной Кореи. Эта тенденция в значительной мере связана с тем, что японские торговые фирмы, особенно крупнейшие из них — «Мицуи буссан», «Мицубиси сёдзи», «Итотия», «Тоё мэнка», «Марубэни—Иида», играют доминирующую роль в коммерческом кредитовании. На долю этих пяти японских фирм приходилось в 1969 г. около 248 млн. долл., или свыше 81% японских экспортных кредитов, предоставленных Южной Корее на частной основе¹⁶.

Япония завоевала прочные позиции в экономике Южной Кореи. Пока она незначительно уступает Соединенным Штатам по общей сумме капиталовложений, но уже идет впереди США в сферах прямых инвестиций и торговли с Южной Кореей. Экономическое «сотрудничество» с Южной Кореей рассматривается японскими монополиями как важный элемент проникновения в страны Азии. Об этом убедительно свидетельствует «проект долгосрочного плана экономического сотрудничества между Японией и Южной Кореей», который был представлен на рассмотрение экономической комиссии второй сессии японо-южнокорейского комитета по сотрудничеству в апреле 1970 г. Чтобы избежать резко отрицательной реакции со стороны южнокорейской общественности, этот план был объявлен «частным проектом» члена президиума этого комитета К. Яцуги. Основное его содержание, судя по комментариям южнокорейских газет, сводилось к следующему: 1) создать в качестве первого эксперимента в ходе организации Азиатского общего рынка, аналогичного европейскому, сферу экономического сотрудничества, которая объединит в единое целое южный прибрежный район Кореи (расположенный южнее города Пхохан) и Кансайский экономический район Японии; 2) передислоцировать в Южную Корею основные отрасли тяжелой промышленности, такие, как металлургия, нефтеобрабатывающая, нефтехимическая, судостроительная, прядильно-ткацкая, электронная и производство пластмасс, в связи с трудностями с земельными участками и необходимостью борьбы с загрязненностью среды; оставить в Японии и развивать такие отрасли промышленности, как машино- и приборостроение; 3) создать на базе такого международного разделения труда возможности для объединения крупных капиталов и высокоразвитой техники Японии с дешевой рабочей силой и земельными и водными ресурсами Южной Кореи в интересах повышения конкурентоспособности обеих стран на международном рынке. Основным средством для достижения этих целей считается «создание смешанных компаний»¹⁷.

Район Южной Кореи, о котором идет речь в «проекте Яцуги», расположен в юго-восточной части Корейского полуострова в виде треугольника, охватывающего города Пхохан, Ульсан, Пусан, Масан и Ёсу. Этот район в результате притока японского капитала уже превращается в крупный промышленный комплекс. По замыслу авторов проекта, этот комплекс явится продолжением и расширением промышленного района на побережье Японского внутреннего моря, составив ядро одной из будущих зон региональной азиатской интеграции под эгидой Японии.

¹⁵ «Сэкай», 1974, январь, стр. 129—130.

¹⁶ Там же, стр. 129—130.

¹⁷ «Чосон нльбо», 25. IV. 1970; «Тонъя нльбо», 17. IV. 1970; Цит. по: «Тёсэн кэнкю», 1974, январь, № 132, стр. 56.

Несмотря на протесты южнокорейской общественности, в июле 1971 г. на заседании третьей сессии японо-южнокорейского комитета по сотрудничеству был поставлен по настоянию южнокорейской стороны вопрос «о создании азиатской экономической сферы», центром которой должна была бы стать Япония¹⁸. Это означает, что правящая южнокорейская верхушка изъявила согласие сотрудничать с японскими монополиями на правах младшего партнера в реализации их экспансионистских устремлений в Азии.

* * *

Функционирование иностранного, в том числе японского, капитала в экономике Южной Кореи приводит к некоторому подъему ее промышленного уровня, что обеспечивает создание условий, необходимых для получения прибылей иностранным капиталом и срастающимся с ним местным крупным капиталом. В этом-то и состоит подлинная сущность так называемой политики «индустриализации» Южной Кореи, направленной на насаждение «зависимого капитализма» в южной части Корейского полуострова.

Южнокорейская статистика кичится приростом валового национального продукта в Южной Корее за последние годы (хотя следует отметить, что, согласно оценке некоторых японских экономистов, в результате резкого ухудшения экономической конъюнктуры темпы прироста валового национального продукта в 1974 и 1975 гг. резко упали). Но даже такой прирост, по мнению южнокорейских и японских экспертов, является минимально необходимым для поддержания южнокорейской экономики, хронически страдающей от острого дефицита платежного баланса, составившего лишь в 1974 г. 2 млрд. долл.

Что касается дохода на душу населения, то за усредненными показателями скрывается углубление социального неравенства, стремительный рост массовой нищеты на одном полюсе и богатства — на другом. По официальным данным, в 1972 г. 1/4 населения Южной Кореи имела менее 50 долл. годового дохода, в то время как менее 3 тыс. человек обладали доходом в 12 и более тысяч долларов в год¹⁹. Многие факты свидетельствуют о том, что увеличение размера ВВП не приводит к улучшению условий жизни подавляющего большинства южнокорейского населения. Об этом свидетельствует неменяющийся размер реальных потребительских расходов на душу населения за 1969—1973 гг., а также высокий уровень показателя Энгеля (доля расходов на питание в семейном бюджете), который составил в 1973 г. 53%²⁰. С осени 1973 г. жизненный уровень южнокорейских рабочих, крестьян и служащих резко снизился в ходе развивающейся инфляции. Это — характерные результаты «индустриализации» Южной Кореи, которая осуществляется при участии японских монополий в условиях современной системы международных хозяйственных связей в капиталистическом мире.

Негативные последствия японо-южнокорейского экономического «сотрудничества» проявляются в структурных и функциональных изменениях экономики Южной Кореи. Главными из них являются усиление

¹⁸ «Асахи», 18. VIII. 1971.

¹⁹ «Сэкай», 1973, сентябрь, стр. 90—91. Если сопоставить цифры дохода на душу населения в Южной Корее и Японии, то оказывается, что южнокорейское население имело доход в 7 раз меньший, чем население Японии. — 265 долл. против 1900 долл. — См. Коккай токэй тэйё (Краткий парламентский сборник статистических данных). Токио. 1974, стр. 31.

²⁰ Там же, 1974, октябрь, стр. 81; 1975, сентябрь, стр. 33.

контроля японского капитала над важнейшими отраслями южнокорейской промышленности, создание такой системы разделения труда между японской и корейской промышленностью, при которой южнокорейские предприятия функционируют как вспомогательные подрядные и субподрядные организации, а также усиление зависимости южнокорейской промышленности от японской в области технологии.

Многие южнокорейские промышленные предприятия, построенные с участием японского капитала, импортируют сырье и первичные материалы из Японии, что увеличивает долю Японии в южнокорейском импорте: в 1972—1973 гг. она была равна 41 %²¹.

Японский капитал контролирует наиболее перспективные отрасли экономики Южной Кореи. В машиностроении Южной Кореи удельный вес японского капитала составляет, по данным на 1972 г., 54%, в текстильной промышленности — 39, в целлюлозно-бумажной — 31, в металлургии — 31, в строительстве — 40 %²².

Однако привлечение японского капитала не всегда дает желаемый экономический эффект. По словам южнокорейского политического деятеля Ким Тэ Чжуна, сеульские власти вынуждены были признать, что 70—80% предприятий, построенных на японские кредиты и с японским оборудованием, являются убыточными и правительству приходится покрывать эти убытки за счет бюджетных ассигнований²³.

Причина такого положения кроется не только в пороках экономического механизма развития Южной Кореи, но и в деструктивной роли внеэкономических факторов, прежде всего — в широко распространенной коррупции. Неписанным законом при заключении контрактов является выплата высокопоставленным должностным лицам Сеула больших денежных сумм в качестве так называемых «политических пожертвований».

По свидетельству Ким Тэ Чжуна, высшие чины южнокорейской бюрократии, паразитируя на экономическом сотрудничестве с Японией, нажили огромные состояния: при месячном окладе в 150—200 тыс. иен (в перерасчете с южнокорейских вон) эти чиновники сколачивают в течение нескольких лет капитал в сотни миллионов иен. Например, бывший начальник южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рак всего за несколько лет нажил личное состояние, которое оценивается в 75 млн. долл. (более 22 млрд. иен). Этот факт послужил в 1970 г. предметом специального разбирательства в южнокорейском парламенте²⁴.

Как отмечают работники японского МИДа и посольства в Сеуле, не менее 1/3 «помощи» и коммерческих кредитов, предоставленных Южной Корее, оседает в сейфах центральных ведомств, непосредственно подчиненных Пак Чжон Хи, и в партийной кассе правящей Демократической республиканской партии²⁵. Подобная практика в конечном счете снижает окупаемость капиталовложений и приводит к нерентабельности.

Наживаются на предоставлении кредитов Южной Корее и японские дельцы — «лоббисты». Так, в период предоставления Японией кредитов Южной Корее на строительство первой очереди сеульского метрополитена лишь 1/3 этих кредитов пошла по прямому назначению, а 2/3 отпущенной суммы поделили между собой японские и южнокорейские посредники²⁶.

²¹ Там же, 1974, октябрь, стр. 92, табл. 8.

²² Там же, 1973, май, стр. 147.

²³ Там же, сентябрь, стр. 116.

²⁴ Там же, стр. 90—91, 117.

²⁵ См. там же, 1974, декабрь, стр. 200.

²⁶ Там же, 1973, октябрь, стр. 89.

Одним из проявлений патологии в развитии южнокорейской экономики является расцвет секс-бизнеса, возведенного в ранг государственной политики: южнокорейские власти придают первостепенное значение привлечению средств иностранных туристов с помощью корейских гейш (кисэн) — в качестве одной из важнейших статей инвалютных поступлений. Если, например, валютные поступления от выполнения американских военных заказов, связанных с войной во Вьетнаме, достигли в 1969 г. рекордной цифры в 158,4 млн. долл., то от секс-бизнеса южнокорейское правительство выручило только за 10 месяцев 1973 г. 203 млн. долл. инвалютных поступлений. Следует отметить, что услугами корейских кисэн пользуются почти исключительно японские туристы. По официальным данным туристической ассоциации Южной Кореи, за 11 месяцев 1973 г. в Южной Корее побывало 600 тыс. иностранных туристов; 80% из них были японцы, в подавляющем большинстве — мужчины, направленные крупнейшими японскими туристическими компаниями²⁷. Так называемые «кисэн-парти» (приемы с девушками), устраиваемые для японских туристов, вызывают протесты со стороны южнокорейского населения.

Капиталистическое развитие Южной Кореи с участием Японии сопровождается ростом классовых противоречий, социального неравенства, нарастанием политического кризиса южнокорейского общества, усилением протеста оппозиционных сил против сеульского режима и японской экспансии. 1 марта 1975 г. известный южнокорейский поэт и общественный деятель Ким Чжи Ха обратился к прогрессивной общественности Японии с призывом создать «совместный фронт борьбы против диктаторского режима» Пак Чжон Хи и выдвинуть общую программу, содержащую, в частности, следующие требования: немедленно прекратить неокOLONIALISTскую экономическую агрессию японских предпринимателей в Южной Корее, установить такие экономические отношения между Южной Кореей и Японией, которые бы способствовали развитию экономики Южной Кореи²⁸.

* * *

Несмотря на тесные торгово-экономические связи, правящие круги Японии встречают немалые трудности на пути развития политических контактов с Южной Кореей.

Основными целями японской политики в Южной Корее являются обеспечение наиболее благоприятных условий для проникновения японских монополий, сохранение капиталистической ориентации развития Южной Кореи и усиление внешнеполитических позиций Японии. При этом Япония стремится как можно крепче привязать Южную Корею к своим внешнеполитическим и внешнеэкономическим планам и интегрировать юг Кореи в планируемую правящими кругами США и Японии систему неокOLONIALISTского господства в Восточной Азии.

Сеульский режим стремится опереться на экономический потенциал Японии для стабилизации и развития своей экономики, укрепить с помощью Японии свои позиции на международной арене и использовать ее военно-промышленный потенциал наряду с американскими военными базами в качестве средства спасения своего диктаторского режима от взрыва народного гнева.

Отношения Японии с сеульской правящей верхушкой характеризуются сложным переплетением общих интересов в одних сферах и глубочай-

²⁷ Там же, 1974, май, стр. 146—147.

²⁸ Там же, 1975, май, стр. 233.

ших противоречий — в других. Это предопределяет скачкообразный характер развития японо-южнокорейских связей, частые срывы, доходящие до серьезного обострения отношений между ними.

Наиболее высокая степень сближения интересов наблюдается в экономике: японские монополии могут и хотят расширить экспансию в Южной Корее, правящая элита которой, в свою очередь, не может обойтись без использования экономического и технического потенциала Японии. Это совпадение интересов, однако, отнюдь не означает ликвидации весьма серьезных разногласий между японскими и южнокорейскими монополиями.

В политической области интересы правящих кругов Японии и Южной Кореи совпадают в главном — в защите интересов капитала. Однако их интересы порой расходятся по важным политическим вопросам, связанным с решением корейской проблемы, а также в оценке ситуации на Корейском полуострове и международной обстановки в Азии. В критические моменты на межправительственные отношения оказывает сильное влияние столкновение «антияпонского синдрома» с японским шовинизмом. Сеульская правящая элита использует традиционные антияпонские настроения для давления на Японию в периоды резкого обострения отношений, а также для того, чтобы отвести острие критики, направленной в адрес антинародного режима.

Японо-южнокорейские противоречия особенно выпукло обнажились в ходе глубокого политического конфликта между Южной Кореей и Японией в августе 1973 — феврале 1975 г., который был вызван целой серией событий. 8 августа 1973 г. в Токио южнокорейской разведывательной службой был похищен видный деятель оппозиции Ким Тэ Чжун, который был насильственно переправлен в Сеул. Бесцеремонные действия сеульской разведки на территории Японии вызвали взрыв возмущения в стране, что заставило правительство предпринять дипломатические демарши. Обстановка еще более накалилась в результате ареста 11 апреля 1974 г. южнокорейскими властями двух японских граждан (аспиранта и журналиста) по обвинению в участии в антиправительственном заговоре. Наконец, покушение на сеульского диктатора Пак Чжон Хи, совершенное 15 августа 1974 г. молодым корейцем, проживавшим в Японии, было использовано сеульскими властями для нового нагнетания антияпонских настроений, которые привели в конечном счете к явно инспирированному сверху погрому японского посольства в Сеуле 6 октября 1974 г. Глубокое недовольство в Сеуле вызвали также определенные сдвиги в подходе Японии к новой ситуации в Азии, сложившейся в последние годы, и определенная активизация ее контактов с КНДР.

Отвечая на вопросы в бюджетной комиссии палаты советников, министр иностранных дел Японии Т. Кимура заявил 19 августа 1974 г., что в последнее время «существенно продвинулось дело разрядки напряженности в Азии» и поэтому «для нашего правительства, для Японии чрезвычайно важное значение имеет стабилизация обстановки и мир на Корейском полуострове в целом», а не только в Южной Корее²⁹. В этом заявлении отразилось стремление Японии выйти на более широкое поле дипломатического маневрирования. В то время как представители сеульского режима продолжали твердить о так называемой «угрозе нападения» со стороны КНДР, Япония стояла в данном вопросе на более реалистических позициях. 29 августа 1974 г. Т. Кимура заявил: «Существует или нет угроза с Севера — решить этот вопрос надо предоставить Южной

²⁹ «Тёсэн кэнкю», 1974, ноябрь, стр. 40—41.

Корее. Что касается правительства Японии, то оно со своей стороны считает, что объективно такой угрозы не существует»³⁰.

Это заявление вызвало резкое недовольство в Сеуле. 31 августа 1974 г. южнокорейское правительство созвало экстренное заседание и выразило сожаление по поводу «странного высказывания министра иностранных дел Японии». 2 сентября министр иностранных дел Южной Кореи пригласил японского посла в Сеуле и вручил ноту, требовавшую принять меры для предотвращения выступлений проживающих в Японии корейцев против режима Пак Чжон Хи.

Ввиду этих обстоятельств Т. Кимура был вынужден выступить 5 сентября на заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей с аргументацией своей оценки ситуации на Корейском полуострове. Он подчеркнул, что международно-политическая обстановка в Корее стабильна и что «в ближайшее время не предвидится крупного военного столкновения»³¹. На этом же заседании представители министерства иностранных дел дали разъяснение по одному из самых важных вопросов японо-южнокорейских отношений. Речь шла о толковании ст. 3 «Договора об основах взаимоотношений» от 1965 г., в которой обе стороны подтверждали, что правительство Южной Кореи «является единственным законным правительством в Корее, как указано в резолюции № 195 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций». Заведующий договорным отделом МИДа Японии заявил, что правительство Японии не рассматривает южнокорейское правительство единственным законным правительством на всем Корейском полуострове, что оно понимает ст. 3 договора как «признание суверенитета сеульского правительства только на территории Южной Кореи». С этим толкованием полностью согласился министр иностранных дел Т. Кимура³².

Эти выступления официальных представителей японского правительства свидетельствовали о некоторых сдвигах в подходе японской дипломатии к решению корейского вопроса. Однако для южнокорейских правителей это не было неожиданностью. Практически они уже примирились с реальным фактом существования на территории Корейского полуострова суверенного социалистического государства — КНДР, выдвинув 23 июня 1973 г. предложение об одновременном приеме в ООН Южной Кореи и КНДР. Это означало на деле полный провал попыток сеульских правителей выдавать себя за «единственное законное правительство Кореи».

В этом вопросе, следовательно, у правящих кругов Японии и Южной Кореи нет принципиальных разногласий, и они касаются лишь деталей идеи «двух Кореи», конкретных путей ее реализации. Пак Чжон Хи и его сторонники видят в ужесточении диктаторского режима и продолжении конфронтации с КНДР важнейшее условие сохранения своей власти в Южной Корее. В японских дипломатических кругах распространено мнение, что предпочтителен более гибкий подход, ставший возможным в условиях разрядки международной напряженности. В 1974 г. японский экспорт в КНДР увеличился по сравнению с 1973 г. в два с половиной раза и достиг 252 млн. долл. В импорте КНДР Япония занимает с 1972 г. третье место после СССР и КНР. Япония отменила ряд ограничений на выезд в КНДР и въезд из этой страны в Японию, в результате чего значительно оживились деловые контакты, связи между общественными организациями, спортивный обмен между двумя странами. Несмотря на

³⁰ Там же; «Экономист», 17. IX. 1974, стр. 6.

³¹ «Экономист», 17. IX. 1974, стр. 6.

³² «Тёсэн кэнкю», 1974, ноябрь, стр. 42—43.

протесты со стороны Сеула, продолжается репатриация в КНДР корейцев, проживающих в Японии³³.

Однако позиция в корейском вопросе нового кабинета министров Японии во главе с Т. Мики, пришедшего к власти в декабре 1974 г., характеризуется известным сближением с позицией Сеула. Это объясняется давлением со стороны Вашингтона, а также со стороны влиятельных деятелей «южнокорейского лобби» в правительстве и в правящей Либерально-демократической партии, многими нитями связанных как с крупным бизнесом Японии, имеющим свои интересы в Южной Корее, так и с сеульской правящей верхушкой. 25 февраля 1975 г. новый министр иностранных дел К. Миядзава заявил в парламенте, что японское правительство оценивает ситуацию на Корейском полуострове как «тревожную»³⁴.

На пресс-конференции в Вашингтоне, состоявшейся после переговоров с государственным секретарем США Г. Киссинджером в апреле 1975 г., незадолго до падения сайгонского марионеточного режима, К. Миядзава заявил, что положение японо-американского совместного коммюнике 1969 г. о «жизненно важном для безопасности Японии значении Южной Кореи» остается в силе. Это высказывание, как отмечала в редакционной статье газета «Асахи симбун», означало согласие Японии на использование американских военных баз, находящихся на ее территории, для ведения военных операций в Корее³⁵.

Провал империалистической интервенции в Индокитае вызвал приступ антикоммунистической истерии в рядах противников разрядки напряженности. Это явно отразилось в новых дипломатических маневрах Японии. Важнейшим событием в эволюции японо-южнокорейских отношений, имевшем место в этот период, явилось созданное в Сеуле 15 сентября 1975 г. 8-е совещание министров Японии и Южной Кореи, которое намечалось на 1974 г., но откладывалось вследствие ухудшения отношений Токио с Сеулом. Созыву совещания предшествовала целая серия внешнеполитических акций США, Японии и Южной Кореи: учреждение 23 мая 1975 г. японо-южнокорейской лиги парламентариев, переговоры в Сеуле 23 июля министров иностранных дел Японии и Южной Кореи, визит премьер-министра Т. Мики в Вашингтон и его переговоры с президентом Дж. Фордом 5—6 августа, вояж министра обороны США Д. Шлесинджера в Японию и Южную Корею в конце августа 1975 г. и т. д. В ходе указанных мероприятий происходила корректировка позиций правящих кругов США, Японии и Южной Кореи.

Очевидно, эта серия контактов имела прямое отношение к разработке и шлифовке «тихоокеанской доктрины Форда», обнародованной 7 декабря 1975 г. в Гонолулу (Гавайские острова).

Если вояж министра обороны США в Токио и Сеул предпринимался с целью усиления взаимодействия американских, японских и южнокорейских вооруженных сил, а также повышения эффективности американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии, то визит Т. Мики в Вашингтон и поездка К. Миядзавы в Сеул способствовали выработке согласованных внешнеполитических позиций Токио, Вашингтона и Сеула. Их военно-политическая консолидация подкреплялась форсированием со стороны Японии мер по оказанию экономической «помощи» сеульскому режиму. Характерно следующее: 29 августа 1975 г. в Токио проводились японо-американские консультации по военным вопросам; в тот

³³ См. Вага гайко-но кинкё, 1974, (Обзор японской внешней политики, 1974). Токио, 1975, т. 1, стр. 245—246.

³⁴ «Сэкай», 1975, май, стр. 219.

³⁵ См. «Асахи симбун», 4. V. 1975.

же день кабинетом Т. Мики было принято решение о созыве 15 сентября совещания министров Японии и Южной Кореи, а в Сеуле состоялся обмен посланиями о предоставлении Японией очередной помощи Южной Корее в размере 24 млрд. иен³⁶. Увеличение экономической помощи со стороны Японии рассматривается в Сеуле в качестве неперменной платы за возложенную Пентагоном на Южную Корею роль аванпоста в системе военного сотрудничества США — Япония — Южная Корея. В этом плане показательна отмена достигнутой в декабре 1973 г. договоренности о прекращении после 1976 г. японской помощи, оказываемой правительством Японии непосредственно сеульскому режиму.

Японо-южнокорейская встреча министров обозначила новое направление в развитии двусторонних контактов. Оно ориентировано на курс Вашингтона в азиатско-тихоокеанском регионе, сформулированный в новой «тихоокеанской доктрине Форда». На этой встрече в Токио и Сеуле, как отмечали японские газеты, фактически подтвердили так называемое «новое положение о Корее», содержащееся в пункте третьем коммюнике Мики — Форда от 6 августа 1975 г. Сопоставление этого положения с формулировкой в коммюнике Сато — Никсон (1969) выявляет некоторые существенные различия. Если ранее утверждалось, что «безопасность Южной Кореи имеет жизненно важное значение для безопасности Японии», то в новом документе говорится, что «безопасность Южной Кореи имеет важное значение для сохранения мира на Корейском полуострове». «В свою очередь, — подчеркивается далее в коммюнике, — сохранение мира на Корейском полуострове необходимо для обеспечения мира и безопасности в Восточной Азии, включая Японию». Здесь, как видим, устранена жесткая, прямолинейная взаимосвязь судеб Японии и Южной Кореи: зависимость эта установлена через опосредствование на двух уровнях — «мир на Корейском полуострове» и «мир и безопасность в Восточной Азии».

Очевидно, подобная формулировка дает японской дипломатии некоторую свободу действий в международных делах на Дальнем Востоке. Однако не вызывает сомнений, что поддержка Японией диктаторского режима Пак Чжон Хи не отвечает ни миру на Корейском полуострове, ни стабильности в Восточной Азии, ни реальностям исторического развития.

Японо-южнокорейские противоречия, несмотря на явное сближение сторон, происходящее в настоящее время, не устранены ни в экономической, ни в политической сферах. Это обстоятельство в свою очередь чревато новыми рецидивами срывов и конфликтных ситуаций в отношениях между Японией и Южной Кореей. Необходимо учесть также, что фактор растущего недовольства и протеста против этого союза со стороны демократической общественности Южной Кореи и Японии будет все более расшатывать основы японо-южнокорейского «сотрудничества».

³⁶ См. «Сэкай», 1975, ноябрь, стр. 157.

ИДЕОЛОГИЯ

Проблемы национализма в современной Японии

Б. В. Поспелов,

кандидат филологических наук

Крах милитаристской идеологии японского империализма в результате разгрома Японии во второй мировой войне и те серьезные изменения, которые произошли в идейно-политической ситуации в стране после 1945 г., казалось бы, должны были ликвидировать идейную и социальную базу националистической идеологии, господствовавшей, как известно, в империалистической Японии в прошлом. Действительно, положение, сложившееся в сфере идеологии в Японии за послевоенные годы, существенно отличается от того, которое наблюдалось в этой стране, скажем, лет 30—40 назад. В результате успехов демократического движения в качестве альтернативы идеологии милитаризма и национализма получили широкое распространение передовые, прогрессивные идеи. Благодаря усилиям многих прогрессивных ученых были опровергнуты концепции, служившие основой националистической идеологии японской монополистической буржуазии в прошлом. Возросло влияние марксизма-ленинизма, идеалов пролетарского интернационализма и дружбы между народами.

Но как стало теперь очевидно, националистическая идеология, по существу, никогда полностью не исчезала из сферы идейно-политической жизни послевоенной Японии. Больше того, с течением времени, по мере усиления реакционных тенденций в политике господствующих кругов Японии, она пускала новые корни, вновь завоевывала позиции. В настоящее время национализм в Японии, по существу, становится одним из принципов политической практики господствующих кругов монополистической буржуазии. Все это определяет необходимость включения проблемы национализма в круг вопросов, подлежащих анализу при изучении идейной жизни современной Японии.

В настоящей статье рассматриваются теоретический, политический и социально-психологический аспекты национализма в Японии.

Националистическое толкование сущности патриотизма

Крах милитаристской идеологии японского империализма во второй мировой войне означал крушение всех категорий и понятий, составлявших содержание националистической идеологии японской монополистической буржуазии. Национализм, возведенный японскими господствующими кругами в ранг государственной идеологии, принцип «преданности господину, любви к родине» («тюкун айкоку»), на который он опирался, проповедовал любовь к империалистическому государству, настаивал на верности общественно-политическим институтам монархо-фашистской Японии.

Как и всякая националистическая идеология, концепция «тюку айкоку» и связанная с ней политическая доктрина японского империалистического государства паразитировали на подлинном патриотизме японского народа, мистифицировали присущее ему, как и любому другому народу, чувство любви к родине, преувеличивали значение характерных для него социально-этнических особенностей.

Естественно, что новые исторические условия потребовали от представителей японской общественно-политической мысли переосмысления понятия патриотизма, поставили перед японской философской и исторической наукой задачу дать ответ на вопрос о том, каким должен быть подлинный патриотизм японского народа, что нужно сделать, чтобы патриотическое чувство любви к своей родине не превратилось в националистическое высокомерие и не использовалось ради достижения целей, несовместимых с интересами трудящихся масс. Не случайно, что в первые послевоенные годы именно прогрессивные японские ученые первыми обратились к теме патриотизма. В прошлом, указывали они, «патриотизм» для японцев означал служение милитаристскому государству; и был равнозначен национализму, это не была подлинная любовь к родине — Японии, поскольку понятия буржуазного государства и родины отнюдь не идентичны. Патриотично то, что способствует прогрессивному развитию нации, отвечает насущным интересам трудящихся масс, содействует достижению благородных идеалов переустройства общества на коммунистических началах, — таков был лейтмотив выступлений этих ученых. Характерной чертой их концепции национальной сознание и патриотизма было то, что они стремились утвердить идею о классовом содержании этих понятий. Большое значение для правильного понимания сущности патриотизма в те годы имело знакомство прогрессивной японской общественности с традициями народно-патриотического движения и опытом борьбы народов мира во имя достижения национальной независимости и свободы. Подчеркивая классовое содержание патриотизма, прогрессивные японские ученые акцентировали его связь с интернационализмом. Именно интернационализм, считали они, мог обеспечить наиболее полное проявление патриотического чувства и национального самосознания.

Это было новое в условиях Японии толкование содержания патриотизма, родившееся в обстановке роста демократического движения, распространения идей марксизма-ленинизма, оказывавшего все большее влияние на характер общественного мнения страны.

Но подобное решение проблемы патриотизма не устраивало представителей господствующих кругов. Продолжая традиции идеологов японской монополистической буржуазии довоенного периода, буржуазные теоретики послевоенной Японии также обратились к теме патриотизма, толкуя его в националистическом духе. Не случайно некоторые японские ученые считают, что патриотизм и национализм в концепциях буржуазных теоретиков и политической практике господствующих кругов нынешней Японии являются равнозначными понятиями.

Национализм, как известно, наполняется тем или иным содержанием в зависимости от конкретных исторических условий, его классовая база непрерывно меняется. Идеология национализма не существует в изолированном виде. Переплетаясь с политическими, правовыми, морально-этическими и другими взглядами, она играет роль формы, в которой выражаются эти взгляды. Поэтому проблема национализма неизбежно приобретает характер идейно-политической проблемы, решаемой в зависимости от мировоззренческих позиций и социально-классовой ориентации. Изменившаяся идейно-политическая обстановка, серьезные сдвиги

в социально-классовом составе японского общества внесли в проблему национализма и национальный вопрос в целом новые черты, породили концепции, отличавшиеся от националистических концепций довоенного периода. Но при всем отличии современного японского национализма от «старого» национализма у них есть одно общее — стремление подменить патриотические чувства, присущие японскому народу, как и любому другому народу вообще, националистическими предубеждениями, истолковать патриотизм как чувство любви к буржуазной нации и буржуазному государству, выхолостить классовое содержание из понятия нации, свести национальное самосознание к убежденности в незыблемом характере буржуазных общественных отношений. В конечном итоге современный японский национализм, подобно довоенному национализму, имеет ярко выраженную антикоммунистическую направленность. Стараясь вызвать «патриотическое отношение» к современному буржуазному государству и буржуазным социально-политическим институтам, подчеркивая «особую», «восточную» специфику социально-классовых отношений в стране, современные националистические идеологи в Японии пытаются приостановить распространение коммунистических идей, укрепить идейную базу капиталистического строя.

Одним из первых в послевоенной Японии с буржуазно-националистической концепцией сущности патриотизма выступил Абэ Ёсинари. Пытаясь опровергнуть толкование этой категории в работах прогрессивных ученых, Абэ провозгласил лозунг так называемого «подлинного патриотизма», направляя его острие против патриотизма японских трудящихся — участников общенационального движения за возрождение Японии как миролюбивого, демократического государства.

Выступление Абэ явилось своего рода сигналом к оживлению в Японии буржуазных концепций в трактовке национального вопроса. Его линию продолжил Симидзу Икутаро. Играя на патриотических чувствах японского народа, Симидзу выдвинул такую концепцию патриотизма, которая преследовала цель ослабить притягательную силу марксистско-ленинских идей, обесценить в глазах трудящихся подлинный идеал национально-демократического движения.

В 1960-х годах среди японской либерально-буржуазной интеллигенции получила хождение так называемая «теория модернизации», нацеленная на опровержение марксизма с помощью тенденциозной интерпретации некоторых факторов экономического развития Японии. Суть этой «теории» заключается в подчеркивании мнимых преимуществ капиталистического способа производства; она была выдвинута в качестве альтернативы теории научного коммунизма.

Теория модернизации вызвала к жизни националистические концепции, преследующие цель опровержения марксистско-ленинского учения о сущности буржуазного государства и путях решения национального вопроса в эпоху империализма.

Одним из представителей этого течения является профессор Токійского университета Хаяси Кэнтаро. Концепция патриотизма у Хаяси Кэнтаро прямо направлена против марксистской теории общественного развития и марксистско-ленинской концепции национального вопроса и сущности патриотизма.

Полемизируя с Марксом, Хаяси выступает против пролетарского интернационализма. Больше того, пытаясь опорочить идеалы коммунизма, он отказывает человеку коммунистического общества в чувстве патриотизма. Связывая патриотическое чувство с сознанием человеком своей «субъективности», которая будто бы подавляется при коммунизме, Хая-

си пытается доказать, что подлинный патриотизм возможен лишь в буржуазном обществе.

В условиях краха довоенной националистической идеологии, проникнутой идеями милитаризма и абсолютизма, перед лицом форсированного наступления современной буржуазной «массовой культуры» на основы национальных культурных ценностей у некоторых представителей мелкобуржуазной японской интеллигенции возникла тенденция к заполнению образовавшегося идейного вакуума путем усиленного обращения к традиционным национально-этническим ценностям и ухода в жизнь, ограниченную эмпирически воспринимаемой действительностью. Отражая мировосприятие этих слоев японской мелкой буржуазии, находившейся под впечатлением военного поражения и переживавшей период отрезвления после тотальной кампании восхваления абсолютистского государства, представители этого направления в увлечении национально-этническими традициями пытаются дать выход своему политическому индифферентизму и продемонстрировать свое «безразличие» к любым идеологическим концепциям как «неистинным», «ложным», не отражающим якобы «глубин национального духа и национальной культуры». В отдельных случаях такое отношение к концептуальному знанию распространяется и на теории о сущности патриотизма, оно было вызвано убеждением, что патриотическое чувство, как и сфера «национального духа» в целом, вообще не выразимо в обычных категориях и понятиях.

Эти настроения прослеживаются, например, в трактовке национализма мелкобуржуазным публицистом Ёсимото Такааки. «Истинным» Ёсимото считает «национализм масс», сводя его к повседневному ощущению и переживанию индивида, не доступным логическому познанию. Это не что иное, как проявление этнического национализма, преклонение перед его иррациональными формами.

Точка зрения Ёсимото Такааки смыкается с прагматической теорией так называемых «жизненных ситуаций», одним из авторов которой является Цуруми Сюнсукэ. Стараясь обосновать «некритическое восприятие окружающей жизни», Цуруми игнорирует теоретико-познавательное отношение к действительности. Он провозглашает принцип «принятия данной ситуации», заключающейся в «постоянном принятии условий существования своей семьи, своей деревни»¹. По убеждению некоторых теоретиков, разделяющих концепцию Цуруми, образ мышления человека должен сводиться к формуле: «Каким бы грязным дом ни был, но это же твой дом. Его нужно принимать и любить таким, какой он есть»².

Нельзя не видеть, что эта концепция утверждает чувство узкого этнического патриотизма, легко превращающегося в национализм, ибо «любовь к своему дому и своей деревне», не озаренная широким взглядом на общество, чуждающаяся теории, может стать причиной националистической нетерпимости к образу жизни других народов и консервативного отношения к любым прогрессивным преобразованиям.

К концепциям национализма, опирающимся, по-существу, на философский иррационализм, примыкает психологическая теория патриотизма, одним из представителей которой является Кояма Ивао. Бывший защитник феодально-абсолютистского государства и императорского строя, Кояма после войны стал рядиться в «демократические» одежды провозгласив себя сторонником так называемого «народного правления». Лишая патриотизм гражданственности, Кояма сводит патриотиче-

¹ См. Куно Осаму, Цуруми Сюнсукэ, Фудзита Сэйдзо. Сэннин-но сисо (Идеология послевоенной Японии). Токио, 1966, стр. 113.

² Кояма Ивао. Дотоку то ва нани ка (Что такое мораль?). Токио, 1973, стр. 120.

ское чувство к некоему психологическому состоянию, сходному с биологическим чувством любви, «подобному тому, которое родители питают к детям». Рассматриваемая любовь к родине — патриотизм — как «природное чувство», Кояма сочетает его с принципом «преданности родине», толкуя последний как «велеие национальной морали»³. Тезис о «национальной морали» выливается у Коямы в проповедь классовой гармонии и «национального единства» в рамках буржуазной нации.

К психологическим концепциям сущности патриотизма относится и трактовка этого понятия, данная буддийским теологом Сато Кодзи. Прибегая к традиционным буддийским категориям, Сато наполняет патриотизм религиозным содержанием, связывая его, однако, с конкретным буржуазным государством, которое трактуется им как одна из форм бытия в буддийском значении этого слова.

Таковы некоторые примеры использования антинаучной, антимарксистской методологии в работах о сущности патриотизма, с которыми выступают японские буржуазные ученые. Вместо толкования патриотизма и национального вопроса вообще с позиций признания неизбежности крушения буржуазных общественных отношений и социалистической перспективы исторического развития, вместо четкого разделения буржуазного общества на антагонистические классы, каждый из которых толкует сущность патриотизма со своих, классовых позиций, они предлагают такое решение проблемы патриотизма, которое нацелено на обоснование буржуазного национализма и буржуазного мировоззрения в целом.

Попытки наполнить старые националистические теории новым содержанием

Основное наступление националистической пропаганды, подчинившей своим целям буржуазную науку и диктующей ей свои требования, в настоящее время развернулось в сфере исследований, посвященных истории общественно-политической мысли довоенной Японии. В националистических концепциях японской монополистической буржуазии прошлого нынешние глашатаи национализма в Японии пытаются акцентировать те идеи и положения, которые в наибольшей степени отвечают идеологическим задачам, поставленным господствующими реакционными кругами нынешней Японии.

Известный буржуазный историк Нодзима Ёснаки, например, задался целью гальванизировать идеи Окава Сямэй⁴. Фигура Окава достаточно известна в истории буржуазной общественно-политической мысли довоенной Японии. Теоретик ультра националистического толка, он посвятил свою деятельность выработке и распространению таких концепций, которые вошли в арсенал идеологических средств японской монополистической буржуазии.

Объектом теоретических изысканий Окава стал так называемый «японский дух». Вкладывая в это понятие религиозно-мистическое содержание, Окава возводил его в категорию, которая составляет основу пресловутого «японизма» как принципа политической и морально-этической практики. «Японский дух» и «японизм» обосновывали ультра националистскую идею об особых чертах государственного строя Японии и «исключительности» ее исторической миссии.

³ Кояма Ивао. Дотоку то ва нани ка (Что такое мораль?). Токио, 1973, стр. 120.

⁴ См. Нодзима Ёснаки. Окава Сямэй. Токио, 1973.

Особая роль в националистической демагогии Окава отводилась клевете на марксистско-ленинское учение, которое отрицалось им как «продукт западной духовной культуры», чуждый-де «глубинным основам» восточных народов. Безудержный антикоммунизм националистических концепций Окава особенно ярко проявился в провозглашенном им лозунге «возрождения Азии». Ратуя за сохранение «национальной субъективности» народов Востока, он пытался доказать несовместимость социалистических преобразований с идеей «возрождения».

В послевоенные годы деятельность Окава была осуждена прогрессивной научной общественностью Японии, его взгляды как идеолога империалистических кругов были разоблачены и опровергнуты. Вопреки этой оценке места Окава в истории общественно-политической мысли Японии Нодзима пытается реабилитировать этого теоретика.

В националистических концепциях Окава Сюэй Нодзима прежде всего привлекает безудержный антикоммунизм, стремление исключить Японию и другие страны Азии из общего процесса поступательного социально-политического развития, создать на пути марксистско-ленинских идей заслон в форме буржуазно-националистских концепций. Отстаивая националистическую концепцию исторического развития, обосновывая ошибочную точку зрения о принципиальном различии механизма действия социальных и идейно-политических факторов на общественное развитие стран Востока и Запада, Нодзима усматривает в «борьбе с европеизацией» условие осуществления «культурного плюрализма», возводя его чуть ли не в закон общественного развития. В его трактовке «европеизация» Японии, сопровождавшаяся знакомством японской прогрессивной общественности с передовыми идеями Запада, стала основной причиной распространения здесь марксистско-ленинского учения, «утери» Японией своей «субъективности».

Следуя за Окава, Нодзима провозглашает «чистый национализм», означающий отказ от прогрессивного развития и революционного переустройства восточных обществ. «Возрождение Азии, которое преследовал японский национализм, ставило целью не уничтожение азиатской самобытности в процессе европеизации, а утверждение субъективности Азии в мировой истории»⁵, — провозглашает Нодзима, раскрывая свое понимание цели японского национализма на современном этапе.

Сущность националистических воззрений Нодзима, таким образом, заключена в утверждении исключительности исторической миссии Японии в Азии, особых морально-этических особенностей народов Востока, для которых-де необходимо объединение на «паназийской основе». Старые идеи японского национализма облечены в новую оболочку, новая националистическая концепция, призывающая к борьбе с марксистско-ленинской идеологией, опирается на старые философские категории и понятия.

Аналогичное идейно-политическое значение имеют и попытки некоторых японских буржуазных теоретиков возродить националистические идеи другого идеолога японского империализма — Кита Икки. Эту неблаговидную роль взял на себя, в частности, буржуазный публицист Мураками Итиро, пытающийся доказать «оригинальность», «самобытность» идей Кита⁶. На самом деле «идеи» последнего представляют собой не более чем конгломерат разношерстных мелкобуржуазных концепций в сочетании с ультранационалистическими теориями фашистского толка.

⁵ Нодзима Ёсиаки, цит. соч., стр. 248.

⁶ См. Мураками Итиро. Кита Икки рон (Учение Кита Икки). Токно, 1973

Задаче утверждения националистической концепции развития японской общественно-политической мысли служит и попытка философа-прагматика Уэяма Сюмпэй доказать наличие в ней «национальной японской линии». Эту «линию» он прослеживает в идеологии японского либерализма, а также в социалистических идеях. Одним из первых представителей либерализма в Японии Уэяма считает Тёмин Накаэ⁷. Прогрессивная японская историко-философская мысль четко определила место последнего в истории японской общественной мысли. Философ-материалист, революционный демократ, он, несмотря на отдельные колебания и противоречия, придерживался радикальных взглядов, положивших начало той традиции в истории японской общественной мысли, которая в лице ученика Тёмин Накаэ — Котоку Сюсуй привела к формированию социалистического течения.

Если верить Уэяма, то «национальной» у Тёмин Накаэ является лишь конституционно-монархическая линия, никакой другой линии, как убеждает нас Уэяма, японская национальная традиция во взглядах Тёмин Накаэ породить не могла. Иными словами, игнорируя действительное содержание процесса складывания идейных традиций и значение их взаимовлияния, Уэяма пытается доказать, будто прогрессивные идеи в истории японской общественно-политической мысли не являются «национальными» японскими, они-де привлечены извне и не имеют под собой национальной основы.

Что же касается социалистических идей, как таковых, то здесь Уэяма, по-существу, пытается утвердить идею о наличии «национального» японского марксизма. Представителями такого марксизма в Японии этот теоретик считает некоторых японских социологов и экономистов, деятельность которых падает на конец 1920-х — начало 1930-х годов. Не приходится доказывать необоснованность попыток Уэямы провести мысль о наличии в Японии «национального марксизма» и «национального социализма», противостоящих «марксизму вообще». Как универсальное учение марксизм не имеет национальных границ, его же «национальные варианты», как правило, оказываются искажением марксистской теории, и речь в данном случае может идти не о марксизме или социализме, а их извращениях.

Не ограничиваясь фальсификацией роли Тёмин Накаэ, Уэяма обращается к теоретическому наследию крупного японского философа-идеалиста Нисида Китаро — главы японской академической школы довоенного периода, воззрения которого стали теоретической основой японского национализма. Уэяма пытается затушевать реакционное содержание взглядов Нисида и его роли в утверждении идеологических основ монархического режима и националистических концепций в Японии. Нисида в представлении Уэяма выступает как носитель традиций японского либерализма, он прямо связывает этого философа с Тёмин Накаэ. Стремление реабилитировать Нисида в националистических целях путем воскрешения его взглядов в нынешней Японии характерно не только для Уэяма. Аналогичную цель, по существу, преследует и Такидзава Кацуми.

Такидзава занимается изысканиями в области теологии, пытаясь создать некое новое религиозное течение. Для обоснования своих религиозных концепций он счел необходимым обратиться к категориям и поня-

⁷ См. Уэяма Сюмпэй. Нихон-но сисо. Дотяку то ока — но кэйдзу (Японские идеи. Отечественные и заимствованные в Европе). Токио, 1971.

тиям философии Нисида. Ни проповедь космополитической идеи «всемирного религиозного государства», ни критика отдельных положений философии Нисида, с которыми выступает ныне Такидзава, не меняют общей националистической направленности его концепции «японского духа», которую он использует для обоснования традиционных теорий о сущности государственного правления в Японии и его исторических форм⁸.

В свете наметившейся тенденции к воскрешению националистических концепций Нисида, как и его философии в целом, можно расценивать издание в 1972 году сборника, посвященного Нисида. Подготовленный известным буржуазным философом Симомура Торатаро, учеником и последователем Нисида, этот сборник дает наглядное представление о том направлении буржуазной общественно-политической мысли современной Японии, которое особенно настойчиво ратует за возрождение традиционных идеалистических теорий.

Содержащиеся в сборнике⁹ материалы прогрессивных японских ученых лишь оттеняют характер этого течения, вскрывая его реакционно-националистическое содержание и антикоммунистическую направленность.

Антикоммунистическая, антидемократическая сущность современного японского национализма особенно ярко проявляется в концепции «японоведения», восходящей к националистическим учениям японских идеологов периода феодализма. Одним из наиболее ревностных ее проповедников является Куроги Ятё. Куроги страшит перспектива социалистической революции в Японии, все более широкое распространение в стране марксистской идеологии. Для противодействия марксистско-ленинским идеям он пытается распространять такие теории, которые непосредственно смыкаются с японской национальной религией — синтоизмом, истолкованным с учетом современного уровня буржуазного философского сознания и политических задач буржуазного государства.

Проблема оценки традиционных буржуазно-националистических концепций в условиях современной Японии приобретает, таким образом, исключительно острый идейно-политический характер. Путем обращения к националистическим концепциям недалекого прошлого буржуазные идеологи пытаются подвести общественное мнение к восприятию новых националистических теорий и использовать их в борьбе против марксистско-ленинизма.

Националистические тенденции в политике господствующих кругов

Выше были рассмотрены некоторые вопросы возрождения национализма в сфере японской буржуазной идеологии. Но, как показывает опыт истории, идеологическое наступление националистических сил всегда сопровождается попытками господствующих классов внедрить националистические тенденции в область практической политики.

С целью возрождения националистической идеологии, наполнения ее антикоммунистическим содержанием господствующие круги Японии прибегают к самым различным средствам идеологического воздействия. Одно из первых мест ими отводится мероприятиям по распространению

⁸ См. Такидзава Кацуми. Нихон эйсин кодзо (Структура японского духа). Токио, 1973.

⁹ См. «Нисида Китаро». Сборн. статей под ред. Симомура Торатаро. Токио, 1970.

идеологии «сотрудничества труда и капитала», в которой они усматривают идейно-классовую основу буржуазного национализма.

Эта идеологическая кампания, началась в конце 1950-х годов как кампания за увеличение производительности труда. В ее основе лежал «экономический национализм», заключающийся в стремлении монополистической буржуазии мобилизовать на выполнение производственной программы людские ресурсы внутри страны и акцентировать их «особую» роль в выполнении этой программы. Главной целью этой кампании было развешивание идеологического движения, связанного с производством. В рамках этого движения был проведен ряд мероприятий, которые преследовали цель усилить классовое сознание японских трудящихся, воспитать их в духе преклонения перед буржуазным образом жизни, распространить националистическую идею о превосходстве японской разновидности капитализма. Особенно настойчиво эту идею начали рекламировать в начале 1960-х годов, в условиях охватившего страну «экономического бума».

Задаче утверждения буржуазно-националистического мироощущения служит и осуществляемая монополистической буржуазией идеологическая кампания насаждения массовой психологии потребительского общества, иллюзии о превращении капиталистического государства в государство «всеобщего благоденствия», якобы обеспечившего высокий жизненный уровень каждой японской семье. Именно таким путем правящие круги пытаются укрепить фундамент буржуазного государства, компенсировать ослабление старых, патерналистских отношений и старой общественной структуры, связывавших в прошлом архаичные каноны семейных отношений со строем абсолютистского государства. В качестве промежуточного звена между семьей и государством эта кампания ставит капиталистическое производство.

Эти широкие идеологические мероприятия направлены на манипулирование массовым сознанием в интересах монополистического капитала, на подавление ценностных ориентаций, рождающихся в среде трудящихся и отражающих их классовые интересы, на внедрение в конечном итоге в широкие массы буржуазно-националистического мироощущения.

В интересах формирования буржуазно-националистической идеологии и ценностных ориентаций антикоммунистического характера господствующие круги Японии пытаются использовать и свою экономическую политику. Пропаганде достижений экономического развития Японии монополистический капитал отводит особое место в кампании по оживлению националистских настроений. Одним из шагов в этом направлении явилось опубликование в начале 1960-х годов «Плана экономического развития Японии на длительный период». Придавая этому плану большое идейно-политическое значение, японские монополии использовали все средства массовой информации для его пропаганды. Содержащийся в этом плане призыв «догнать и перегнать Европу и США» постепенно приобрел националистическую окраску.

Во второй половине 1960-х годов в силу благоприятной внутренней и внешней конъюнктуры японскому монополистическому капиталу удалось добиться расширения производства. Япония встала в ряд наиболее развитых в экономическом отношении капиталистических стран. Но в силу характера самого капиталистического способа производства экономические успехи японского капитализма углубили противоречия, существовавшие в японском обществе ранее, породили новые неразрешимые противоречия, обострившие классовую борьбу. В таких условиях старые установки на повышение производства, внедрение потребительской пси-

хологизм и соединение воедино идеи семьи, производства и государства стали терять свое значение, ибо уже не соответствовали в полной мере задаче распространения буржуазно-националистических воззрений.

Во второй половине 1960-х годов арсенал идеологических средств японской монополистической буржуазии пополнился пропагандой ценностных установок открыто националистического характера. Расширяя фронт идеологического наступления, все более разнообразя методы идеологического воздействия, правящие круги Японии стали уделять внимание пропаганде таких категорий и понятий, как государственный суверенитет, национальный интерес, национальный престиж и т. д. В качестве основной идейно-политической задачи было провозглашено достижение «национального единства». Именно эту цель преследовали проводившиеся одно за другим политические мероприятия. Таковыми стали дискуссии о возрождении «патриотического воспитания в школах, восстановление празднования «дня основания империи». Особое место в политическом курсе, направленном на гальванизацию националистических тенденций, занимают мероприятия, проведенные властями в связи со 100-летней годовщиной революции Мэйдзи.

В мероприятиях и документах правительства и правящей либерально-демократической партии в связи со 100-летием революции Мэйдзи, как в фокусе, отразилось националистское содержание идейно-политической программы современного японского монополистического капитала.

Такая позиция правящих кругов Японии отражала глубинные процессы, протекавшие внутри правящей либерально-демократической партии, сделавшей к этому времени ставку на возрождение националистической идеологии в ее наиболее обнаженной форме. Именно к такому выводу подводит проект программы «Курса деятельности партии на 1968 г.», принятый пленумом ЛДП 16 января 1968 г. Авторы программы сетуют по поводу того, что в послевоенные годы было «утеряно много ценностей» — стремление к «служению обществу, любовь к отечеству, национальный дух, сознание необходимости самообороны». По их убеждению, это означает «утрату самого существа японской нации». Возлагая вину за такое положение на «радикальные силы», которые «стремятся отрицать все прошлое», программа призывает «вне и внутри страны показать подлинную сущность нации» и возродить «национальный дух», основанный на «любви к отечеству»¹⁰.

В тесной связи с общим курсом японской монополистической буржуазии на возрождение националистической идеологии находятся попытки правящих кругов поднять роль синтоистской религии в жизни государства, возложить на нее часть функций по внедрению реакционно-националистических представлений. По требованию реакционных идеологов синтоистского толка и представителей синтоистского духовенства правительство не раз обсуждало вопросы, связанные с восстановлением синтоизма как государственной религии. Не раз оно шло на уступки требованиям синтоистского духовенства, добивающимся пересмотра положения об отделении синтоизма от государства, принятого после второй мировой войны¹¹.

Особое внимание правящие круги Японии уделяют роли министерства просвещения в деятельности по оживлению националистических тенденций. Под предлогом осуществления идеи «патриотического» воспитания это министерство, руководство Совета по вопросам просвещения,

¹⁰ «Асахи», 17. I. 1968.

¹¹ См.: Фудзикаки Тосё. Коккасиндорон хихан (Критика современной теории государственного синтоизма). «Дзэнэй», 1973, № 6.

реакционная профессура не раз выдвигали проекты конкретных мероприятий, нацеленных на усиление воспитания молодежи в духе буржуазно-националистских идей. Этому была посвящена, например, специальная сессия Совета по вопросам просвещения, принявшая в качестве основы правительственного курса в области образования буржуазно-националистическую концепцию о «желательном образе человека», автором которой является известный буржуазный философ Косака Масааки.

Одним из объектов, подвергающихся интенсивному воздействию националистической пропаганды, являются войска «самообороны», то есть японская армия. Японской демократической общественности известно, что, несмотря на заверения правительства в том, что идейное воспитание в войсках осуществляется в соответствии с «духом конституции», их личный состав подвергается непрекращающейся идеологической обработке в националистском духе. Об этом со всей убедительностью свидетельствует содержание учебных пособий, используемых в войсках, и книг, официально рекомендуемых для изучения солдатами и офицерами. Под предлогом «патриотического» воспитания личного состава войск среди них пропагандируются идеи махрового национализма, прославляются «верноподданнический долг», «идея преданности господину и любви к родине», так называемый «японский дух», «дух бусидо» и т. д. Все эти категории и понятия входили в идеологию довоенного японского национализма феодально-абсолютистского толка, различие заключается лишь в том, что теперь в эти категории вкладывается содержание, соответствующее современному этапу развития японского буржуазного государства, прошедшего период «модернизации».

Как нигде, национализм, культивируемый в войсках «самообороны», пронизан идеологией антикоммунизма и антидемократизма. Националистические убеждения насаждаются там в неразрывной связи с идеологией, осуждающей японское демократическое движение.

На почве националистической пропаганды в войсках «самообороны» произошло тесное слияние позиции правящих классов и реакционной японской профессуры. В качестве учебных пособий по «патриотизму» и «критике коммунизма», используемых в войсках, в официальных документах названы работы многих японских буржуазных философов, социологов, историков. Среди них книги Кояма Ивао, Танака Масааки, Хаяси Фусао, Хаяси Кэнтаро и других идеологов национализма и антикоммунизма¹². Немаловажное место в раздувании националистических настроений в Японии занимает так называемый «вопрос о северных территориях». При поддержке официальных властей в стране действует ряд националистических организаций, призывающих к пересмотру итогов второй мировой войны.

Итак, правящие круги Японии во имя достижения своих классовых целей не оставляют надежду оживить националистические настроения в стране, отводя им роль идеологического оружия в борьбе против марксистско-ленинской идеологии, за утверждение буржуазно-националистического мироощущения.

Социально-психологический аспект проблемы национализма

Каково отношение различных слоев японского населения к проблеме патриотизма, как реагируют широкие массы на попытки господствующих кругов распространить националистическое мироощущение — вот

¹² См. Цутя Харуо. Дзэнйтай ни окэру сэйсин кёку (Духовное воспитание в войсках самообороны). — «Дзэнэй», 1974, № 5.

вопросы, которые являются наиболее важными с точки зрения влияния националистической идеологии на политическую ситуацию. Ведь как ни важен теоретический аспект данной проблемы, как бы ни развивался курс господствующих кругов в этой области, действительность националистической пропаганды, возможность реализации националистических тенденций в непосредственной политической практике в значительной степени зависит от особенностей социально-психологической ситуации и характера массового сознания.

Борьба демократической японской общественности против наступления реакционной буржуазной идеологии, усилия прогрессивных ученых в интересах распространения передового научного мировоззрения помешали реакции выполнить намечавшиеся планы оживления националистических настроений.

Некоторые японские социологи указывают на сравнительную слабость социально-психологической базы довоенного японского национализма. Отсутствие в нем единой, всеобъемлющей системы, могущей объединить все социальные группы в рамках массового сознания. Проводившаяся господствующими классами «модернизация» Японии путем заимствования западных идеологических концепций и социально-политических институтов осуществлялась на уровне массового сознания весьма медленно, что способствовало сохранению в японской националистической психологии феодальных пережитков. Это также обусловило ее слабость на уровне массового сознания.

Эти черты довоенного японского национализма отмечает в одной из своих работ известный японский политолог Маруяма Масао, серьезно подошедший к исследованию данной проблемы¹³. Осуждая традиционный японский национализм, Маруяма вместе с тем склоняется к поддержке «модернизированного» буржуазного национализма.

Нельзя не признать, что духовная ситуация, сложившаяся в послевоенной Японии, серьезно подорвала социально-психологическую основу традиционного национализма. Крушение военно-абсолютистского режима вызвало «социальную дисперсию» националистического сознания, усилило тенденцию к возвращению сознания «малых групп»: семьи, деревни и т. д. Однако основывавшиеся в прошлом на принципах патернализма, эти группы в послевоенной Японии начали стремительно разрушаться. Проникновение в их среду буржуазно-индивидуалистских настроений стало серьезным препятствием для возрождения настроений, породивших традиционный национализм. В то же время социально-политические преобразования, проведенные в стране, в значительной степени способствовали ослаблению феодальных пережитков, являвшихся составной частью националистической психологии в прошлом, серьезно подорвав социально-психологическую базу для возрождения традиционного национализма.

Само собой разумеется, что от взгляда японских социологов не ускользнул процесс оживления националистских настроений в результате активизации деятельности господствующих кругов по возрождению националистской идеологии. Маруяма, например, одну из причин этого усматривает в стремлении господствующих кругов культивировать старые националистские символы типа сельских религиозных праздников, в курсе на возрождение старых обычаев и нравов и т. д. Нельзя не признать, что хотя все эти символы и лишены непосредственного политического содержания, однако при определенных условиях они могут дать весьма весомый политический эффект.

¹³ См. Маруяма Масао. Гэндай сэндзи-но сисо то кодо (Современные политические идеи и практика). Токио, 1973.

Констатация японскими авторами возрождения националистских тенденций, безусловно, настораживает, она подтверждает обоснованность опасений относительно усиления позиций реакционно-националистических кругов в стране. Тем не менее совершенно очевидно, что охарактеризованные выше социально-психологические аспекты данной проблемы продолжают действовать и поныне, оказывая сдерживающее влияние на распространение традиционных националистских представлений и создавая серьезные препятствия для возрождения националистической идеологии в том объеме, в каком это хотелось бы господствующим классам.

В результате целенаправленной политики господствующих кругов Японии по возрождению национализма «скрытые националистические тенденции» стали выходить наружу и превратились в националистическое течение в буржуазной идеологии и сознании некоторой части японского населения. В основе последнего явления лежит особое психологическое состояние, возникающее в результате отождествления отдельными представителями мелкой буржуазии, новых средних слоев, собственного дома, семьи с предприятием, а через него — с буржуазным государством.

Окончилась крахом пропагандистская кампания, ставившая целью поднять авторитет буржуазного государства и облечь в патриотические одежды «войска самообороны», превратить их в «народную армию». Как уже отмечалось, в довоенные годы японской буржуазии удалось внедрить в сознание масс ряд реакционных националистических догматов, используя для этого иррационалистическую буржуазную философию и религию.

Проявляя обоснованную тревогу по поводу усиления националистических тенденций в идеологии и политике господствующих кругов, японские социологи в конечном итоге констатируют провал попыток японской монополистической буржуазии возродить в полной мере националистическую идеологию и использовать ее в своих классовых интересах. Да это и понятно. Насаждаемая правящими классами буржуазно-националистическая идеология опирается на антинаучные представления об обществе. Призванная оправдать узкоклассовые интересы японской буржуазии, она лишена подлинной системы ценностей, которая могла бы указать на действительное место человека в историческом процессе, вооружив его научным мировоззрением, раскрыв роль народных масс в японской истории.

Для выяснения отношения представителей отдельных слоев японского населения к проблеме национализма определенный интерес представляют данные социологических обследований, проведенных японскими социологами. Первые такие данные относятся к 1949 г. Группе лиц, преимущественно представителям интеллигенции, был задан вопрос «Как вы относитесь к слову «патриотизм»? Хотя некоторые из опрошенных идеализировали японское государство прошлого, подчеркивая важность патриотического чувства, однако абсолютное большинство участников опроса решительно отвергли само понятие «патриотизма». В качестве причины такого отношения группа опрошенных сослалась на факты использования этого понятия в целях осуществления преступлений и репрессий в отношении тех, кто был не согласен с существующим режимом¹⁴.

Следующий опрос относится к 1953 г. Он был проведен среди учащихся старших классов двух школ Токио. Анкетированию подверглись

¹⁴ См. сборн. «Айкокусин» («Патриотизм»). Токио, 1970, стр. 134.

153 ученика, которым был задан вопрос «Какие ассоциации у вас вызывает слово «патриотизм»? Результаты этого опроса оказались примерно такими же, что и в 1949 г.; 69% юношей и 40% девушек, участвовавших в анкетировании, решительно отвергли это понятие, подтверждая свое отношение к нему теми же доводами, которые приводились в предыдущем опросе. Аналогичные результаты дал опрос 1954 г.

Во всех опросах речь шла в основном о довоенном патриотизме, означавшем безудержный национализм шовинистического толка. Как видно, он подвергся осуждению со стороны большинства опрошенных. Вместе с тем в последних двух опросах явственно проявились признаки стремления к поиску некоей альтернативы традиционному национализму. В опросе 1954 г. среди тех, кто отвергал понятие «патриотизм» в его традиционном толковании, обнаружилось стремление наполнить патриотическое чувство новым содержанием, некоторых из них, говоря о патриотизме, затрагивали вопросы о путях развития Японии в будущем.

Развитие такого процесса в социальной психологии масс было естественным и закономерным. Ни одному народу нельзя отказать в исконном патриотическом чувстве любви к своей родине. Разница заключается лишь в подходе к решению этой проблемы, в понимании национального развития. В этом отношении Япония не была и не могла быть исключением. Проявившееся на этом этапе послевоенного развития Японии стремление к поискам нового содержания и дел патриотизма как раз отражало это желание японской молодежи, рабочих, представителей интеллигенции видеть свою родину процветающей, а народ — счастливым. Это проявилось и в отношении к патриотическим чувствам, уточненном в ходе опросов. По данным анкетирования, проведенного в Токийском университете в 1949 г., из 179 человек 85% в качестве объекта патриотических переживаний назвали родную землю — Японию, с которой, как известно, прежде всего ассоциируется понятие родины. Совсем иным оказалось отношение опрошиваемых к японскому буржуазному государству: из 174 человек в качестве объекта патриотических переживаний его назвали лишь 29%. Аналогичные результаты дали данные другого опроса. Иными словами, авторитет буржуазного государства среди опрошенных оказался достаточно слабым. В их умонастроении, безусловно, нашло отражение общественное мнение страны, весьма далекое от идеализации буржуазного государства и лишь в своей незначительной части разделяющее буржуазно-националистические идеи.

А каково отношение к проблеме патриотизма у японского населения в настоящее время? Какие результаты принесла националистическая пропаганда, раздувавшаяся господствующими кругами и их идеологами в течение последних десятилетий? Вот некоторые данные опроса, проведенного статистическим управлением Японии в начале 1970-х годов. Анкетированием было охвачено 20 тыс. лиц разного пола и возраста. На вопрос: «Сильным или слабым чувством любви к родине вы обладаете?» 13% опрошенных ответили «очень сильным», 37% — «сильным», 42% опрошенных не могли определенно квалифицировать свое чувство, 6% заявили о том, что у них чувство любви к родине слабое¹⁵. Что касается содержания патриотического чувства, то данные опроса показали, что 33% опрошенных любят родную природу, 25% под этим чувством имеют в виду желание независимости родины и 24% — стремление к ее процветанию.

Судя по этим данным, серьезных сдвигов в структуре патриотического чувства в сторону усиления идеи буржуазного государства у япон-

¹⁵ «Айкокусин», стр. 147.

ского населения не произошло. Хотя патриотические настроения и усиливаются, однако они не наполняются содержанием, угодным господствующим классам, и не способствуют достижению целей, которые преследуются буржуазными идеологами в непрерывно осуществляющихся пропагандистских кампаниях националистического толка. Больше того, характерное для умонастроений значительных слоев японского населения весьма равнодушное отношение к буржуазному государству, а следовательно, и всему общественному порядку, олицетворением которого оно является, заставляет идеологов господствующих кругов беспокоиться о направлении развития японского общественного мнения, от характера которого в большой степени зависит судьба существующего общественного строя. Этим и объясняются их постоянные усилия, направленные на раздувание националистической пропаганды, стержнем которой является усиление роли буржуазного государства и превращение национализма в один из ведущих принципов буржуазной идеологии.

Однако на пути буржуазно-националистических тенденций в Японии стоят мощное демократическое движение, прогрессивная идеология, марксистско-ленинское учение. Идеи пролетарского патриотизма и интернационализма все глубже проникают в сознание японского рабочего класса, всех трудящихся масс, становясь надежным противоядием против националистической идеологии.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Основные направления исторических исследований советских ученых-дальневосточников

А. И. Крушанов,

член-корреспондент АН СССР,

директор Института истории, археологии и

этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР

Осенью 1956 г. во Владивостоке была организована академическая исследовательская группа, которая вскоре была превращена в отдел, а в июле 1971 г. — в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР. Инициаторами создания на Дальнем Востоке крупного исследовательского гуманитарного института АН СССР являлись академики М. Н. Тихомиров, Е. М. Жуков, А. П. Окладников и другие выдающиеся советские ученые.

Наш институт — комплексный. Коллектив ученых исследует закономерности возникновения, развития и смены социально-экономических формаций у народов Дальнего Востока СССР, Сибири, смежных государств Восточной и Центральной Азии от эпохи первобытного общества до 70-х годов XX столетия. Такой подход к исследованию проблем истории и культуры народов Азии весьма сложный. Он требует объединения сил историков, в том числе специалистов по отечественной истории, археологов, этнографов, антропологов, востоковедов (китаеведов, корееведов, японоведов), международников, социологов, филологов.

Создание и развитие академического института во Владивостоке было бы невозможно без постоянной помощи отделений истории и экономики АН СССР. ДВНЦ особенно активно помогают: Институт истории СССР (академик А. Л. Нарочницкий), Институт востоковедения АН СССР (академик Б. Г. Гафуров), Институт Дальнего Востока АН СССР (член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский), Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (академик А. П. Окладников).

Бюро Отделения истории АН СССР и головные институты помогли дальневосточникам определить основные направления исторических и социально-экономических исследований по проблемам Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Восточной Азии, создать традиции в области координации нашей работы, укрепить материальную базу ДВНЦ АН СССР и Дальневосточного государственного университета (книжными фондами), подготовить кадры востоковедов, установить международные связи с организациями Монгольской Народной Республики, Австралии, Сингапура, Японии, США и других государств.

Исторические исследования на советском Дальнем Востоке проводились и проводятся на основе марксистско-ленинской методологии.

Известно, что древнейшие люди на территории Северо-Восточной Азии появились в эпоху палеолита. Именно они, пришельцы из Центральной Азии и Сибири, и явились предками палеоазиатов и тунгусо-язычных племен¹. Первобытнообщинная формация у аборигенов Даль-

¹ История Сибири. Л., 1968, т. 1, раздел 1.

ного Востока СССР формировалась многие тысячелетия самобытным, естественноисторическим путем².

Археологические исследования советских ученых позволили прийти к выводу, что и классовое общество на территории южной части Дальнего Востока СССР и смежных зон Азии (в Маньчжурии) в VII в. возникло у тунгусоязычных племен мохэ в силу развития производительных сил и изменения производственных отношений без какого-либо вмешательства соседних государств³.

Советские археологи создали оригинальные труды по истории средневековых государств Дальнего Востока VII — начала XIII вв., которые имели в основном тунгусоязычное население, высокоразвитое материальное производство, самобытную духовную культуру, обладали крупными военными силами и обеспечивали государственную независимость от Китая, корейских королевств, Японии. Речь идет о Бохайском государстве, империи киданей, империи чжурчжэней⁴.

Тщательное изучение археологами материальной культуры бохайцев и чжурчжэней VII—XIII вв. позволило понять уровень социально-экономического развития этих обществ. Здесь, на территории Приморья и Приамурья, Маньчжурии и Северной Кореи, рабовладельческая формация в эпоху классовых обществ не сложилась. И хотя у бохайцев и чжурчжэней патриархальное рабство существовало, господствующим был феодальный способ производства с оседлым и кочевым хозяйством⁵.

К моменту прихода русских людей на Амур в 30-е годы XVII в. местное население утратило способность заниматься производственной деятельностью, достигнутой в эпоху существования Бохая, империи Ляо, империи чжурчжэней в VII—XIII вв. Однако и в то время, то есть в начале XVII в., тунгусоязычные племена Приамурья и Приморья не входили в состав соседних государств и оставались независимыми племенами. Отдельные вооруженные грабительские набеги маньчжурских войск на местные племена в XVII—XVIII вв. не изменили правового положения аборигенов.

В 1858—1860 гг. Россия и Китай заключили равноправные договоры о разграничении земель в Приамурье и Приморье (Уссурийском крае). В то время шел быстрый процесс открытия, изучения и хозяйственного освоения русскими людьми дальневосточных земель. М. С. Корсаков основал русские поселения в устье рек Котаманды, Зеи, Сунгары.

² В. Е. Ларичев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 1972, ч. 2, гл. 2.

³ Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. Железный век. М., 1970; А. П. Деревянкo. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.

⁴ История Сибири. Л., 1968, т. 1, раздел 2; А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; его же. Археология Сибири — вчера, сегодня и завтра. — «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 158—174; его же. Новое в археологии Дальнего Востока. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 97—117; А. П. Окладников, В. Е. Медведев. Чжурчжэни Приамурья по данным археологии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, стр. 118—128; Окладников А. П. Изучение истории в Сибирском отделении АН СССР. — «Вопросы истории», 1975, № 6, стр. 37—61; А. П. Деревянкo. Новые археологические открытия на Среднем Амуре. — «Известия СО АН СССР», серия общественных наук, 1965, вып. 1, стр. 118—119; Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. М., 1968; Э. В. Шавкунов. Советские ученые о чжурчжэнях. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, стр. 135—146; В. С. Таскин. Отношения Китая с северными соседями в древности. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3, стр. 147—156.

⁵ Л. С. Васильев. Происхождение древнекитайской цивилизации. — «Вопросы истории», 1974, № 12, стр. 86—102; А. П. Леваковский. К вопросу о возникновении и распаде средневековых народностей. — «Вопросы истории», 1968, № 11, стр. 94—103; Ю. В. Качановский. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; и др.

в низовьях Амура при дружелюбном отношении соседних китайских властей⁶.

В июле 1857 г. адмирал Е. Путятин, следуя на пароходе «Америка» из Николаевска-на-Амуре в Китай вдоль побережья Приморья, открыл бухту Владимира. Адмирал писал: «Порт св. Владимира никем не занят... по принятому в этих случаях обычаю я приказал водрузить... крест с латинской надписью, в которой, обозначив название порта и географическое его положение, объявил, что он по праву первого открытия принят во владение России»⁷.

В октябре 1859 г. генерал-адъютант Н. Н. Муравьев докладывал великому князю Константину Николаевичу, что русские моряки вошли в залив Посьета не встретив «никаких препятствий», так как в заливе Посьета никого не было⁸.

В 1860 г. русские поселения были объединены в единую пограничную линию от Хабаровки по правому берегу реки Уссури до озера Ханка. П. В. Казакевич лично посетил все бухты от устья Амура до залива Посьета и писал о своих впечатлениях: «Из всех осмотренных мною в настоящем плаваньи гаваней, бесспорно, гавань Владивосток есть лучшая»⁹.

Во второй половине XIX — начале XX в. происходил быстрый процесс заселения русскими людьми дальневосточных земель. Приамурский край к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России имел население более 2 млн. человек, среди которого абсолютно преобладало русское население¹⁰.

Советские ученые создали концепцию политического и социально-экономического развития русского Дальнего Востока в эпоху капитализма (1861 — февраль 1917). На основе ленинской теории развития капитализма в России вглубь и вширь¹¹ ими изучена степень концентрации в промышленности и на транспорте, показано размещение капиталистического производства, освещена динамика формирования пролетариата Приамурского края и Забайкалья, исследован процесс разложения крестьянских и казачьих хозяйств в данном районе, показана классовая борьба в годы трех русских революций¹².

Большое значение для развития исторических исследований на советском Дальнем Востоке в последние два десятилетия имели выездные сессии Отделения истории АН СССР, всесоюзные конференции по проблемам истории и культуры народов Азии, симпозиумы востоковедов и международников, сессии Дальневосточных исторических чтений и межвузовские научные конференции.

I сессия Отделения истории АН СССР во Владивостоке состоялась в сентябре 1956 г. под руководством академика М. Н. Тихомирова. На сессии были заслушаны доклады и сообщения по истории открытия и хозяйственного освоения русскими людьми дальневосточных земель. Академик М. Н. Тихомиров отметил общие закономерности, этапы и особенности развития населения указанных территорий в XVII—XX вв.

⁶ ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 1, д. 1159, л. 311—313.

⁷ Там же, л. 557.

⁸ ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 3, л. 8—9.

⁹ Там же, д. 2, л. 26.

¹⁰ А. И. Крушанов. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968, ч. 1, стр. 20.

¹¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 563, 565.

¹² История Сибири. Л., 1968, т. 3; А. И. Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1961; История советского Приморья. Владивосток, 1970; и др.

определил задачи историков-дальневосточников на следующие годы¹³. А. П. Окладников (Ленинград) и Э. В. Шавкунов (Владивосток) дали общую оценку состояния археологических исследований на Дальнем Востоке в 1953—1956 гг. Уже в то время археологи пришли к выводу, что мохэ, бохайцы, чжурчжэни в VII—XIII вв. не входили в состав Китайской империи и имели высокоразвитую самобытную материальную и духовную культуру¹⁴.

А. В. Ефимов (Москва) представил доклад о создании исторических карт Дальнего Востока в XVIII в., которые свидетельствовали о роли русских людей в открытии и освоении обширных малонаселенных земель Северо-Восточной Азии и Амурского бассейна¹⁵. Б. О. Долгих (Москва) охарактеризовал этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. Этот доклад имел в то время большое значение для всех, кто изучал родовой состав, динамику аборигенного населения, его размещение в Амурском бассейне, уровень его социально-экономического развития. Автор использовал «скаски» (докладные записки) русских землепроходцев, труды Л. Шренка, В. И. Огородникова, С. В. Бахрушина, Р. Маака, А. Н. Липского, А. М. Золотарева и другие источники и осветил многовековую историю тунгусо-маньчжурского населения Амурского бассейна. Б. О. Долгих отметил агрессию маньчжурских феодалов против дауров, дючеров и других племен дальневосточной зоны в XVII в., что привело к опустошению края¹⁶.

В сообщениях М. Г. Левина (Москва), В. Г. Ларькина (Владивосток), М. И. Куликова (Магадан), И. А. Сенченко (Южно-Сахалинск), Н. В. Свердлова (Хабаровск), Е. П. Сычевского (Благовещенск) были приведены данные о социально-экономическом развитии русского, палеоазиатского и тунгусо-маньчжурского населения в XVII — начале XX в. на территории русского Дальнего Востока.

Сессия обсудила доклады И. М. Разгона (Томск), В. Л. Левницкого (Владивосток), сообщение Б. М. Шерешевского (Чита) и других ученых по истории борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке в 1917—1922 гг.

Создание Отдела истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в составе Дальневосточного филиала СО АН СССР им. В. Л. Комарова в 1956 г., а также Восточного факультета в ДВГУ¹⁷ позволило организовать исследования по проблемам отечественной истории: о социально-экономических формациях на территории СССР от Байкала до Тихого океана и от границ с КНР и КНДР — до побережья Северного Ледовитого океана; по истории взаимоотношений России и СССР с Китаем, Монголией, Кореей, США, Японией; по истории и культуре народов СССР и зарубежных государств Дальнего Востока.

В июне 1967 г. во Владивостоке состоялась II выездная сессия Отделения истории АН СССР под руководством академика Е. М. Жукова. Эта сессия обратила основное внимание на теоретическую оценку исторического процесса на Дальнем Востоке. В то время в СССР широко об-

¹³ Сборник статей по истории Дальнего Востока. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1958.

¹⁴ Там же, доклад А. П. Окладникова (стр. 5—80), сообщение Э. В. Шавкунова (стр. 151—155).

¹⁵ Там же, стр. 81—83 (в сборнике помещена часть карт, представленных А. В. Ефимовым на заседании Отделения истории АН СССР во Владивостоке. — А. К.).

¹⁶ Там же, стр. 125—142.

¹⁷ Дальневосточный государственный университет начал работать осенью 1956 г.

суждались эти проблемы на страницах научных изданий¹⁸. Они не потеряли общественного значения и в последующие годы¹⁹.

Академик Е. М. Жуков прочитал доклад «К вопросу о роли народов зарубежной Восточной Азии в мировой истории». В докладе было показано возрастание влияния революционного процесса в странах Азии на развитие всего человечества. В последующем Е. М. Жуков неоднократно рассматривал теоретические проблемы истории развития народов Восточной Азии в послевоенную эпоху²⁰.

А. П. Окладников (Новосибирск) и Э. В. Шавкунов (Владивосток) прочитали доклады о разработке в СССР проблем истории и культуры тунгусо-маньчжурского населения в VII—XIII вв. Археологи привели новые данные о формировании самобытного материального производства (строительство городов, производство железа, строительство речных портов, развитие земледелия) у чжурчженей и других союзов племен.

П. В. Волобуев (Москва), М. П. Ким (Москва), А. И. Крушанов (Владивосток) осветили общие закономерности социалистического и коммунистического строительства в СССР (роль рабочего класса в социалистической революции, теорию культурной революции, особенности полной и окончательной победы социализма в СССР, международное значение опыта социалистического строительства в СССР).

Сессия обсудила доклады о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на развитие рабочего и национально-освободительного движения в зарубежных государствах Восточной Азии²¹.

Сессия заслушала доклады по методологии изучения истории и культуры малых народов Дальнего Востока СССР и смежных зон Азии в XVII—XX вв.²²

Сессия Отделения истории АН СССР поручила Дальневосточному филиалу СО АН СССР им. В. Л. Комарова приступить к разработке проспекта коллективного обобщающего труда «История советского

¹⁸ См. статьи: Ю. М. Гарушянц. Об азиатском способе производства. — «Вопросы истории», 1966, № 2, стр. 83—100; Ю. В. Качановский. О понятиях «рабство» и «феодализм». — «Вопросы истории», 1967, № 6, стр. 123—134; Г. А. Мелкишвили. К вопросу о характере древнейших классовых обществ. — «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 65—80; М. А. Берг. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 82—99; Н. И. Павленко. Спорные вопросы генезиса капитализма в России. — «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 81—102; и др.

¹⁹ См. статьи: С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии. — «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 89—107; М. П. Ким. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о классах и партиях. — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 3—27; Б. П. Полевой. Амур — «слово московское». — «Дальний Восток» (Хабаровск), 1972, № 1, стр. 137—142.

²⁰ Е. М. Жуков. Исторические корни японского милитаризма. — В кн.: «Японский милитаризм». М., 1972, гл. 1; Е. М. Жуков. Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 3—12; Е. М. Жуков. Изучение Дальнего Востока в системе АН СССР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 18—24; Е. М. Жуков, Б. А. Рыбаков. Историческая наука в СССР на современном этапе. — В кн.: «Развитие советской исторической науки 1970—1974 гг.», М., 1975, стр. 3—8; и др.

²¹ Стенограммы докладов Г. Ф. Ким. Великая Октябрьская революция и некапиталистический путь развития; П. П. Топеха. Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Японии; И. С. Казакевич. Великая Октябрьская социалистическая революция и Корея; А. Т. Якимов. Великая Октябрьская социалистическая революция и судьбы монгольского народа; В. Ф. Соловьев. Революционная борьба в Маньчжурии в 1917—1922 гг.; Н. В. Кочешков. Национальное своеобразие народного искусства кочевых народов Азии.

²² Стенограммы докладов: Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока; М. В. Воскобойников. Советская наука об устно-поэтическом творчестве дальневосточных народностей; Ю. А. Сем. Проблемы истории малых народов Дальнего Востока.

Дальнего Востока». Вскоре проспект издания был опубликован для обсуждения²³.

В сентябре 1971 г. во Владивостоке состоялась III выездная сессия Отделения истории АН СССР. Сессией руководил академик В. М. Хвостов. В работе сессии приняли участие академики И. И. Минц и А. П. Окладников, член-корреспондент АН СССР М. П. Ким, доктор исторических наук А. О. Чубарьян и другие ученые. Сессия была посвящена вопросам координации исторических исследований на Дальнем Востоке СССР по проблемам отечественной истории, археологии, этнографии, истории и культуры Китая, Монголии, Кореи и Японии.

Академик В. М. Хвостов в докладе о задачах советской исторической науки в свете директив XXIV съезда КПСС особенно отметил важность исследования опыта взаимоотношений СССР со странами зарубежного Дальнего Востока, зоны Тихого океана и Американского континента в новое и новейшее время. Автор показал несостоятельность различных методов фальсификации истории русско-китайских и советско-китайских отношений в XVII—XX вв., определил общие направления развития исторической науки на Дальнем Востоке СССР в 1971—1975 гг.

Академик И. И. Минц (Москва) осветил ленинскую концепцию о роли социалистического государства в создании развитого социалистического общества в СССР. Академик А. П. Окладников (Новосибирск) показал историческую несостоятельность различных попыток проводить «анalogии» в оценке древних культур Китая и соседних государств Азии. Этот доклад затем был опубликован в журнале «Проблемы Дальнего Востока»²⁴.

Член-корреспондент АН СССР А. И. Крушанов (Владивосток) на сессии прочитал доклад «XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока», в котором показал политические аспекты оценки прошлого народов советского Дальнего Востока и соседних государств Азии²⁵.

Выездная сессия Отделения истории АН СССР 1971 г. одобрила «План исторических исследований на Дальнем Востоке СССР в 1971—1975 гг.». Руководитель сессии академик В. М. Хвостов особое внимание обратил на необходимость изучения во Владивостоке истории и культуры населения Северо-Восточного Китая в XVII—XX вв., истории и культуры КНДР, проблем прошлого и настоящего северной Японии, тесно связанной историческими узами с населением Дальнего Востока СССР.

Встречи ученых-дальневосточников на научных конференциях, симпозиумах, чтениях превратились в хорошую традицию, способствуя оценке состояния исследовательской работы и определению ее перспектив. Достаточно сказать, что, кроме трех выездных сессий Отделения истории АН СССР, на Дальнем Востоке в 1956—1975 гг. проведены девять союзных научных конференций по проблемам истории, археологии, этнографии, истории зарубежных стран Восточной Азии, истории внешней политики СССР на Дальнем Востоке²⁶; пять сессий Дальнево-

²³ История советского Дальнего Востока. Ответ. ред. А. П. Окладников, А. И. Крушанов. Владивосток, 1967. Проспект, 100 стр.

²⁴ А. П. Окладников. Новое в археологии Дальнего Востока. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, стр. 97—117.

²⁵ А. И. Крушанов. XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973, 75 стр.

²⁶ X Дальневосточная научная конференция историков, археологов и этнографов, востоковедов и международников состоялась в городе Владивостоке в октябре 1976 г. Конференция проходила под девизом «XXV съезд КПСС и основные направления исторических исследований на Дальнем Востоке в 1976—1980 гг.»

сточных исторических чтений, симпозиум по проблемам Крайнего Севера на Чукотке, симпозиум востоковедов — «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке», три межвузовские научные конференции историков.

Сессии Отделения истории АН СССР проходили в городе Владивостоке, остальные встречи ученых — в городах: Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Анадырь, Магадан, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский, Уссурийск, Чита. Осветить работу всех этих встреч ученых на Дальнем Востоке в данной статье не представляется возможным²⁷.

Проблемы истории и культуры народов зарубежных государств Дальнего Востока были обсуждены на симпозиуме «Истории и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» в городе Владивостоке в марте 1969 г. В его работе принимали участие многие известные советские востоковеды: А. П. Окладников, С. А. Арутюнов, Г. В. Астафьев, П. П. Топеха, А. М. Решетов, В. С. Мясников, П. Т. Хаптаев, Ф. В. Соловьев, В. С. Кузнецов, А. Г. Яковлев, Э. В. Шавкунов и другие.

На симпозиуме были обсуждены три группы вопросов: оценка научной деятельности русских востоковедов (Н. Я. Бичурин, В. П. Васильева, М. И. Венюкова, П. И. Кафарова, Н. В. Кюнера, А. Ф. Миддендорфа, А. М. и Д. М. Позднеевых, Г. Н. Потанина, К. М. Харнского, Н. И. Конрада); роль русского народа в исторических судьбах малых дальневосточных народов в XVII—XX вв.; методы исследования истории и культуры Китая и Японии в СССР в новейшее время.

Академик А. П. Окладников прочитал доклад «Археология советского Дальнего Востока и востоковедение», в котором критически оценил труды зарубежных археологов по древнейшему периоду истории населения Восточной Азии. Симпозиум востоковедов получил положительную оценку в печати²⁸.

В 1971—1975 гг. на Дальнем Востоке и в Сибири выполнена большая научно-организационная и исследовательская работа. Опыт создания пятитомной «Истории Сибири» позволил приступить к написанию трудов по древней истории восточных районов СССР, истории великих географических открытий русских людей²⁹, по истории Дальнего Востока в эпоху капитализма³⁰, по истории рабочего класса, истории дальневосточного крестьянства XIX—XX вв., по этнографии русского и неславянского населения, по истории сопредельных государств Восточной Азии.

Местные издательства — Дальневосточное, Хабаровское и Магаданское — организовали издание трудов серии «Дальневосточная историческая библиотека». В СССР это пока первый и весьма полезный опыт издания трудов выдающихся русских ученых, мореплавателей и общест-

²⁷ Сообщения о работе научных конференций и симпозиумов на Дальнем Востоке публиковались в журналах «Вопросы истории» и «История СССР».

²⁸ В. С. Кузнецов. Симпозиум по истории востоковедения во Владивостоке (март 1969). — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6; А. М. Решетов. Симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке». — «Советская этнография», 1970, № 3; Н. Н. Диков. История — наука точная. — «Магаданская правда» (Магадан), 24. IX. 1970; А. И. Крушанов. Научные конференции по проблемам истории советского Дальнего Востока. — «История СССР», 1970, № 6.

²⁹ А. И. Алексеев. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX вв.). М., 1976.

³⁰ Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке. — «Вопросы истории», 1974, № 6, стр. 14—36.

венных деятелей. В эту серию включены также труды современных советских ученых³¹.

К этой серии можно отнести также издания Хабаровского издательства — «Первопроходцы», «Амур — река подвигов», «Созвездие полководцев» и другие. Все они содержат богатейший материал о патриотических подвигах русских людей на Дальнем Востоке, о традиционном дружеском отношении дальневосточников к народам Китая, Кореи, Монголии и Японии, об интернациональных связях трудящихся советского Дальнего Востока с зарубежными организациями после победы Великого Октября³².

Редакция журнала «Дальний Восток» (Хабаровск) систематически публикует в последнее время дневники известного ученого — дальневосточника и путешественника В. К. Арсеньева³³.

Проблемы истории открытия и освоения дальневосточных земель русскими людьми в XVII — XIX вв. давно приобрели всесоюзное и международное значение. К этой серии относятся великолепные труды Б. Г. Масленникова по истории русских географических названий на карте Дальнего Востока СССР³⁴, путевой дневник известного советского ученого Е. А. Крейновича³⁵, монография А. И. Алексеева об экспедиции Г. И. Невельского³⁶, серия изданий последних лет «Дальневосточные путешествия и приключения», в которых приводятся исторические документы и художественные произведения о дальневосточниках-первопроходцах. Так, например, в четвертой книге этой серии опубликован документальный очерк В. С. Мясникова о русских дипломатах и землепроходцах XVII в., которые мужественно отстаивали интересы России на родной сибирской земле³⁷.

Итоги многолетних полевых исследований дальневосточников — этнографов и искусствоведов — на территории СССР и МНР отражены

³¹ См. изд.: Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—1855. Хабаровск, 1969. 424 стр.; Ф. Нансен. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан, 1969. 303 стр.; А. И. Алексеев. Сыны отважные России. Магадан, 1970. 368 стр.; Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969. 256 стр.; М. И. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. 238 стр.; Г. И. Шелихов. Росийского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971. 172 стр.; В. М. Головин. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972. 528 стр.; А. П. Окладников. А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 440 стр.

³² См. издания: А. И. Алексеев. Дело всей жизни. Книга о подвиге адмирала Г. И. Невельского. Хабаровск, 1972. 320 стр.; Амур — река подвигов (художественно-документальные повествования о Приамурской земле, ее первопроходцах, защитниках и преобразователях). Хабаровск, 1970. 976 стр.; Созвездие полководцев. Слово о военачальниках Советской Армии — дальневосточниках. Благовещенск, 1972. 592 стр.; Согретая земля Дерсу. Сборник. Хабаровск, 1972. 384 стр.; и др.

³³ Л. И. Сем и Ю. А. Сем. О «путевых дневниках» и «записных книжках» В. К. Арсеньева. — «Дальний Восток», Хабаровск, 1972, № 8, стр. 128—146. Публикуется дневник В. К. Арсеньева 1906 года.

³⁴ Б. Г. Масленников. Морская карта рассказывает. Словарь. М., 1973, 367 стр.; Б. Г. Масленников. Почему залив назван Амурским? — В кн. «Земля и люди», М., 1972, стр. 345—346.

³⁵ Е. А. Крейнович. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973. 496 стр.

³⁶ А. И. Алексеев. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974. 191 стр.

³⁷ В. С. Мясников. Землепроходец и дипломат (документальный портрет русского дальневосточника XVII века). — В кн.: «Дальневосточные путешествия и приключения». Вып. IV. Хабаровск, 1973, стр. 227—242.

в публикациях Ю. А. Сема³⁸, Н. В. Кочешкова³⁹, В. Д. Ленькова⁴⁰, Н. Б. Киле⁴¹ и других специалистов. Этими трудами положено начало изданию многотомной историко-этнографической серии «Народы Дальнего Востока СССР»⁴².

В начале 1974 г. Отделение истории АН СССР направило московских специалистов в Сибирь и на Дальний Восток для ознакомления с состоянием работы академических институтов Сибирского отделения АН СССР и Дальневосточного научного центра АН СССР. 4 марта 1974 г. Общее собрание Отделения истории АН СССР заслушало доклад академика А. П. Окладникова и члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова об организации исторических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке СССР в свете директив XXIV съезда КПСС⁴³. Собрание одобрило организацию работы в Сибири и на Дальнем Востоке⁴⁴.

Дальневосточники с большим вниманием отнеслись к указаниям Общего собрания Отделения истории АН СССР по осуществлению исследований по важнейшим проблемам истории, археологии и этнографии, востоковедения и внешней политики СССР на Дальнем Востоке. На специальных семинарах исследователей в ДВНЦ АН СССР и в вузах зоны были обсуждены материалы научных дискуссий по проблемам социально-экономического развития России и их итогам⁴⁵.

В декабре 1974 г. в Южно-Сахалинске Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР провел специальную IX Дальневосточную научную конференцию историков, посвященную проблемам методологии и историографии Дальнего Востока. На конференции специалисты обсудили различные аспекты советской концепции исторического процесса на территории Дальнего Востока СССР от эпохи первобытного общества до наших дней.

Конференция заслушала доклады: А. П. Окладникова, А. И. Крушанова, П. А. Леонова, Л. И. Беликовой (Калинин), Т. И. Картавцевой (Южно-Сахалинск), И. Ф. Кулаковой (Владивосток), Ф. В. Соловьева (Владивосток), З. Ш. Янгузова (Благовещенск) и других участников встречи по общим методам исторических исследований на советском Дальнем Востоке. Материалы сахалинской научной конференции вышли в свет⁴⁶.

³⁸ Ю. А. Сем. Нанайцы. Матерьяльная культура (Вторая половина XIX — середина XX в.). Владивосток, 1973. 315 стр.

³⁹ Н. В. Кочешков. Народное искусство монголов. М., 1973. 200 стр.

⁴⁰ В. Д. Леньков. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке. Новосибирск, 1974, 188 стр.

⁴¹ Н. Б. Киле опубликовал труды по грамматике нанайского языка и принимает участие в создании учебника для нанайских школ Дальнего Востока СССР.

⁴² Издание серии историко-этнографических трудов ДВНЦ АН СССР при участии Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и других учреждений АН СССР намечено в 1976—1985 гг. В серию войдут труды по истории, экономике и культуре нанайцев, удгейцев, ульчей, орочей, ороков, нивхов, тазов, ительменов, чукчей, коряков, юкагиров, эвенков, эвенков, алеутов, эскимосов и других. Этнографы-дальневосточники готовят также труды по этнографии зарубежных малых народов Восточной Азии — айнов, маньчжуров, солонов, дауров, дючеров и других.

⁴³ А. П. Окладников. Изучение истории в Сибирском отделении АН СССР. — «Вопросы истории», 1975, № 6, стр. 37—61; А. И. Крушанов. Об организации исторических исследований на Дальнем Востоке. — «Вопросы истории», 1975, № 8, стр. 20—30.

⁴⁴ Ю. А. Тихонов. Общее годичное собрание Отделения истории АН СССР. — «Вопросы истории», 1974, № 5, стр. 137—140.

⁴⁵ См. «Вопросы истории», 1972, № 8, стр. 141—145; «История СССР», 1973, № 1, стр. 211—218.

⁴⁶ См. сб.: «Методология исследований и историография Дальнего Востока». Южно-Сахалинск, 1975. 224 стр. В сборнике опубликованы рекомендации конференции (стр. 213—222).

30 сентября 1975 г. Бюро Отделения истории АН СССР заслушало отчет дирекции Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР об организации работы на Дальнем Востоке по созданию коллективных трудов союзного значения — «История Дальнего Востока СССР», «Рабочий класс Дальнего Востока СССР XIX—XX вв.», «История Маньчжурии XVII—XX вв.», «Очерки истории средневековых государств Дальнего Востока СССР и смежных зон Азии VII—XIII вв.», «Народы Дальнего Востока СССР (историко-этнографические очерки)», «Свод памятников истории и культуры народов Дальнего Востока СССР», «Против фальсификации истории Дальнего Востока СССР зарубежными авторами» и других.

В 1978—1980 гг. выйдет в свет крупный фундаментальный труд советских специалистов «История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытного общества до наших дней)». В создании этого труда наряду с ведущими учеными нашей страны принимает участие большая группа исследователей, работающих на советском Дальнем Востоке. Проспект этого труда был опубликован⁴⁷.

При характеристике раннего доклассового общества на территории Дальнего Востока СССР авторы (академик А. П. Окладников, кандидат исторических наук Ж. В. Андреева, доцент Д. Л. Бродянский, доктор исторических наук В. А. Голубев, кандидат исторических наук Р. В. Козырева, кандидат исторических наук Э. В. Шавкунов) пришли к следующим выводам на основании полевых материалов, выявленных советскими археологами в Приморье и Приамурье, на Чукотке и Камчатке, в Якутии и на Сахалине, в Забайкалье и на Курильских островах: предки палеоазиатов и тунгусских племен появились в южных районах Дальнего Востока СССР из Сибири и Центральной Азии в эпоху формирования палеолитических и неолитических культур⁴⁸; палеоазиаты и тунгусские племена имели теснейшие культурные контакты с жителями южных районов Сибири и Забайкалья, Центральной Азии независимо от населения районов Восточной и Юго-Восточной Азии⁴⁹; они, палеоазиаты, постепенно заселили в эпоху верхнего палеолита бассейн Амура, проникли на Сахалин, Хоккайдо, Курилы, Камчатку, заселили Чукотку и Северную Америку⁵⁰.

Во II—IV вв. н. э. на территории Приморья, Восточной Маньчжурии, Приамурья значительно усилились мохэские тунгусоязычные племена, которые частично ассимилировали или оттеснили в низовья Амура древних палеоазиатов. Именно тунгусоязычное население раннего средневековья на территории Дальнего Востока СССР, Восточной Маньчжурии и частично Северной Кореи в V—VI вв. пережило процесс естественнo-исторического возникновения классового общества.

⁴⁷ История советского Дальнего Востока. Ответ. за выпуск А. П. Окладников и А. И. Крушанов. Владивосток, 1967, 100 стр.

⁴⁸ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, стр. 45—87.

⁴⁹ Сведения о первобытном обществе, опубликованные в I томе «Истории СССР» (М., 1966, стр. 29—30) и I томе «Истории Сибири» (Л., 1968, стр. 72—74), дополнены авторами «Истории Дальнего Востока СССР» новыми полевыми материалами, которые позволили более четко определить время появления людей эпохи палеолита в Приморье и Приамурье, на Камчатке, их уровень развития, культурные связи с древними жителями южно-сибирских и центрально-азиатских областей, развитие земледелия и скотоводства, использование железа и возникновение классового общества.

⁵⁰ А. П. Деревянко. Ранний железный век Приамурья. (Отв. ред. акад. Окладников А. П.) Новосибирск, 1973, гл. VI—VII.; Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969 (разделы «Проблема заселения Америки», «В Америку через Камчатку. Мост в Новый Свет»).

«Коренные народности Амура и их культура имеют глубокие исторические корни на своей земле. Они являются наследниками созданной их предками оригинальной и по-своему высокой, в тех конкретных исторических условиях, художественной культуры... Все это свидетельствует против различных расистских концепций, против осознанного или даже бессознательного стремления принизить вклад народов Северной и Центральной Азии в мировую культуру человечества... против стремления приписать какому-нибудь одному народу Азии роль гегемона в политической и культурной истории этой части света»⁵¹.

Авторы «Истории Дальнего Востока СССР» решительно отвергают попытки зарубежных историков «доказать», что тунгусоязычные и палеоазиатские племена до возникновения у них Бохайского государства в 698 г. н. э. входили в состав соседних государств Азии⁵².

Большое значение имеет правильная оценка истории средневековых государств Дальнего Востока и смежных зон Азии VII — начала XIII в. В этот большой исторический период произошло становление и развитие феодального способа производства у многих народов Азии и Европы. В XIX — XX вв. в нашей стране и за рубежом опубликовано немало трудов по данной комплексной проблеме (труды Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, М. В. Воробьева, Б. Я. Владимирцева, В. С. Кузнецова, Е. И. Кычанова, Н. В. Кюнера, В. Е. Ларичева, А. Г. Малявкина, Г. В. Мелихова, А. П. Окладникова, Д. М. Поздеева, Э. В. Шавкунова и других исследователей). Критически оценивая исторические источники⁵³, широко используя выявленные советскими археологами полевые материалы, характеризующие развитие хозяйства, строительной индустрии, военного дела, духовной культуры государства Бохай, империи Ляо, империи чжурчжэней, то есть могущественных средневековых государств Дальнего Востока и смежных территорий Азии VII—XIII вв., авторы «Истории Дальнего Востока СССР» показывают, что абсолютное большинство населения Бохая и империи чжурчжэней являлось тунгусоязычным, что оно имело полную политическую независимость от Китая, Японии и корейских государств⁵⁴.

В «Истории Дальнего Востока СССР» дана оценка деятельности русских мореплавателей, промышленников, государственных деятелей, пашенных людей, землепроходцев в Сибири и на территории Северо-Восточной Азии в XVI — середине XIX вв. Это действительно великий подвиг — открытие и хозяйственное освоение ранее неизвестных в Европе территорий Азии, омываемых Северным Ледовитым и Тихим океанами.

Исследованием этих проблем занимались многие ученые нашей страны. В трудах исследован исторический процесс включения территорий Сибири и Дальнего Востока и народов этих зон в состав многона-

⁵¹ А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 170.

⁵² Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, гл. 1.

⁵³ Цзинь Юй-фу. Бохай го чжи чанпянь (Полное собрание известий о государстве Бохай). Ляоян, 1934; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М. — Л., 1950; А. Г. Малявкин. Цзиньши. — В кн.: «Сборник научных работ пржевальцев». Харбин. 1942; Чжан Сюань. Мореходство в древнем Китае. М., 1969.

⁵⁴ См. труды: Э. В. Шавкунов. Указ. соч., главы III—V; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., гл. «Бохайское государство и племена Дальнего Востока в VII—X вв.», «Чжурчжэньское государство», «Чжурчжэни в XII—XIII вв.» (стр. 327—413). (В империи чжурчжэней существовало рабство, хотя оно не обеспечивало нужды производства. Здесь возникли «формы эксплуатации, характерные для феодального общества». См.: А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Указ. соч., стр. 389.)

ционального централизованного Российского государства, что привело к определению дальневосточных государственных рубежей России⁵⁵.

За рубежом предпринимались неоднократно попытки фальсифицировать историю народов Дальнего Востока СССР и смежных районов Азии XVI — первой половины XIX века⁵⁶. Советские специалисты дали оценку взглядов тех, кто не желает считаться с историческими фактами, и нам нет необходимости снова возвращаться к этим сюжетам⁵⁷. Коллектив авторов «Истории Дальнего Востока СССР» отметил мирный характер разграничений на дальневосточных рубежах России и Цинского Китая в 1858—1861 гг. и равноправный характер русско-китайских договоров о границах. Эти выводы отражены во всех новейших советских исторических трудах. Они точно фиксируют действительное положение на Дальнем Востоке в середине XIX века⁵⁸.

Исследования по проблеме «Русский Дальний Восток в эпоху капиталистического развития России (1861 — февраль 1917)», освещенной во 2 томе «Истории Дальнего Востока СССР», позволили создать научную концепцию политического и социально-экономического развития восточных областей страны на основе ленинского теоретического наследия и трудов А. И. Алексеева, Л. И. Беликовой, С. С. Григорьевича, В. Ф. Борзунова, А. И. Крушанова, А. Л. Нарочницкого, М. И. Сладковского, В. С. Флерова, А. Г. Чукарева, А. П. Шурыгина, Л. М. Го-рошкина.

Русский Дальний Восток не являлся колонией России в эпоху капиталистического развития страны⁵⁹. По национальному составу, административному устройству, состоянию экономики, уровню развития капитализма в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, по культуре, размаху революционного движения в 1905—1917 гг. Приамурский край в XVII—XX вв. был превращен русским народом в нераздельную часть национальной территории России. Российский капитализм, развиваясь вглубь и вширь в конце XIX — начале XX в., использовал пионерный характер освоения Дальнего Востока, чтобы ввести американскую систему капиталистического развития окранны⁶⁰.

Это, разумеется, не означает, что на Дальнем Востоке СССР не было «пережитков» феодализма. Здесь, при отсутствии помещичьего землевладения и землепользования, был создан крупный земельный фонд

⁵⁵ С. В. Вахрушин. Очерк по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1928; А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. М., 1939; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941; Б. И. Берг. Очерки истории русских географических открытий. М., 1946; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий. М., 1949; А. П. Окладников. История Якутии. Т. 1. Якутск, 1949; П. И. Кабанов. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965; И. С. Гуревич. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век). М., 1956; его же. Вопросы аграрной истории России. М., 1974; и др.

⁵⁶ Проф. Яути. Атлас учебных карт Восточной Азии. Токио, б. г.; Есида Сиэн. Северные территории. Токио, 1973; Отики Тада си. Северные территории. Токио, 1972; и др.

⁵⁷ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973, гл. 1; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. М., 1972, 836 стр.

⁵⁸ Русско-китайские отношения, 1689—1916 гг. М., 1958, стр. 29—45; Советско-китайские договоры. — «Советская историческая энциклопедия», т. 13, М., 1971, стр. 150—155; Новая история Китая. Ответ. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1972, ч. 2; и др.

⁵⁹ Ошибочный тезис о Сибири и Дальнем Востоке как колонии России имеется в различных изданиях. См. труды: Приамурье (Факты. Цифры. Наблюдения). М., 1909, стр. 1; Азиатская Россия. Т. 1. Спб., 1914, стр. VIII и др.

⁶⁰ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 593.

императорского двора, существовали монастырские и церковные владения, казачьи земли («отвод Духовского»), земство не вводилось до лета 1917 г., так как существовало военное управление⁶¹.

На Дальнем Востоке СССР сложились замечательные революционные традиции. В революционном движении в этом районе страны в 1905—1907 и особенно в 1917—1922 гг. под руководством русских коммунистов сражались за власть Советов русские рабочие и крестьяне (белляки и с осени 1918 — зимы 1919 г. середняки. — А. К.), трудовые казаки Амурского, Забайкальского и Уссурийского войск, трудящиеся венгры и чехи, немцы и поляки, китайцы и корейцы, буряты и монголы, нанайцы и чукчи, удэгейцы и ительмены Камчатки. Искры социалистической революции проникли в зону КВЖД, в войска империалистических государств, действовавших на территории Сибири и Дальнего Востока, в Монголию, Китай, Корею, Японию, в США и другие страны⁶².

Китайский марксист Ли Да-чжао отмечал, что РСФСР призывает китайский народ к прогрессу, миру, сотрудничеству, что эти призывы звучат для китайцев «особенно сильно, особенно серьезно, особенно значительно»⁶³. Другой марксист, Цюй Цю-бо, писал в обращении к советским людям: «Больше всего нас восхищает то, что Ваше движение носит не национальный характер, а интернациональный. Мы знаем, что Вы боретесь не только ради своего личного счастья, но ради счастья рабочего класса всего мира»⁶⁴.

Великую интернациональную помощь русского народа, КПСС и советского народа монгольской революции отмечали Д. Сухэ-Батор, маршал Х. Чойбалсан, Ю. Цеденбал, академик Б. Ширендыб и другие лица⁶⁵.

Огромное влияние на подъем революционного движения в Корее в начале XX в., и особенно после победы Великого Октября в России, имела борьба за власть Советов на Дальнем Востоке РСФСР в 1917—1920 гг. Это отмечают и корейские ученые⁶⁶, и советские исследователи⁶⁷. Большевики-дальневосточники помогли японским революционерам понять значение марксизма-ленинизма для сплочения пролетарских и прогрессивных сил в Японии в годы интервенции в России⁶⁸.

Сюжеты об опыте интернациональных связей трудящихся Дальнего Востока СССР 1917—1976 гг. освещаются в III и IV томах нашего труда «История Дальнего Востока СССР».

Нам, дальневосточникам, особенно понятна противоречивость политики китайских милитаристов в 1917—1949 гг., то есть до образования Ки-

⁶¹ См. подробно: А. И. Крушанов. Октябрь на Дальнем Востоке... гл. 1 и 2.

⁶² Дэн Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959, стр. 48—50.

⁶³ Фань Жо-юй. Торжество идей социализма в Китае. — «Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 40.

⁶⁴ «Бюллетень Дальневосточного секретариата Коминтерна», 27.II.1921.

⁶⁵ История Монгольской Народной Республики. М., 1967. 538 стр.; Ю. Цеденбал. К социалистическому общественному строю минувшая капитализм. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, стр. 6—29; Б. Ширендыб. В. И. Ленин и Монголия. — «Вопросы истории», 1970, № 4, стр. 183—190.

⁶⁶ Пэк Нам Ун, Ким Сын Хва и др. Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. М., 1953, гл. 4 и 5.

⁶⁷ Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи. 1918—1945 гг. М., 1959, ч. 1; История Кореи. Т. 2. М., 1974, гл. 2 и 3; А. И. Крушанов, Г. Е. Рейхберг. Трудящиеся зарубежных стран в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. — В кн.: «Интернационалисты». М., 1971, гл. 3; и др. труды.

⁶⁸ Япония. — В кн.: «Советская историческая энциклопедия». М., 1976, т. 16, стр. 919—924.

тайской Народной Республики. Орган ЦК РКП (б) «Правда» отмечала весной 1918 г.: «Китай давно привлекает аппетиты «дружественных» ему держав. Чтобы дать им отступное, заслужить их благоволение, он вынужден теперь держать не свою, а им нужную политику — именно проявить агрессивность по отношению к России»⁶⁹. Как известно, Китай принял участие в антисоветской интервенции в июне 1918 г. вместе с другими странами⁷⁰. Только в мае 1924 г. по предложению СССР было подписано советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой»⁷¹. Однако враждебная деятельность китайских милитаристов против СССР не прекратилась. Об этом можно судить по вооруженному конфликту на КВЖД в 1929 г. и по другим историческим фактам⁷².

Сегодня уместно напомнить, что советские люди всегда относились и относятся с чувством глубокого уважения к трудолюбивому китайскому народу, бережно хранят в памяти великую интернациональную дружбу народов СССР и Китая, возникшую на заре социалистической революции в России. В трудные военные дни зимой 1922 г. трудящиеся Приамурья заявили: «В своем отношении к Китаю мы неизменно различаем, с одной стороны, кучку генералов и их наемных чиновников, долженствующих изображать правительство, и, с другой стороны, многомиллионный китайский народ, ни в коем случае не ответственный за действия узурпаторов, силою штыка присвоивших себе власть»⁷³.

Как видно из приведенных примеров, в четырехтомном труде «История Дальнего Востока СССР» рассмотрены закономерности возникновения, развития и смены социально-экономических формаций у народов восточных районов нашей страны от эпохи первоначального заселения человеком Северо-Восточной Азии и Северной Америки до конца 70-х годов XX столетия. Этот труд завершается освещением истории, экономики, науки и культуры советского Дальнего Востока в условиях развитого социалистического общества в СССР.

Исторический процесс на Дальнем Востоке СССР совершался в тесной связи с развитием страны в целом, особенно с развитием Сибири и Дальневосточного региона. Вместе с тем мы стремимся показать основные этапы внешней политики России и СССР в XVII—XX вв., взаимоотношения нашей страны с Китаем, Монголией, Кореей, Японией, США и другими государствами бассейна Тихого океана.

В «Истории Дальнего Востока СССР» показаны политические акции зарубежных государств Азии, США и капиталистических государств

⁶⁹ «Правда», 14.III.1918.

⁷⁰ В 1918—1922 гг. пекинское правительство оказывало активную помощь США, Японии и другим империалистическим державам в их борьбе против РСФСР, а с весны 1920 г. — также и против ДВР. Так, осенью 1921 г. миссия ДВР во главе с И. Л. Юриным хотя и была принята в Пекине, но китайские чиновники отказались подписать с миссией торговое соглашение между Китаем и ДВР. (См.: «Дальневосточная правда», 18.X.1921.)

⁷¹ Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963, стр. 331—346. (Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, отвечая на лживые утверждения западных политиков, заявил 21 июля 1921 г.: «На Западе нам приписывают широкие захватнические замыслы в отношении азиатских территорий... Нет ничего более неправильного. Мы столь сильны и влиятельны в Азии потому, что мы отказались от всякой экспансии. Народы востока видят в нас своих друзей». — См.: А. Н. Хейфец. Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960, стр. 202.)

⁷² В сентябре 1929 г. палач китайского народа генерал Фын Н-юн создал вооруженный отряд «уничтожения СССР». В одной из листовок он писал: «Мы хотим уничтожить до конца красное пламя в России. Мы хотим топтать ногами русскую землю... Пусть наши войска... ударят по Москве». — См.: журнал «Прожектор», 1930, № 211, стр. 18.

⁷³ «Амурская правда», 21.II.1922.

Европы против нашей Родины на Дальнем Востоке. К большому сожалению, приходится отмечать, что за рубежом издается большое количество книг, справочников, статей, в которых оправдывается империалистическая агрессия иностранных государств против советского Дальнего Востока ⁷⁴.

Историки-дальневосточники вместе с учеными Института Дальнего Востока АН СССР и Института востоковедения АН СССР готовят к печати фундаментальный труд «История Маньчжурии XVII—XX вв». Создать этот труд не просто. Коллектив авторов должен дать ответы по многим проблемам прошлого и настоящего этого региона Азии, северо-восточной зоны КНР. Именно здесь на рубеже нашей эры формировались крупные военные союзы кочевников-тюрков, а на Амуре, Сунгари и Уссури жили продолжительное время предки палеоазиатов; на стыке территорий Маньчжурии и русского Приамурья возникли союзы племен сушеней, мохэ, бохай.

В эпоху средних веков территория Маньчжурии контролировалась Бохайским государством, империей киданей и империей чжурчжэней, завоевавшей Китай ⁷⁵. В XIII в. Маньчжурия, как и весь Китай, была завоевана монголами, разгромившими Цзиньскую империю чжурчжэней. «В результате, — пишет монгольский историк Шагдарын Сандаг, — была создана колоссальная военно-феодалная империя, простиравшаяся от Адриатического моря на западе до берегов Тихого океана на востоке». Горе великое принесли завоеватели монголы многим народам Азии и Европы в то трагическое время ⁷⁶.

Здесь, на территории Маньчжурии, возникло военно-политическое объединение потомков чжурчжэней, создавших Маньчжурское государство. В XVII в. маньчжуры вооруженной силой покорили Китай и осуществляли феодальное господство в этой стране до Синьхайской революции 1911—1913 гг. ⁷⁷. В 40-е годы XIX в. начался раздел Китая капиталистическими государствами. В то время Маньчжурия привлекала внимание Англии и Франции, США и Германии, России и Японии ⁷⁸.

На полях Маньчжурии лилась кровь русских солдат и офицеров в период русско-японской войны 1904—1905 гг. Здесь русские и китайские специалисты и рабочие создали КВЖД — крупнейшую железнодорожную магистраль, связавшую экономически Сибирь и русский Дальний Восток с Китаем.

В Маньчжурии в августе — сентябре 1945 г. Советские Вооруженные Силы при поддержке китайского народа разгромили милитаристскую Японию. Это привело к коренному изменению обстановки на Дальнем Востоке, и непосредственно в Китае, что позволило китайскому народу разгромить гоминьдановцев и их союзников, создать государство народ-

⁷⁴ Приведем лишь несколько японских изданий послевоенного периода. Так, историк Хосоя Тихиро в книге «Сибэриа сюэй-но ситэки» (Исследование истории японской интервенции в Сибири), изданной в Токио в 1955 г., признает, что Япония действительно принимала участие в интервенции против Советской России. В книге «Нихон гайко-но бунсэки» (Анализ японской дипломатии), вышедшей в Токио в 1957 г., интервенция Японии именуется «освободительной войной против большевиков». В книге «Нихон гайко си кэйко» (История японской дипломатии), вышедшей в свет в Токио в 1967 г., одобряется японская интервенция в 1918—1922 гг. и высказывается мнение, что и впредь должен осуществляться антисоветский курс.

⁷⁵ А. П. Окладников, А. П. Деревяко. Указ соч., стр. 374—375.

⁷⁶ 50 лет народной Монголии. Улан-Батор, 1974, стр. 7.

⁷⁷ См. сб. «Маньчжурское владычество в Китае». М., 1966, 388 стр.

⁷⁸ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955, т. I; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895 гг. М., 1956.

ной демократии. Маньчжурия — главная революционная база китайского народа в 1945—1949 гг.

Таким образом, создание трудов «История Дальнего Востока СССР», «История Маньчжурии XVII—XX вв.», «Очерки истории средневековых государств Дальнего Востока СССР и смежных территорий Азии VII—XIII вв.», «Народы Дальнего Востока СССР (историко-этнографические очерки)», «Против фальсификации истории Дальнего Востока СССР зарубежными авторами» и других позволит объективно осветить закономерности, этапы и особенности исторического развития населения восточных районов нашей Родины и смежных районов Восточной, Центральной и Северной Азии.

В наши дни советский Дальний Восток — край огромных природных богатств, замечательных патриотических, революционных и трудовых традиций, край мужественных и целеустремленных людей. Их прошлое, настоящее и будущее — частица истории СССР. Историю Дальнего Востока СССР должны знать в нашей стране и за рубежом. Товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС сказал: «Разрешите мне... горячо приветствовать героические коллективы первопроходцев, труд которых ставит на службу Родине огромные природные богатства, дает новую жизнь обширным районам Сибири, Севера, Средней Азии и Дальнего Востока. Пожелаем им, товарищи, успехов в их трудных, но очень нужных стране делах»⁷⁹.

Дальневосточники были и всегда будут в первых рядах активных строителей коммунистического общества в СССР. Среди них достойное место занимают ученые — историки и археологи, этнографы и антропологи, экономисты и международники, востоковеды и филологи.

⁷⁹ Л. И. Брежнев. Указ соч., стр. 51—52.

К 90-летию со дня рождения Чжу Дэ

*А. С. Титов,
В. В. Арунов*

6 июля 1976 г. ушел из жизни славный ветеран китайской революции Чжу Дэ.

Чжу Дэ родился в 1886 г. в деревне Маань уезда Илун провинции Сычуань в крестьянской семье, воспитывался в семье дяди по отцу¹, учился грамоте в деревенской школе. В 1905 г. поступил в педагогическое училище в городе Чэнду, после окончания которого некоторое время работал учителем физкультуры в своем родном уезде Илун. Затем добровольцем ушел в армию и поступил в Юньнаньское военное училище, где получил современную военную подготовку (в училище преподавание было организовано по западноевропейскому образцу). В 1910 г. во время учебы в военном училище Чжу Дэ вступил в нелегальную революционную организацию «Тунмынхой», созданную Сунь Ят-сенем. После окончания училища принимал активное участие в вооруженной борьбе по свержению маньчжурской монархии. В 1915 г. сражался против реакционного правительства Юань Ши-кая, командуя батальоном в составе Юньнаньской «армии защиты республики».

В этих первых революционных выступлениях ярко проявился военный талант Чжу Дэ, его мужество и отвага. Боевая слава сопровождала Чжу Дэ с первых шагов, он прошел все командные должности — от командира отделения до командира бригады и вскоре стал известным генералом. Перед ним открылись широкие возможности сделать блестящую официальную карьеру. Однако его, как и других передовых людей того времени, мучительно тревожил вопрос о судьбе Китая и его народа. Революция 1911 г. и дальнейшее развитие событий не принесли китайскому народу освобождения ни от империалистического засилия, ни от феодального угнетения. Междоусобные войны между китайскими милитаристами, поддерживаемые империалистическими державами, истощали и разрушали экономику Китая, препятствовали его объединению, дезорганизовывали политическую жизнь в стране. Чжу Дэ повсюду видел несправедливость, угнетение, бесправие, бедствия и нищету трудящихся масс. Симпатии его были на стороне трудового народа.

В 1922 г. в возрасте 36 лет он принимает очень смелое и необычное для его окружения решение — порвать с той средой, которая сулила ему, казалось бы, все блага жизни, и посвятить себя борьбе за счастье народа. Чжу Дэ едет в Шанхай, где пытается сблизиться с китайскими

¹ По словам Чжу Дэ, его мать родила тринадцать детей — шесть мальчиков и семь девочек. Пять девочек были утоплены при рождении, поскольку родители не могли прокормить такую большую семью. Дядя был бездетен и взял его в раннем детстве на воспитание. См. A. Smedley. *The Great Road. The Life and Times of Chu Teh*. New York, 1956, p. 12—13.

революционерами, но те отнеслись к нему с некоторым недоверием, и он отправляется с группой китайских студентов в Германию.

В Германии Чжу Дэ изучает военное дело, знакомится с европейской политикой и культурой, интересуется историей первой мировой войны. Одновременно он изучает марксизм-ленинизм, опыт Великой Октябрьской социалистической революции в России, теорию и практику революционных войн. По свидетельству учившихся вместе с ним в Германии китайских студентов, очень сильное впечатление произвела на него работа В. И. Ленина «Государство и революция». В 1923 г., вдохновленный идеями марксизма-ленинизма и Великой Октябрьской социалистической революцией, он стал членом Коммунистической партии Китая. «Располагавший по тому времени большими денежными средствами, видный генерал китайской армии Чжу Дэ вел исключительно скромный образ жизни. Все деньги он отдавал на нужды коммунистического кружка, на поддержку товарищей»².

За активную революционную деятельность в 1925 г. он дважды арестовывался германскими властями, после второго ареста был выслан из Германии и выехал в Советский Союз, где продолжил изучение марксистско-ленинской теории, истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны в СССР, познакомился с опытом строительства нового общества. Летом 1926 г. Чжу Дэ возвратился в Китай, вооруженный новым мировоззрением и обширными знаниями. Партия направила его на военную работу в родную ему провинцию Сычуань.

В 1927 г. по поручению партии Чжу Дэ выехал в Наньчан, столицу провинции Цзянси, к гоминьдановскому генералу Чжу Пэй-дэ, своему старому знакомому по Юньнаньскому военному училищу. Чжу Пэй-дэ назначил его начальником бюро общественной безопасности и командиром офицерского учебного полка.

После измены гоминьдана и временного поражения революции Чжу Дэ активно участвовал в подготовке вооруженного восстания в Наньчане. В этих целях он установил контакт с теми подразделениями 9-й гоминьдановской армии, которые в свое время находились под его личным командованием в Юньнани. Военная слава генерала Чжу Дэ, его популярность в личном обаянии помогали ему привлекать на сторону революции многие воинские части и успешно выполнять ответственные поручения партии.

1 августа 1927 г. Чжу Дэ вместе с Е Тинном, Хэ Луном и др. непосредственно возглавил восстание революционных войск в Наньчане, которое положило начало созданию Красной армии Китая. Чжу Дэ сыграл в этом восстании очень важную, если не решающую роль. Вместо выполнения приказа Чжу Пэй-дэ о подавлении восстания он открыто встал на сторону восставших вместе с работниками бюро общественной безопасности, офицерским учебным полком и подразделениями 9-й гоминьдановской армии.

После поражения повстанцев в конце сентября 1927 г. под Сватоу (Шаньтоу) Чжу Дэ возглавил остатки революционных войск и начал партизанскую борьбу в западной части провинции Гуандун. Здесь он формировал новые подразделения Красной армии, активно помогал крестьянскому движению и созданию партизанских отрядов. Эта помощь имела особенно важное значение для борьбы крестьян уезда Жэньхуа (пров. Гуандун) и организации там советской власти в начале 1928 г.

² Э м и С я о. Мао Цзэ-дун. Чжу Дэ. М., 1939, стр. 64.

В декабре 1927 г. Чжу Дэ со своим отрядом отправился в Кантон, чтобы примкнуть к Кантонской коммуне, но в пути узнал о ее подавлении. Не удалась и попытка пробиться на соединение с революционной армией Хайлуфэнской Советской Республики, которую возглавлял вождь гуандунского крестьянства, член Политбюро ЦК КПК Пэн Бай. Крупные вооруженные силы противника помешали осуществить этот замысел. Чжу Дэ отправился в южную Хунань, поднимая крестьян на борьбу с помещиками за установление власти крестьянских союзов, разоружая встречавшиеся мелкие воинские части и помещичьи отряды миньтуаней.

Отряд Чжу Дэ все более и более рос. В январе 1928 г. после занятия уездного города Ичжан в южной части провинции Хунань на совещании командного состава было принято решение о преобразовании его отряда в 4-ю рабоче-крестьянскую Красную армию, командующим которой единогласно был избран Чжу Дэ. В выступлении на торжественном митинге он сказал: «Товарищи! Сегодня мы создали военную силу китайского пролетариата — 4-ю Красную армию. Вспомните, когда после поражения под Сватоу мы отступили на юг и очутились в невероятно трудных условиях: раздетые, разутые, голодные; все неустойчивые элементы разбежались, а оставшиеся еще более сплотились и вместе делили горе и радость. Однако все это позади, а теперь мы вновь поднимаем революционное знамя борьбы за китайскую и мировую пролетарскую революцию. Наши силы сейчас еще невелики, но мы располагаем поддержкой миллионов китайских трудящихся, родины международного пролетариата — Советского Союза и рабочего класса всего мира»³. Тогда же Чжу Дэ говорил: «Я уверен, что мы сможем вырасти в крупную революционную вооруженную силу, если мы пойдем с рабочими и крестьянами. Все, кто хочет довести до конца нашу революцию, идите за мной!»⁴. И за ним пошли широкие массы трудового народа.

Вскоре после образования 4-й Красной армии было сформировано советское правительство уезда Ичжан. Здесь впервые Чжу Дэ смог во всей полноте претворять в жизнь лозунги партии: земля крестьянам и солдатам, конфискация помещичьих земель и распределение их среди крестьян, 8-часовой рабочий день и рабочий контроль на промышленных предприятиях, власть Советов, отмена всех долгов, арендной платы и налогов, создание массовых организаций (союзов) рабочих, крестьян, женщин, молодежи. Были выпущены банкноты советского правительства с портретами К. Маркса и В. И. Ленина. Кроме уезда Ичжан, 4-я Красная армия Чжу Дэ освободила в южной Хунани уезды Чэньчжоу, Лэйян, Юнсин, Цзысин и также установила в них советскую власть.

Три месяца Чжу Дэ руководил в южной Хунани вооруженными силами, советскими учреждениями и партийными организациями. Популярность и авторитет Чжу Дэ в народе все более и более возрастали.

Рабочие и крестьяне, заслушав о приближении Красной армии Чжу Дэ, поднимали восстания и шли на соединение с ней. В начале 1928 г. подняли восстание горняки Шуйкоушаня. Разоружив полицию и миньтуаней, они создали вооруженный отряд и влились в армию Чжу Дэ у города Люян. Популярность Красной Армии и ее успехи заставили местных милитаристов объединиться и сосредоточить все силы для борьбы с ней.

³ Гун Чу. Красная армия и я. Гонконг, 1954, стр. 103 (на кит. яз.).

⁴ Эми Сяо. Указ. соч., стр. 71.

В то время, когда Чжу Дэ создавал советскую власть в южной Хунани и формировал рабоче-крестьянскую Красную армию, а народные массы в Гуандуне, Цзянси и других провинциях под руководством китайских коммунистов с оружием в руках героически сражались с врагом, Мао Цзэ-дун находился со своим отрядом в горах Цзинганшань, расположенных на границе провинций Хунань и Цзянси. Эта часть горного хребта Лосяо представляла собой своеобразную естественную крепость, удобную для обороны, и была убежищем местных уголовников и дезертиров.

Мао Цзэ-дун прибыл сюда после поражения «восстания осеннего урожая» в провинции Хунань (сентябрь 1927 г.) с небольшим отрядом, главным образом из крестьян и бывших гоминьдановских солдат. По численности и вооружению местные отряды, возглавляемые Юань Вэнь-цаем и Ван Цзо, превосходили отряд Мао Цзэ-дуна: в его отряде насчитывалось примерно 400 человек, а у Юань Вэнь-цая и Ван Цзо — 600 человек. Около месяца между Мао Цзэ-дуном, Юань Вэнь-цаем и Ван Цзо шли переговоры о том, кто кому должен подчиняться. В конце концов после назначения Юань Вэнь-цая командиром полка, а Ван Цзо — командиром батальона и предоставления им «особых прав во взаимоотношениях с крестьянами» (т. е. права собирать с них дань)⁵ была достигнута договоренность о совместных действиях.

Разумеется, в таких условиях создавать советскую власть в Цзинганшане и проводить аграрную революцию Мао Цзэ-дун не мог. Предпринимать какие-либо серьезные военные действия он также не мог, да видимо и не хотел: он не отправился со своим отрядом ни в Гуандун на помощь Кантонской коммуне, хотя и имел такое указание, ни к Чжу Дэ, хотя знал о его действиях в южной Хунани. Никакого плана дальнейших действий тогда у Мао Цзэ-дуна не было. В результате продолжительных и других трудностей в его отряде появились недовольные, вспыхнул мятеж. Он был подавлен, однако положение в отряде оставалось крайне сложным, и только тогда Мао Цзэ-дун решил направить своего брата Мао Цзэ-тана к Чжу Дэ с письмом, в котором предлагал объединить силы и совместно бороться за осуществление военной и аграрной политики партии⁶. Командование 4-й Красной армии положительно отнеслось к этому предложению, считая, что такое объединение увеличило бы вооруженные силы революции. Было принято решение идти в Цзинганшань⁷.

В апреле 1928 г. произошла встреча Чжу Дэ с Мао Цзэ-дуном. Чжу Дэ привел в Цзинганшань 10-тысячную Красную армию, отряд же Мао Цзэ-дуна насчитывал немногим более тысячи бойцов. В отличие от отряда Мао Цзэ-дуна⁸ в армии Чжу Дэ была группа опытных командиров-коммунистов, выпускников военно-политической академии Вампу, участников Северного похода национально-революционной армии (1926—1927 гг.) и Наньчанского восстания: Ван Эр-чу (командир 28-го полка, погиб в 1928 г.), Линь Бяо, Чэнь И и др.

Прибытие в Цзинганшань Красной армии коренным образом изменило обстановку в этом районе. Отряд Мао Цзэ-дуна вошел в армию Чжу Дэ, которая сохранила свое прежнее название — 4-я рабоче-крестьянская армия (в нашей литературе — 4-й корпус Красной ар-

⁵ R. Payne. Portrait of a Revolutionary: Mao Tse-tung. London, 1961, p. 105.

⁶ Эми Сяо. Указ. соч., стр. 72.

⁷ Гуи Чу. Указ. соч., стр. 122.

⁸ По признанию Мао Цзэ-дуна, в его отряде не было опытных командиров-коммунистов, не было ни одного пулемета, винтовки были плохого качества.

мин). Чжу Дэ остался ее командующим, а Мао Цзэ-дун стал представителем партии (после 1929 г. представители партии стали называться политкомиссарами).

После прибытия в Цзинганшань 4-я Красная армия вела успешные бои против войск хунаньских и цзянси́йских милитаристов и значительно расширила революционную базу, освободив ряд уездов в окрестностях Цзинганшаня. В освобожденных районах были созданы органы советской власти, партийные и массовые организации, началось наделение крестьян землей. В мае 1928 г. было создано советское правительство рабочих, крестьян и солдат Пограничного района провинций Хунань и Цзянси.

Однако вскоре между Мао Цзэ-дуном и Чжу Дэ возникли серьезные разногласия. Мао Цзэ-дун, придерживаясь пораженческих взглядов после «восстания осеннего урожая», настаивал на продолжении пассивной борьбы на границе провинций Цзянси и Хунань, опираясь на базу в Цзинганшане. Чжу Дэ придерживался другого мнения. Он считал, что, если 4-я Красная армия не уйдет из Цзинганшаня, она будет уничтожена противником. Чжу Дэ утверждал (и его поддержал ЦК КПК), что китайская Красная армия может существовать лишь при поддержке миллионных масс крестьянства, которых нужно активно вовлекать в аграрную революцию. Он был против идеи Мао Цзэ-дуна отсидеться в Цзинганшане, тем более, что там имелось всего лишь несколько небольших деревень с населением менее двух тысяч человек и почти не было продовольствия. Именно из-за нехватки продовольствия Чжу Дэ был вынужден отправить 30-й и 33-й полки своей армии, состоявшие из южнохунаньских крестьян, обратно к себе на родину, где они рассеялись по деревням.

Не договорившись с Мао Цзэ-дуном и выполняя директиву Хунаньского провинциального комитета партии, Чжу Дэ с главными силами своей армии — 28-м и 29-м полками — направился во второй половине июля 1928 г. в южную Хунань. Мао Цзэ-дун со своим 31-м полком и оставленным ему в качестве подкрепления 32-м полком остался в Цзинганшане. Однако под давлением противника, а также из-за отсутствия продовольствия он был вынужден оставить эту неприступную, как он считал, крепость и двинуться в южную Хунань в поисках Чжу Дэ. Мао Цзэ-дун решил на этот раз не порывать с ним, зная военный талант Чжу Дэ и его популярность среди бойцов Красной армии и китайского народа. 23 августа 1928 г. он нашел Чжу Дэ в Гуйдуне, где они вновь объединились и вернулись вместе в Цзинганшань для реформирования после ожесточенных боев с противником.

Должного взаимопонимания между Мао Цзэ-дуном и Чжу Дэ не возникло. Мао Цзэ-дун, пользуясь званием представителя партии, пытался оттеснить Чжу Дэ на второй план и подчинить его себе. Дело дошло до того, что осенью 1928 г. была созвана специальная партийная конференция 4-й Красной Армии с целью примирить Мао Цзэ-дуна с Чжу Дэ. По мнению организаторов конференции главная причина борьбы Мао Цзэ-дуна против Чжу Дэ состояла в том, что он хотел сосредоточить всю власть в своих руках, а популярность и авторитет Чжу Дэ и его независимая позиция мешали ему добиться этого. Мао Цзэ-дун не стал выполнять решения партийной конференции и продолжал закулисную фракционную борьбу против Чжу Дэ. Отношения между ними продолжали оставаться довольно натянутыми, и они так и не стали единомышленниками и друзьями. После ухода 4-й Красной армии из Цзинганшаня в январе 1929 г. Мао Цзэ-дун и Чжу Дэ, как правило, действовали порознь.

Не добившись от Чжу Дэ безропотного послушания, Мао Цзэ-дун стал использовать его авторитет и популярность. В результате появился термин «Чжу—Мао»: «армия Чжу—Мао», «политика Чжу—Мао», «тактика и стратегия Чжу—Мао», «успехи и победы Чжу—Мао». Тем самым Мао Цзэ-дун старался подчеркнуть, что между ними существует полное единодушие и содружество. Благодаря стараниям Мао Цзэ-дуна легендарная слава героического «Чжу—Мао» разносится не только по всему Китаю, но и за его пределами. Даже в борьбе за власть со своими идейными противниками Мао Цзэ-дун стал прикрываться именем «Чжу—Мао», хотя Чжу Дэ никогда не поддерживал его в этой борьбе. Этой тактики Мао Цзэ-дун придерживался до последних дней жизни Чжу Дэ.

Будучи исключительно честным и принципиальным человеком, Чжу Дэ считал, что, несмотря на все недостатки, Мао Цзэ-дун может быть полезным для партии и революции, и надеялся, что со временем он избавится от своих недостатков.

В июне 1930 г. Чжу Дэ был назначен командующим 1-й армейской группой Красной армии, в состав которой вошли 3-й, 4-й (бывшая 4-я Красная армия) и 5-й корпуса Красной армии. На I Всекитайском съезде Советов в 1931 г. Чжу Дэ был единогласно избран главнокомандующим Красной армии Китая и председателем Реввоенсовета. В январе 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК он был введен в состав ЦК КПК, а в 1932 г. стал членом Политбюро ЦК КПК и таковым оставался до конца своей жизни.

Чжу Дэ внес крупный вклад в дело создания и укрепления Красной армии Китая, в ее героические и победоносные действия, в разработку правильной военной стратегии и тактики. Вся история Красной армии Китая тесно связана с именем Чжу Дэ и его полководческим талантом.

Подчеркивая, что Красная армия Китая под руководством Чжу Дэ в боях с гоминьдановскими полчищами, как правило, выходила победительницей, Сяо Сань (Эми Сяо), член КПК с 1922 г., известный китайский поэт и общественный деятель, писал: «Это объясняется не только революционной доблестью Красной армии, но также исключительным военным талантом Чжу Дэ, его гибкостью, тактической изобретательностью и маневренным мастерством, проявлявшимся как в наступлении, так и в отступлении. Чжу Дэ не раз доказывал свое превосходство над теми опытными и прославленными генералами, которые шли против Красной армии, а также над их фашистскими немецкими советниками во главе с фон Сектом. Личным талантом стратега и тактика, преданностью делу трудящихся и богатым знанием революционной теории Чжу Дэ, безусловно, поднял боевые качества китайской Красной армии»⁹. Гоминьдановцы обещали награду в 250 тыс. долл. за поимку Чжу Дэ или за его голову, неоднократно заявляя о его гибели, изобретая мельчайшие подробности обстоятельств, при которых он погиб.

Чжу Дэ сыграл важную роль в разгроме гоминьдановских войск, предпринявших при помощи западных империалистов ряд крупных карательных походов против китайской Красной армии и советских районов в 1930—1934 гг. Он принимал активное руководящее участие в Северо-западном походе китайской Красной армии (1934—1936 гг.).

На совещании в Цзуньи в январе 1935 г. Чжу Дэ не поддержал Мао Цзэ-дуна в его настойчивом стремлении к власти. Не поддержал

⁹ Э м и С я о. Указ. соч., стр. 81—82.

он его и в борьбе с Чжан Го-тао летом 1935 г. После ухода Мао Цзэ-дуна с группой членов Политбюро и 1-м и 3-м корпусами Красной армии на север, в провинции Ганьсу и северную Шэньси, Чжу Дэ, оставшись вместе с Чжан Го-тао в Сычуань-Сиканском пограничном районе, открыто выразил неодобрение как в отношении действий Мао Цзэ-дуна, так и действий Чжан Го-тао, которые привели к расколу партии и ее вооруженных сил¹⁰. Считая, что эти действия Мао Цзэ-дуна и Чжан Го-тао наносят серьезный ущерб общему делу, Чжу Дэ прилагал усилия к их примирению.

В 1937 г., когда был создан единый национальный антияпонский фронт и главные силы китайской Красной армии были реорганизованы в 8-ю армию, Чжу Дэ был назначен командующим этой армии. Он последовательно проводил политику единого национального антияпонского фронта и не поддерживал планы Мао Цзэ-дуна по срыву сотрудничества КПК с гоминьданом, которое было основой единого фронта. Во время антияпонской войны 8-я армия под командованием Чжу Дэ развернула широкую народную партизанскую войну и создала ряд освобожденных районов в Северном Китае в тылу японской армии, что имело большое значение для борьбы против агрессоров и укрепления сил революции в Китае.

Во время навязанной партии Мао Цзэ-дуном в 1941—1945 гг. так называемой кампании за исправление стиля работы («чжэнфэн») Чжу Дэ смело и решительно осуждал массовые репрессии и преследования коммунистов. На совещании партийного актива в Яньани 15 июля 1943 г. Кан Шэн утверждал, что многие из сидящих в зале «завтра могут быть арестованы как гоминьдановские шпионы». Отвечая ему, Чжу Дэ заявил: «...Неужели после этого собрания я должен потерять веру в своих товарищей и соратников? ...Неужели я должен отныне смотреть и жить с опаской, ожидая ареста своего или товарищей? Как вы смеее подобным образом обращаться к партийному активу — лучшим людям партии, ее опоре?!»¹¹ Несмотря на постоянную оппозицию Чжу Дэ к Мао Цзэ-дуну, последний был вынужден считаться с популярностью и авторитетом Чжу Дэ.

На VII съезде КПК (1945 г.) Чжу Дэ выступил с докладом «О фронтах освобожденных районов», обобщающим опыт военной работы партии и успехи в освободительной войне против японских агрессоров. На съезде Чжу Дэ был избран членом ЦК КПК, а на 1-м пленуме ЦК 7-го созыва — членом Политбюро и секретарем ЦК КПК. С августа 1945 г. он был главнокомандующим Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и сыграл выдающуюся роль в разгроме гоминьдановских войск, поддерживаемых американскими империалистами, внес большой вклад в победу китайской народной революции.

С образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. Чжу Дэ был избран заместителем председателя Центрального народного правительства КНР и назначен заместителем председателя Народно-революционного военного совета и главнокомандующим НОАК. На 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 1-го созыва (сентябрь 1954 г.) он был избран заместителем председателя КНР и назначен заместителем председателя Государственного комитета обороны КНР. В сентябре 1955 г. ему было присвоено звание маршала Китайской Народной Республики.

¹⁰ Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. 1928—1938. New York, 1972, vol. II, p. 437.

¹¹ П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945. М., 1973, стр. 174.

На VIII съезде КПК (сентябрь 1956 г.) Чжу Дэ вновь был избран членом ЦК, а на I пленуме ЦК 8-го созыва избран членом Политбюро, членом Постоянного комитета Политбюро и заместителем председателя ЦК КПК. В апреле 1959 г. на 1-й сессии ВСНП 2-го созыва Чжу Дэ был утвержден председателем Постоянного комитета ВСНП и на этом посту оставался до конца своей жизни.

На протяжении всей своей деятельности Чжу Дэ оставался честным и принципиальным коммунистом, не боявшимся высказывать свое мнение в условиях, когда авторитет Мао Цзэ-дуна в Китае после победы революции являлся практически непререкаемым. В 50-е годы преклонный возраст продиктовал Чжу Дэ необходимость несколько снизить политическую активность и в известной степени отойти от разработки и решения ряда важнейших политических вопросов. Однако это отнюдь не означало, что Чжу Дэ оставался в стороне от политических событий в стране. Наоборот, его действия и высказывания периода 50-х и 60-х годов свидетельствуют о том, что он стоял на позициях критического подхода к действиям Мао Цзэ-дуна.

В 1953 г. в Китае было сфабриковано «дело Гао Гана — Жао Шу-ши» — видных партийных руководителей, обвиненных в «подрыве единства партии». Позднее стало ясно, что эта акция была направлена против интернационалистских сил в КПК, выступавших за всемерное развитие дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и КПСС. Расправа с Гао Ганом и Жао Шу-ши вызвала недовольство среди многих китайских коммунистов. Чжу Дэ, несмотря на полную дискредитацию репрессированных деятелей в решениях Всекитайской конференции КПК, выразил все же иное отношение к ним, заявив, что «Гао Ган и Жао Шу-ши — хорошие люди».

Аналогичная ситуация сложилась и в 1959 г. на Лушаньском пленуме ЦК КПК, когда ряд видных руководителей Китая во главе с Пэн Дэ-хуаем выступил против курса Мао Цзэ-дуна в области экономики. На пленуме Мао Цзэ-дуну, использовавшему весь арсенал средств нажима и маневрирования, удалось протолкнуть решение «Об антипартийной группе во главе с Пэн Дэ-хуаем». Чжу Дэ, осознавая пагубность зажима справедливой критики и ограничения внутрипартийной демократии, выступил против подобных действий Мао Цзэ-дуна. «Если мы не скажем, то кто осмелится сказать», — заявил он на пленуме. Он взял под защиту Пэн Дэ-хуая, выступив против применения репрессивных санкций по отношению к нему.

В конце 50-х — начале 60-х годов Чжу Дэ не смог остаться в стороне, когда курс «большого скачка» и народных коммун привел Китай на грань экономической катастрофы. В 1959 г. после поездки в северо-восточные районы страны он составил доклад, в котором достаточно ясно выразил свое отношение к экономическим экспериментам Мао Цзэ-дуна. Он писал, что «коммуны созданы рано», «с ними ничего не получилось», что «питание из общего котла в общественных столовых убыточно» и т. д. В начале 60-х годов, когда реалистически мыслящие деятели партии предприняли меры, направленные на ликвидацию катастрофических последствий политики «трех красных знамен», Чжу Дэ безоговорочно встал на их позиции и выступал за повсеместное внедрение этих мер.

На протяжении многих лет Чжу Дэ выступал против раздувания культа личности Мао Цзэ-дуна, против фальсифицированного толкования победы китайской революции как победы «идей Мао Цзэ-дуна». «Победа китайской революции — это победа ленинизма», — писал он

в январе 1954 г. в статье к 30-летию со дня смерти В. И. Ленина¹². В 1964 г., когда в Китае в связи с выходом «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» стало насаждаться обязательное изучение его работ, Чжу Дэ по мере сил попытался воспрепятствовать массовому оболваниванию партийных и кадровых работников. В беседе с секретарями партийных комитетов провинций Цзянси и Сычуань он настоятельно рекомендовал им изучать работы Маркса, Энгельса, Ленина, совершенно не упоминая о работах Мао Цзэ-дуна.

Чжу Дэ был противником и так называемой «культурной революции», развязанной Мао Цзэ-дуном в 1966 г. В феврале-марте 1967 г. он подвергся ожесточенной травле в хунвэйбиновской печати, обвинялся в постоянной оппозиции к Мао Цзэ-дуну, был назван «милитаристом» и «одним из главных генералов черного штаба Лю Шао-ци — Дэн Сяопина». Хунвэйбины обвиняли его «в честолюбивых устремлениях», которые, как свидетельствует вся его жизнь, были абсолютно чужды ему. Утверждалось, в частности, что в 1954—1955 гг. Чжу Дэ якобы «для поднятия своего авторитета... превратил свою работу «О тактике партизанской борьбы в период антияпонской войны» в учебное пособие для студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки». Они обвиняли Чжу Дэ в том, что будто бы по его наущению была написана в 1941 г. китайским журналистом и писателем Лю Бай-юем «Повесть о генерале Чжу Дэ».

В «Повести» Чжу Дэ справедливо характеризовался как «истинный создатель и руководитель китайской Красной армии», «человек выдающихся достоинств», «не просто военный деятель, но и пропагандист коммунистических идей» и т. д. Естественно, что все это шло вразрез с версией Мао Цзэ-дуна, приписывающего себе даже те успехи вооруженных сил КПК, к которым он не имел никакого отношения или которые были достигнуты вопреки его установкам и «идеям» (в частности, разгром китайской Красной армией четвертого похода Чан Кай-ши против советских районов в 1932—1933 гг.)¹³.

Безусловно, был прав видный деятель КПК Ян Шан-кунь, работавший вместе с Чжу Дэ в Северном Китае во время антияпонской войны, который в 1962 г. говорил, что «нужно работать над материалами биографии Чжу Дэ, сейчас не пойдет, в будущем, после смерти, — пойдет».

Нападки хунвэйбинов не смогли поколебать убежденности Чжу Дэ в своей правоте. О партийной принципиальности Чжу Дэ свидетельствует, в частности, такой факт. Когда хунвэйбины потребовали от Чжу Дэ выступить с так называемой самокритикой во время «культурной революции» и признать выдвинутые против него грязные обвинения, он решительно отказался это сделать. Взбешенные отказом Чжу Дэ хунвэйбины тогда писали: «Он упорно не раскаивался, не склонял головы, не признавал преступлений и таил в сердце злобу. Если Чжу Дэ не капитулирует — смерть ему». Но до этого не дошло. Не Чжу Дэ, а Мао Цзэ-дуну пришлось уступить. В конце марта 1967 г. было дано указание о прекращении критики Чжу Дэ. Чтобы создать видимость, что популярный и уважаемый китайским народом ветеран КПК и китайской револю-

¹² Чжу Дэ. Ленинизм — знамя китайского народа в борьбе за построение социализма. «Правда», 21.1.1954.

¹³ См. А. Титов. Поражение Мао Цзэ-дуна в Ниндзу. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 112—117.

ции поддержал «культурную революцию», Чжу Дэ был введен в состав Политбюро ЦК на IX (апрель 1969 г.) и X (август 1973 г.) съездах КПК. В январе 1975 г. на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва 88-летний Чжу Дэ вновь избран председателем Постоянного комитета ВСНП.

Чжу Дэ был членом правления Общества китайско-советской дружбы, в октябре-ноябре 1957 г. работал в подготовительном комитете по празднованию в КНР 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Чжу Дэ был противником антисоветизма и стоял за дружбу и тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

С искренним уважением и верой относился Чжу Дэ к ленинской партии — Коммунистической партии Советского Союза. В своей приветственной речи на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Чжу Дэ говорил: «Коммунистическая партия Советского Союза всегда служила и служит наилучшим примером для Компартии Китая... КПСС была, остается и будет выдающимся примером для коммунистических партий всех стран мира, является первой «ударной бригадой» мирового революционного и рабочего движения»¹⁴.

Вся жизнь и деятельность Чжу Дэ были отданы делу китайской революции и построению социализма в Китае. Он вошел в историю революционных битв китайского народа как легендарный полководец и борец за освобождение Китая, талантливый стратег и тактик, коммунист-интернационалист. Светлая память о Чжу Дэ, верном сыне китайского народа и Коммунистической партии Китая, навсегда сохранится в сердцах советских людей, искренних друзей китайского народа.

¹⁴ «Правда», 16.11.1956.

Как в Россию проникали первые сведения о Японии

*К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук*

Вопрос о путях проникновения к русским первоначальных сведений о Японии (в период до XVIII в.) слабо освещен в трудах по истории. Он почти не подвергался специальному изучению. А между тем ранняя история русско-японских отношений в настоящее время вызывает глубокий интерес не только в СССР и Японии¹, но и в других странах, где проявляют внимание к перспективам развития советско-японских отношений.

Предлагаемые вниманию читателей материалы по данному вопросу содержались в сообщении автора на XVII международной конференции востоковедов, происходившей в Токио в апреле 1972 г.²

Во второй половине VI в. племя русов, в образовании которого принимали участие предки славян — анты и одно из иранских племен — аланы (осетины), совершало походы из Восточного Причерноморья и с Северного Кавказа в пределы персидской державы Сасанидов³, которая через Китай поддерживала связи с Японией эпохи Асука и позднее эпохи Нара.

В начале VII в. держава Сасанидов была завоевана арабами. С этого времени ко дворам арабских халифов, где служила «славянская гвардия»⁴, стали доходить первые, правда, еще не отчетливые сведения о Японии⁵. В состав этой «гвардии» входило немало уроженцев Киевской Руси, поддерживавших тем или иным путем связь со своей родиной.

Источником упомянутых сведений были арабы, которые в результате своих плаваний вокруг Индии собирали данные о всем побережье Восточной Азии — вплоть до Кореи и Японских островов⁶. Некоторые ученые рассматривают как сообщения о Японии сведения о лежащей, по представлениям арабов, в частности Измаэля Абулфеда (Абу-аль-Фиды)⁷, к востоку от Китая стране Вак-вак (от японского Вакоку — названия союза древнеяпонских племен на о. Кюсю и в Южной Корее), наименование которой в китайском произношении звучало как «Ваквоку» (с факультативной редукцией «у»).

¹ Этот вопрос находит свое отражение, в частности, на страницах журнала «Юрасиа» («Евразия»), выпускаемого с 1970 г. издательством «Синдзидайся» под редакцией Кюдзо Като.

² См. «Вестник АН СССР», 1972, № 11, стр. 99—100.

³ См. А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 363—364.

⁴ См. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 54.

⁵ См. А. П. Новосельцев и др. Цит. соч., стр. 369—370.

⁶ См. И. Ю. Крачковский. Избр. соч. М. — Л., 1957, т. 4, стр. 52.

⁷ См. К. М. Попов. Япония. М., 1964, стр. 83.

Экономический расцвет Киевской Руси в X—XI вв. привел к серьезному расширению географических знаний ее военного сословия, ученых и купцов. Эти знания продолжали существенно расширяться и в последующие века.

В 1154 г. в книге «Развлечение истомленного в странствиях...» («Китаб нузхат аль-муштак...») о Японии как стране, богатой серебром и золотом⁸, писал побывавший в Киеве в 1150 г. известный арабский географ аль-Идриси. Свои обширные географические познания, нашедшие отражение в этом труде, аль-Идриси почерпнул не только в результате собственных наблюдений, но и из работ своих предшественников и современников, в частности из «Книги картины мира» («Китаб сурат аль-ард») знаменитого арабского ученого аль-Хоризми, жившего в Хорезме в IX в. Этот трактат был написан им между 836 и 847 гг. под влиянием трудов Птолемея, упоминавшего о Японии как о стране «Ярај»⁹. В нем также были использованы географические сведения китайских ученых¹⁰.

Упоминание о Японии как о стране Джабарга (от китайского Жи бэнь-го) содержится в «Собрании тюркских наречий» («Диван лугат ас-тюрк»), написанном в 1072—1074 гг. на арабском языке знаменитым тюркским ученым Махмудом аль-Кашгари, получившим образование в Багдаде¹¹. О стране Чименгу¹² говорится в работе по истории монгольской династии Рашид-ад-Дина (1247—1318) «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»), написанной на персидском языке. Сведения летописцев Киевской Руси об окружающем мире в общих чертах совпадали со сведениями арабских ученых¹³.

Дружины Киевской Руси доходили до южных берегов Каспийского моря, а купцы, выходя в Персидский залив, совершали плавания с товарами в восточном направлении¹⁴. Здесь начинался морской путь от Ормуза в Персидском заливе до Ганфу (Гуаньчжоу) в Китае, хорошо освоенный арабами. Вот почему летописец «Повести временных лет» (1111—1113) Нестор включает в круг географических представлений жителей Киевской Руси ряд восточных стран вплоть до трех Индий — «Индикни в долготу» (список Лаврентьевской летописи 1377 г.)¹⁵. Индийские купцы уже в конце VIII в. бывали в Японии¹⁶. Японские пираты начиная с VIII в. также проникали далеко на запад через Индийский океан, распространяя сведения о своей стране¹⁷.

Унаследовав у арабского географа Абу-аль-Фида (1273—1339) и его предшественников деление Индии на три части — Великую Индию (до реки Ганг), Малую Индию (Индокитай) и Ост-Индию, европейцы раннего средневековья под названием «Индия» объединяли весь район Южной и Юго-Восточной Азии с прилегающими островами¹⁸. При этом понятие Индии (или у славян — Индикни) европейцы расширяли столь

⁸ См. Книга Марко Поло. М., 1956, стр. 316.

⁹ См. А. Такано. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971, стр. 27.

¹⁰ См. И. Ю. Крачковский. Цит. соч., т. 4, стр. 290.

¹¹ См. В. В. Бартольд. Цит. соч., стр. 73.

¹² См. там же, стр. 60.

¹³ См. Д. М. Лебедев, В. А. Есаков. Русские географические открытия и исследования. М., 1971, стр. 19.

¹⁴ См. И. М. Срезневский. Следы древнего знакомства русских с Южной Азией. Девятый век. — «Вестник Русского географического общества». Спб., 1854, ч. 10, отд. 2, стр. 53.

¹⁵ См. Повесть временных лет. М. — Л., 1950, ч. 1, стр. 12.

¹⁶ См. Р. Хенниг. Неведомые земли. М., 1961, т. 2, стр. 162—164 (пер. с нем.).

¹⁷ См. К. М. Попов. Цит. соч., стр. 128.

¹⁸ См. После Марко Поло (путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий). М., 1968, стр. 218.

широко, что включали в него также и Японские острова под различными названиями.

Русские купцы, путешествовавшие в находившийся под властью арабов Хорезм, куда от китайцев и перекочевавших из Маньчжурии киданей по Великому шелковому пути проникали ранние сведения о Японии, возвращаясь на родину, распространяли эти сведения.

Проникновению из Хорезма на Русь арабских сведений о Японии в XI—XII вв. способствовало появление русских в Мерве, где была учреждена резиденция православного митрополита, и в Хорезме¹⁹. Эти сведения русские получали в Средней Азии также от жужаней (кара-китаев), многие из которых исповедовали христианство. Войска киданей, часть которых ушла на запад, слившись с кара-китаем, в 1020 г. вышли в районы непосредственной близости к Японии, установив границу с Кореей по р. Ялу²⁰.

В XIII в. в результате завоевательных походов татаро-монгольских войск было создано огромное монгольское государство, простиравшееся от западных границ Киевской Руси до берегов Тихого океана. В 1216 г. войска Чингисхана появились на Корейском полуострове, в 1231 г. монгольская армия вторглась на территорию Кореи, опустошив значительную ее часть. В результате последующих походов в конце 50-х годов XIII в. Корея оказалась под властью монголов, что создало непосредственную опасность для Японии²¹. Сведения о богатствах этой страны, которые стали известны хану Хубилаю в середине XIII в., после походов в Китай и Корею, послужили причиной его походов на Японию в 1269 и 1281 гг.

От монголов сведения о Японии разными путями попадали к русским. В середине XIII в. при дворе великого хана в Каракоруме нередко можно было видеть русских князей, дружинников, слуг и угнанных в неволю многочисленных ремесленников. Сюда же приезжали и корейские послы, хорошо осведомленные о Японии.

Итальянец Иоан де Плано Карпини, побывавший осенью 1246 г. с католической миссией в Каракоруме, по пути посетивший Киев, в своей «Истории монголов» сообщает интересные сведения о русском умельце при дворе великого Гуюк-хана Косме (Кузьме), пользовавшемся его большим уважением, и о других русских, которые насильственно привлекались к участию в походах монголов, в том числе на восток, и в результате этого многое узнавали о пограничных с монгольской державой странах, не исключая и Японии.

«Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престол, и печать его, изготовленную им, а также объяснил нам надпись на этой печати,— писал И. Карпини.— И также много других тайн мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождами, через многих русских и венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые бывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния»²².

Трон, сделанный Кузьмой по повелению Гуюк-хана из слоновой кости, был инкрустирован золотом, драгоценными камнями и жемчугом которые привозили из Японии²³.

¹⁹ См. В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Спб., 1893, стр. 11.

²⁰ См. Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970, стр. 106.

²¹ См. Всемирная история. М., 1957, т. 3, стр. 538, 542.

²² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1956, стр. 68.

²³ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1947, стр. 532.

В 1255 г. в Каракоруме побывал в качестве посла короля Франции Людовика IX фламандец Виллем Рейсбрук (Гильом Рубрук). Сообщая, что русские торгуют с живущими там монголами, используя в качестве «ходящей монеты» «шкурки разных пушных зверей»²⁴, В. Рейсбрук пишет, что в столице великого хана один китайский священник рассказал ему о низкорослых волосатых карликах, которые обитают за Катаем (Китаем) в пещерах на островах, и что дальше за этими островами лежит «земля пёсьеголовцев» (псоглавцев)²⁵.

В этих сообщениях, которые становились и достоянием живших в Монголии русских, вырисовываются туманные сведения об обитателях Японии — айнах, упоминающихся и в китайских хрониках²⁶, которые в древности жили также на островах Рюкю²⁷ и, действительно, отличались густой растительностью и низким ростом, а также о японском союзе племен Куну на о. Хонсю.

Что касается термина «пёсьеголовцы», то, очевидно, В. Рейсбрук повторил неправильное истолкование китайцами иероглифов, обозначающих союз племен Куну, по их смыслу, а не как фонетиков.

Отчетливо не различая еще Японии и Кореи, В. Рейсбрук пишет, что «его спутник Вильгельм видел послов некоторых народов Кауле (от Гаоли — китайского названия Кореи. — К. Ч.)... живущих на островах», и что «море там замерзает, так что татары могут тогда направиться к ним»²⁸.

В 1246 г. в Каракоруме находился впоследствии отравленный монголами владимиро-суздальский князь Ярослав Всеволодович со слугами, о чем упоминает П. Карпини²⁹.

В том же году в Каракоруме находились также князья Александр Ярославович Невский и Андрей Ярославович³⁰. В ставке великих ханов от образованных китайцев, служивших монгольской империи³¹, русские князья и их окружение уже в 30—40-х годах XIII в. получали сведения о соседних с Монгольской империей странах, в том числе о Японии.

В 1271—1295 гг. в Восточную Азию совершил путешествие венецианец Марко Поло, который впервые почерпнул сведения о Японии в упомянутой выше работе арабского ученого аль-Идриси³².

Знаменитый венецианский путешественник первым из европейцев собрал довольно подробные и конкретные сведения о Японии, стране Чинпигу³³, во время своего долгого пребывания при дворах монгольских правителей, в частности в их столице Хамбалык (Пекин), в окрестностях которой, как и в некоторых других районах Китая, жили русские «полоненники», набранные монгольскими ханами в свою гвардию³⁴. Этих русских ратников направлял к Хубилаю, в частности, до своего разрыва с ним в 1260 г. его союзник Берке-хан (покровительствовавший православным) из Сарая, где в 1261 г. была учреждена христианская

²⁴ Путешествия..., стр. 155.

²⁵ См. там же, стр. 154—155; Книга Марко Поло, стр. 172.

²⁶ См. И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. 2, стр. 35, 45—46, 94; Я. Б. Радлов. Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 1947, стр. 199.

²⁷ См. М. Г. Левин. Этническая антропология Японии, 1971, стр. 196—197.

²⁸ Путешествия..., стр. 155.

²⁹ См. там же, стр. 155.

³⁰ См. Всемирная история. М., 1957, т. 3, стр. 599.

³¹ См. Л. Н. Гумилев. Цит. соч., стр. 195.

³² См. Книга Марко Поло, стр. 316.

³³ См. там же, гл. 159, стр. 170.

³⁴ См. Архимандрит Палладий (П. И. Кафаров). Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. — Восточный сборник. Спб., 1877, т. 1, стр. 47—50.

епархия³⁵. Эти ратники были первыми из русских, которые получили непосредственные сведения о Японии³⁶.

Легат папы Бенедикта X флорентинец Джованни Мариньолли во время пребывания в Хамбалыке (Пекине) в 1342—1344 гг. у хана Монгольской империи Токалмута (Шань-ди) писал, что «восточными землями империи правят аланы (а их более тридцати тысяч, этих аланов) — христиане как истинные (католики. — К. Ч.), так и только по имени...»³⁷ (то есть православные и несториане). Эти «аланы», число которых явно преувеличено Д. Мариньолли, якобы правили восточной частью Юаньской империи; иначе они именовались «войском асов» и состояли не только из подлинных аланов, но и из русских. В составе этих войск в 1330 г. в столице империи был сформирован «охранный полк из русских»³⁸. То, что русские «полоненники» были при хане Хубилае, совершавшем походы в Японию в XIII в., подтверждается фактом религиозного раскола среди «аланов», то есть русских и осетинцев, происшедшего под влиянием посланца папы Николая IV Джованни Монтекорвино, направленного в 1289 г. в Хамбалык³⁹.

В «Книге Марко Поло» (1289) говорится о Японии, в частности, следующее: «Жители белы, красивы, учтивы, они... независимы, золота у них... великое обилие... дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви... Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни»⁴⁰.

Эта книга, известная в рукописи с начала XIV в., была впервые напечатана в Нюрнберге в 1477 г.⁴¹ и в дальнейшем послужила источником для изображения Японии на различных европейских географических картах мира — круговой карте мира Фра-Мауро 1459 г.⁴², глобусе Бехайма 1492 г.⁴³, карте Леонардо да Винчи 1515 г.⁴⁴, карте А. Ортелиуса (Ортелиуса) 1570 г.⁴⁵, морской карте мира Г. Меркатора 1569 г. и в его Атласе 1596 г., переизданном в 1606 г. с впервые помещенным приложением — описанием Японии Петра Монтануса, литератора и географа, пользовавшегося расположением великого гуманиста эпохи Возрождения Эразма Роттердамского⁴⁶.

Это описание Японии, восходящее к «Книге Марко Поло», ставшее известным в России после открытия прямого пути из нашей страны на запад через Архангельск и Холмогоры, было изложено в наиболее полном списке русской «Космографии 1670 г.», завершеном 4 января 1670 г. в Холмогорском монастыре неподалеку от Архангельска⁴⁷. Глава 70 этой книги — «О Японии, или Япан-острове» — была использована при составлении наказа посольству в Китай в 1675 г. Николая Спафария, которому поручалось также собрать новые, более достоверные

³⁵ См. А. Н. Гумилев. Цит. соч., стр. 332.

³⁶ См. там же, стр. 400.

³⁷ После Марко Поло, стр. 196.

³⁸ Л. Н. Гумилев. Цит. соч., стр. 399.

³⁹ См. Р. Хенниг. Неведомые земли, т. 3, стр. 232; Л. Г. Гумилев. Цит. соч., стр. 392, 400.

⁴⁰ Книга Марко Поло, стр. 170.

⁴¹ См. там же, стр. 4.

⁴² См. там же, стр. 30.

⁴³ См. К. М. Попов. Япония, стр. 89; А. В. Ефимов. Из истории великих географических открытий. М., 1971, стр. 51.

⁴⁴ См. А. Е. Ефимов. Цит. соч., стр. 52.

⁴⁵ См. В. А. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906, стр. 2, вып. 1, карта Татарии.

⁴⁶ См. Космография 1670 г. Спб., 1878—1881, стр. 26—27.

⁴⁷ См. там же, стр. 74.

сведения о Японии⁴⁸. В этой главе, в частности, говорилось: «Тот остров Мако Павлюций (Марко Поло. — К. Ч.) Панрий (от «Япан». — К. Ч.) называет. В древние времена Хразомагини (Оттоном Фрейзингенским, баварским историком XII в.⁴⁹. — К. Ч.) именовался Ямэктор (Ямато, или Ямагата. — К. Ч.). Аврея (Марк Аврелий Антоний, 163—186 гг., посол которого побывал в Китае в 166 г. — К. Ч.). Херсонесур называет, то есть Золото-остров. Аднем общем именем Япония, или Япан, именуется. Особенно три острова словом суть, как Петр Матде (Петр Монтанус. — К. Ч.)⁵⁰ пишет, окружены многими иными, меньшими островами. Первый большой Япан именуется»⁵¹.

Несколько ранее, в самом начале XVII в., в России впервые были получены сведения о Японии непосредственно из уст японца, который появился в Москве и известен только под своим христианским именем Николай. Известно, что в конце XVI в. он прибыл из южной Японии на Филиппины⁵², а в 1599 г. вместе с испанским монахом Н. Мело направился сначала в Персию, а затем в Московию, в которую он прибыл в составе персидского посольства. Именно Николай, а не появившийся в России на столетие позже Дэмбээй (после крещения — Гавриил), о котором пойдет речь ниже, является первым известным нам японцем в России.

В Москве японец Николай вместе с Н. Мело вышел из состава посольства. Он был опрошен московскими властями и направлен на поселение в Соловецкий монастырь в Кемском уезде Архангельской губернии, а затем препровожден в Нижний Новгород, где дожил до 1611 г.

«Расстояние от Москвы до Японии так велико, что на проезд надобно употребить целый год»⁵³, — записывал в эти годы один из приближенных русского царя.

В Соловецком монастыре японец Николай также не мог не сообщить местным русским жителям о своей стране, хотя никаких точных сведений об этом обнаружить пока не удалось. Интересно, что здесь, на северо-востоке Европейской части России, среди раскольников позднее возникла легенда о путешествии в Японию («Опоньское государство») монаха-раскольника Топозерского скита Марко, а также одного из раскольников — обитателя Поломских лесов. На наш взгляд, это представляет собой переосмысление сведений о Марко Поло⁵⁴, полученных в этом районе России из стран Западной Европы через Архангельск, сведений о Японии от жившего в этих местах первого японца на Руси — Николая, а также от первых русских землепроходцев из районов Камчатки, Приамурья и прилегающих к ним островов.

Первое, известное, правда, только по устным свидетельствам плавание русских на одном из трех «великих кочей» из устья Лены вокруг мыса Дежнева с выходом к Камчатке у Гижигинской губы относится к периоду, непосредственно предшествовавшему основанию в 1632 г. Якут-

⁴⁸ См. Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960, стр. 18.

⁴⁹ Сведения о Японии были, очевидно, получены им от индийцев, корабль которых, пришедший, как считают, Северным морским путем из Тихого океана, между 1152 и 1158 гг., выбросило на берег близ немецкого г. Любека. — См. С. Н. Марков. Земной круг. М., 1971, стр. 258.

⁵⁰ Космография 1670, стр. 379.

⁵¹ См. Э. Паркер. Китай. Спб., 1903, стр. 162 (пер. с англ.).

⁵² С. Н. Марков. Цит. соч., стр. 284—285.

⁵³ См. С. Н. Марков. Цит. соч., стр. 286.

⁵⁴ См. В. Г. Короленко. Предисловие к кн. Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство». — Записки Русского географического общества. Спб., 1903, т. XXVIII, в 1, стр. 6—7.

ска (Ленского острога) и Жиганска (1633), когда в район Лены пришли в 20-х — начале 30-х годов XVII в. первые русские землепроходцы.

«...Древних до заведения Якутска и Жиганска... кочей по Лене в море сплыло три, — говорилось в сказании о «великих кочах» русских землепроходцев, записанном в XVIII в. в низовьях Лены... — С одного коча через Колымы и Анадырь перешедшие народы до заведения Гижигинского острога (1657 г.) тут первые они опоместились жительством, а прочие отнесены морем к северу...»⁵⁵.

Сведения о плавании в начале 1630-х гг. к востоку от устья Лены, в сторону Камчатки, подкрепляются поданной в Жиганске в год его основания (1633) челобитной Ивана Реброва о разрешении идти морем на р. Яну, что без получения предварительных данных об этом пути вряд ли было возможно, и одинаковым наименованием в середине XVII в. двух рек под названием Янга (Яна), одна из которых впадает в море Лаптевых, а другая в Охотское море⁵⁶.

В этом убеждает нас также карта Г. Ф. Миллера 1754 г., подготовленная по обнаруженным им в 1736 г. материалам С. Дежнева, где над пунктиром, тянущимся от устья Лены к устью Колымы и далее вокруг Чукотки до Олюторского мыса, написано: «Путь, которым часто ездили в древния путешествия, в 1648 году трех российских кораблей, из которых один дошел даже до Камчатки», ибо здесь ясно говорится о предшественниках великого землепроходца⁵⁷.

Т. Мацуура, автор «Хронологии истории айнов» («Эдзо нэндайки». Токио, 1870), в которой содержатся извлечения из многочисленных летописей, указывает, что «русский Юуру (Юрий. — К. Ч.) первым воочию открыл Камчатку, побывав там лично»⁵⁸ во 2-м году периода Кэйан, то есть в 1649 г. По сведениям Окамото Рюносукэ и Мацунага Тёкэн, русский Юуру, путешествуя по району Камчатки, в состав которой входил и район обитания коряков, впервые узнал о тянущихся к югу от нее в сторону Японии островах⁵⁹.

Отнесение к этому времени первого пребывания русских на Камчатке и в смежном с ней районе⁶⁰ р. Чендон (Гижига) и р. Пенжина, жители которого — коряки могли передать сведения об этом камчадалам и айнам и через них — японцам, является, на наш взгляд, более правильным, чем датирование его 1643 г. японскими историками конца XIX — начал XX в. Р. Окамото и Т. Мацунага, которые, быть может, совместили эту дату с датой плавания в районы к северу от Японии в 1643 г. голландца Мартина де Фриза.

Действительно, в 1649 г. в соприкосновение с коряками вступил известный землепроходец Юрий Селиверстов, которого его начальник Ми-

⁵⁵ См. И. Е. Кожевни. Практическое географическое описание о Жиганском уезде (рукопись), стр. 30—31. Цит. по: «Вокруг света», 1949, № 8, стр. 16.

⁵⁶ См. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. М., 1951, документ № 19, л. 620, стр. 24, 101.

⁵⁷ См. там же, карты № 10—11, 14—15, стр. 38—40.

⁵⁸ Т. Есида, сост. Дзохо Мацуура Такэсиро (Дополнительные материалы Т. Мацуура). Токио, 1966, стр. 490. Японцы для транскрипции этого имени использовали три иероглифа, которые читались соответственно «ю», «фу», «ру». Однако в таком сочетании звук «ф» в тот период уже не произносился. — См. Н. А. Сыромятников. Становление новояпонского языка. М., 1965, стр. 88.

⁵⁹ См. Р. Окамото. Нитиро косэ Хоккайдо сико (История о Хоккайдо в свете русско-японских отношений). Токио, 1898, стр. 6; Т. Мацунага. Карафутто оёби Камусакка (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905, стр. 62, со ссылкой на «Карафутто гайран» («Сахалинские обзоры»), т. I, и «Кита Эдзоси» («Записи о Сахалине»), в которых содержатся отчеты японцев о сведениях, полученных от айнов, начиная с XVII в., в том числе о контактах с русскими.

⁶⁰ В тот период географические очертания Камчатки были для японцев весьма неопределенными, причем ее ошибочно считали даже островом.

хаил Стадухин направил в Якутск с первой пробной партией добытой на море моржовой кости⁶¹.

Отметим в связи с этим приводимые Т. Мацуура в «Хронологии истории айнов» данные о том, что в 1656 г. «на Камчатку прибыл русский по имени Охотск»⁶², то есть посещения русскими мореплавателями из г. Охотска, скорее всего, южной части полуострова, откуда хорошо виден о. Алаид, обозначавшийся на русских картах с 1667 г.⁶³

В сообщении колымского казака Никифора Малгина (не позднее 1678 г.) говорится о плавании Тараса Стадухина в период воеводства Ивана Борятинского (1666—1670) в направлении Японии и прилегающих с юга к Камчатке островов и полученных им сведениях о «бородастых людях» в «долгом платье» на одном из этих островов, которые «называют русских братьями»⁶⁴, то есть, скорее всего, о русских или их потомках от браков с коренными жителями.

Поиски «Опоньского государства» как страны христианского «древнего благочестия» представляли собой своеобразную форму протеста русского крестьянства против крепостного гнета⁶⁵. В то же время они отражали и стремления верхов русского феодального государства, заинтересованных в установлении и развитии взаимовыгодных торговых отношений с Японией. В процессе осуществления этих исканий происходило культурно-хозяйственное освоение новых территорий. Это направление движения русских «встречь солнца» является одной из важных, но пока еще слабо освещенных форм освоения Сибири и Дальнего Востока, которую основоположник советского сибиреведения С. В. Бахрушин назвал церковной колонизацией⁶⁶.

Открытие русскими землепроходцами в первой половине XVII в. пути к островам, лежащим между Тихоокеанским побережьем Азии и Японией, привело к тому, что у русских впервые появился новый источник сведений об этой стране — сведения местных народов Дальнего Востока, прежде всего нивхов (гиляков).

В августе 1652 г. от устья р. Зеи вниз по Амуру отправилась группа казаков из отряда Ерофея Хабарова численностью около 30 человек во главе со Степаном Поляковым, Косткой Ивановым и Логином Васильевым. В сентябре того же года в нижнеамурском селе Маго («Маховинский улус») они получили от нивхов новые, не известные ранее в России сведения о Японии.

Документ С. В. Полякова, в котором содержатся эти сведения, датируется Б. П. Полевым, разыскавшим его в Москве в Центральном государственном архиве древних актов, 1653 г. Японцы, со слов нивхов, путешествовавших через о. Сахалин на о. Эдзо (Хоккайдо), называются в отчете С. В. Полякова «чижемы» — от нивхского «сизем», или «сисам», восходящего к айновскому «шишам» («соседи») от «ямшишам» («южные соседи») ⁶⁷.

⁶¹ См. Якутская приказная изба, столбец № 422. Якутск, 1651. Приводится по: Н. Оглобин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. — Журнал Министерства народного просвещения. Спб., 1903, май, стр. 61.

⁶² Т. Есида, сост. Цит. соч., стр. 490.

⁶³ См. Б. П. Полевой. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVIII в. — «Сибирский географический сборник». М — Л., 1964, 3, стр. 238—239.

⁶⁴ «Сибирский вестник». Спб., 1821, ч. XV, стр. 46 (273).

⁶⁵ Н. Н. Покровский. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVII в. — «Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)». М., 1973, стр. 384.

⁶⁶ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1954, т. 2, стр. 16.

⁶⁷ См. Б. П. Полевой. Первые сведения сибирских казаков о японцах. — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР за 1970 г. Л., 1970, стр. 55.

В «отписке» С. В. Полякова «государю и великому князю Алексею Михайловичу» говорится: «По морю живут чижемы, а от чиж[емов] идет к гилякам железо и медь и серебро, родитца ли в чижемах или нет того не ведают. А поймали де их гиляков в аманаты (заложники. — К. Ч.) Стенька Поляков да Костка Иванов с товарищи девяти человек, Ерофеевы (Хабарова. — К. Ч.) де поимки гиляка четыре человека и с теми, что сами два человека пришли в острог, а золото, де и серебро... узорочные товары идут из Никанские (китайские. — К. Ч.) земли.

Сентября 2 дня Дмитрий Иванович ... нов ... расспрашивал жонку Могоксану, [про] [ко]торую писал к государю, царю и [великому] князю Алексею Михайловичу...»

Эти сведения о Японии в 1674 г. в Посольском приказе в Москве были изложены С. В. Поляковым Н. Г. Спафарию перед отъездом последнего в 1675 г. с дипломатической миссией в Китай. Они нашли свое отражение в главе о «славном и великом острове Японском» в его «Описании первые части вселенныя, именуемой Азии...», в котором соединились воедино как сведения о Японии, полученные с Запада, так и добытые русскими землепроходцами, проложившими первые пути для установления взаимовыгодных торговых отношений между Россией и Японией.

Другим источником сведений о Японии были «неведомые письмена», доставленные в 1695 г. в Анадырский острог казаком Лукой Морозко из Камчадальского острога на р. Тигиль на Камчатке. Получив эти «неведомые письмена», В. Атласов направился на юг Камчатки, где встретился с японцем по имени Дэмбээй, которого он направил в Петербург для встречи с Петром I, проявлявшим к Японии большой интерес и стремившимся завязать с нею добрососедские отношения, способствующие экономическому прогрессу обоих государств.

* * *

Таким образом, исследование вопроса о возможных путях проникновения к русским первых сведений о Японии позволяет, как представляется, прийти к выводу, что до XVII в. имели место лишь отдельные, единичные случаи получения весьма неопределенных, самых общих или фрагментарных сведений об этой стране, главным образом русскими, находившимися за пределами своего государства — в странах Арабского Востока, в Монголии, Китае.

Начиная с XVII в. эти сведения начинают проникать в Россию как из стран Западной Европы — Португалии, Испании, Голландии, Англии, Германии, корабли которых стали плавать к японским берегам, так и непосредственно от первых японцев в нашей стране и русских землепроходцев и мореплавателей, приступивших к освоению дальневосточных районов Тихого океана, граничащих с Японией.

КОММЕНТАРИИ

СССР и Филиппины: хорошее начало

Н. Н. Дмитриев

В конце мая — начале июня 1976 г. в Советском Союзе с официальным визитом находился президент Республики Филиппины Фердинанд Э. Маркос. Во время визита состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом Ф. Маркосом, были проведены советско-филиппинские переговоры. Высокий гость из Республики Филиппины, кроме Москвы, посетил Ленинград, Волгоград и Ташкент, сделал кратковременные остановки в Новосибирске и Хабаровске.

Это был первый визит главы филиппинского государства в Советский Союз, и уже в силу этого он имел важное значение для развития советско-филиппинских отношений. Если же учесть зафиксированные в подписанных в результате визита документах договоренности, то можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что значение визита выходит далеко за рамки двусторонних отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины.

Основным документом, подписанным 2 июня в Кремле, было Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины. В нем было четко определено, что отношения между нашими странами будут основываться на принципах мирного сосуществования: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, а также равенства и взаимной выгоды в соответствии с Уставом ООН.

Нужно признать, что путь наших стран к установлению дипломатических отношений не был легким.

4 июля 1946 г. Филиппинам, колонии США, была предоставлена «независимость». По этому поводу газета «Филиппин пресс» 1 апреля 1946 г. писала: «4 июля 1946 года Соединенные Штаты сыграют с нами грандиозную шутку. В этот выдающийся день под аккомпанемент военной музыки, парадов и спичей великодушный дядя Сэм с безупречным, открытым лицом объявит нашу страну «свободной и независимой». Этим великим жестом Соединенные Штаты Америки установят образец чудовищного вымогательства... 4 июля 1946 года мы будем свободными и независимыми... но и в последующие годы мы не сможем назвать нашу страну своей собственной. Мы обнаружим, к нашему ущербу, что друг, который вошел в наш дом, приобрел все здание, а мы должны будем быть благодарны, если он милостиво разрешит нам занять мансарду».

Оснований для таких высказываний было более чем достаточно. С предоставлением «независимости» Филиппинам США сохраняли на территории страны свои войска с правами экстерриториальности. Принятые американским правительством в 1946 г. специальные законы, ставили задачу сохранить колониальный характер филиппинского хозяйства, увековечить экономическую зависимость Филиппин от американского капитала, превратить страну в постоянную опорную базу для американской армии и флота в западной части Тихого океана. Например, по так называемому «закону о торговле» ввоз филиппинских товаров в США ограничивался специальными квотами, а квоты на основные виды филиппинского экспорта — сахар, льняковые изделия и др. — распределялись между экспортерами в тех же пропорциях, как и в 1940 г. Это было равнозначно узаконению ранее существовавших торговых отношений между Филиппинами и США, то есть американской монополии на внешнюю торговлю Филиппин. Этим же «законом» предусматривалось, что в течение 28 лет американские граждане и компании будут допускаться на равных с филиппинцами основаниях к эксплуатации природных ресурсов Филиппин. Эти кабальные условия, а их по-другому назвать нельзя, были в последующем закреплены в договорах и соглашениях, заключенных США с Филиппинами. В области военной — это соглашения о военных базах (1947 г.), о военной помощи (1947 г.) и договор о совместной обороне

(1954 г.), а в области экономической — торговое соглашение Лауреля-Ленгли. По военным соглашениям Филиппины «предоставили» США право арендовать на своей территории 23 района под военные базы сроком на 99 лет, а США обязывались оказывать Филиппинам военную помощь в случае иностранной агрессии или развертывания антиправительственного движения внутри страны.

В течение 20 лет, прошедших после второй мировой войны, правящие круги страны, слепо следуя указаниям из Вашингтона, отвергали любую возможность налаживания связей и контактов с социалистическими странами. Антикоммунистический курс тогдашних филиппинских правительств нашел свое выражение, в частности, в принятых законодательных актах. Речь идет о решении правительства, принятом в конце 1946 г., запрещающем филиппинцам поездки в социалистические страны, а также о законе 1957 г. о борьбе с так называемой «подрывной деятельностью», на основании которого запрещались какие бы то ни было связи и контакты с социалистическими странами. В июне 1960 г. президент Филиппин Гарсия в интервью швейцарской газете «Ди Тат» заявлял: «Филиппины и в дальнейшем не будут устанавливать ни дипломатических, ни экономических, ни каких-либо иных отношений с коммунистическими странами. До тех пор пока я стою во главе государства, политический принцип отказа от установления дипломатических и торговых отношений с коммунистическими странами останется неизменным».

Со стороны Советского Союза неоднократно предпринимались попытки наладить связи с Филиппинами, однако на них следовала либо негативная реакция, либо они вообще оставались без ответа.

Однако такое положение не могло продолжаться вечно. На Филиппинах росли настроения в пользу проведения самостоятельной и независимой политики как внутри страны, так и на международной арене. Укреплялось и ширилось стремление филиппинцев стать подлинными хозяевами своей страны, своих недр и богатств.

В 1965 г. президентом Филиппин становится Фердинанд Эдриналин Маркос, видный политический деятель, активный участник борьбы против японских оккупантов в период второй мировой войны.

Именно с этого времени в политике Филиппин начинают проявляться новые моменты, свидетельствующие о начале процесса переоценки внутривнутриполитического и внешнеполитического курса.

В области внешней политики это стало проявляться в стремлении филиппинского правительства установить более равноправные отношения с США, в попытках ослабить зависимость от Вашингтона путем развития отношений с другими странами, в установлении дипломатических отношений с некоторыми социалистическими странами, в налаживании политических контактов, торгово-экономических и культурных связей с Советским Союзом и т. д. Пусть на начальном этапе практические шаги филиппинского правительства в этом направлении и были, возможно, недостаточно твердыми, все же можно с уверенностью говорить о том, что курс на достижение независимости был взят со всей определенностью.

Уже в марте 1966 г. президент Ф. Маркос заявил о намерении правительства изучить вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Это уже само по себе создавало условия для советско-филиппинских контактов и связей.

Советский Союз начинают посещать государственные и политические деятели Филиппин, представители деловых кругов, художественные коллективы. В свою очередь на Филиппины выезжают разные советские делегации, общественные деятели, мастера искусств.

На Филиппинах тепло принимали артистов балета Большого театра, ансамблей «Юность», «Березка», «Кабардинка», а также отдельных исполнителей. Советские зрители по достоинству оценили искусство филиппинских хореографических ансамблей «Баянихан» и «Филиппинескас», дирижера манильской филармонии Ромеро, хора «Мандригал» и т. д.

По инициативе президента Ф. Маркоса устраняются некоторые барьеры, существовавшие на пути налаживания торгово-экономических связей. В ноябре 1971 г. филиппинское правительство приняло решение, в соответствии с которым деловым кругам страны разрешалось получать кредиты в социалистических странах, а в марте и мае 1972 г. были изданы декрет и циркуляр, отменявшие ограничения на торговлю со странами социалистического лагеря и дискриминационные меры в отношении захода в филиппинские порты судов социалистических стран. В послании конгрессу «О положении страны» 25 января 1971 г. президент Ф. Маркос, поясняя необходимость для Филиппин установить отношения с Советским Союзом, говорил, что к этому страну толкают два обстоятельства: «во-первых, срочная необходимость расширить рынки сбыта и, во-вторых, признание того факта, что с тех пор, как мы стали независимой страной, мы упорно закрываем глаза на существование одной шестой части земного шара, то есть социалистического мира».

Знаменательным событием в советско-филиппинских отношениях явился визит в Москву в марте 1972 г. супруги президента Имельды Ромуальдес Маркос.

По договоренности с филиппинской стороной в Маниле с ноября 1972 г. начал работать постоянный корреспондент газеты «Правда», а с июля 1973 г. — постоянный корреспондент ТАСС.

Определенное развитие получили советско-филиппинские связи в торгово-экономической области. Достаточно сказать, что в 1974 г. торговый оборот между нашими странами составил сумму свыше 14 млн. рублей. Это довольно высокий уровень связей, если учесть отсутствие торгового соглашения, которое определяет принципы отношений между странами в такой важной области, каковой является торговля.

Советский Союз посетил ряд делегаций филиппинских деловых кругов, представители советских внешнеторговых организаций выезжали на Филиппины. В частности, в сентябре 1973 г. в Маниле представители МВТ и МИД Филиппин подписали «Меморандум о взаимопонимании», суть которого состояла в выражении готовности обеих сторон принять меры к проведению переговоров и заключению торгового соглашения между Советским Союзом и Филиппинами.

Установились контакты между советскими и филиппинскими организациями в области судоходства и авиационного сообщения. В марте 1974 г. находившаяся на Филиппинах делегация Министерства морского флота подписала соглашение о создании смешанной советско-филиппинской пароходной компании по перевозке филиппинских внешнеторговых грузов. Двухгодичный опыт работы компании показывает ее эффективность и взаимовыгодность. Для Филиппин создание совместной компании имело чрезвычайно важное значение. Объясняется это главным образом тем, что внешняя торговля страны практически полностью зависит от морских перевозок, так как 99,5% всего объема экспорта и импорта перевозится морским транспортом. При этом на судах иностранных компаний перевозится около 85% всех внешнеторговых грузов Филиппин. Успешная работа совместной советско-филиппинской пароходной компании позволила несколько ослабить зависимость филиппинских внешнеторговых перевозок от прихотей и условий, выдвигаемых зачастую иностранными судовладельцами.

Таким образом, к 1976 г. и Советский Союз и Филиппины создали значительный задел в развитии связей и контактов, настоятельно требовавших перейти на новую, более высокую ступень взаимного общения — развитие взаимовыгодных отношений при наличии нормальных дипломатических отношений между двумя странами.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, выступая на приеме в честь президента Ф. Маркоса 31 мая 1976 г., говорил: «По нашему убеждению, которое, как мы понимаем, разделяется и Вами, господин Президент, скорейшее установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины подняло бы эти отношения на качественно новую ступень и способствовало бы их устойчивому и поступательному развитию на основе принципов мирного сосуществования»¹.

В ответ на это высказывание президент Ф. Маркос дал следующую оценку своему визиту в Советский Союз и установлению дипломатических отношений между нашими странами: «Наш визит в Советский Союз — первый визит Президента Филиппин — является проявлением нашей политики налаживания нормальных и взаимовыгодных отношений со всеми дружественными странами независимо от различий в их политических и социальных системах. Он является вехой в эволюции отношений между Филиппинами и остальной частью мира, эволюции от колониализма к особому подходу по отношению к национальной независимости, к опоре на свои собственные силы и проведению одинаковой политики дружбы со всеми странами»².

В ходе визита было подписано торговое соглашение, которое регулирует отношения между двумя странами в этой важной области, определяет принципы торгово-экономических связей, в которых одним из главных является принцип наибольшего благоприятствования.

Другим важным документом, подписанным во время визита президента Ф. Маркоса в Советский Союз, которым как бы определялись направления развития и расширения отношений между двумя странами, было Совместное советско-филиппинское заявление.

Это Заявление охватывает довольно широкий круг вопросов как двусторонних отношений, так и международного положения.

В Заявлении было подтверждено, что развитие отношений между Советским Союзом и Республикой Филиппины на основе принципов мирного сосуществования послужит интересам обеих стран и упрочению мира и безопасности в Азии и во всем мире. Стороны высказали готовность предпринять практические шаги для налаживания сотрудничества в различных областях на стабильной основе. О каких же конкретных шагах идет речь? Во-первых, как подчеркивается в Заявлении, стороны согласились поручить соответствующим советским и филиппинским организациям изучить возможность дальнейшего увеличения объема торговли и расширения номенклатуры товарооборота к взаимной выгоде.

¹ «Правда», 1.VI.1976.

² Там же.

Во-вторых, была высказана заинтересованность в налаживании научно-технического сотрудничества между двумя странами и выражено в этой связи намерение содействовать обмену учеными и аспирантами, расширению контактов между научно-исследовательскими институтами и организациями обеих стран.

В-третьих, в Заявлении подчеркнута важность культурного обмена для развития взаимного понимания и дружбы между народами обеих стран и высказано согласие и впредь поощрять развитие контактов в области культуры, образования и спорта.

Как и на Советском Союзе, так и на Филиппинах наблюдается интерес к расширению торгово-экономических связей. Выражением этого интереса явилось подписанное в Москве 1 июня соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой СССР, Торговой палатой Филиппин и Промышленной палатой Филиппин. Это соглашение предусматривает содействие в развитии торгово-экономических связей между двумя странами, и в том числе в организации выставок, обмене делегациями деловых кругов и технических специалистов. В плане осуществления этого соглашения Советский Союз принял участие в Международной торговой ярмарке, которая проходила в октябре 1976 г. в Маниле.

К области взаимных интересов можно отнести также воздушное и морское сообщение, рыболовство и т. д. По этому поводу Н. В. Подгорный говорил: «Учитывая, например, что через территории наших государств проходят важные международные коммуникации, соединяющие страны Юго-Восточной Азии и Тихого океана с Европой, можно было бы предпринять конкретные шаги к налаживанию сотрудничества в области морского и воздушного сообщения»³. Установление прямого воздушного сообщения привело бы к созданию кратчайшей воздушной трассы, соединяющей Филиппины с Европой, а Советский Союз и европейские страны с государствами южной части бассейна Тихого океана. Воздушный мост Манила — Москва — это не только коммерческие выгоды, это еще один путь к расширению и укреплению взаимопонимания между народами Советского Союза и Филиппин.

Значительное место в Совместном советско-филиппинском заявлении отведено вопросам международного положения. В нем отражены общность и единство взглядов наших стран по наиболее узловым вопросам современности. К ним в первую очередь нужно отнести положительную оценку углубляющейся в мире тенденции дальнейшей разрядки напряженности, расширения международного сотрудничества, укрепления мира и безопасности народов. В этой связи была дана высокая оценка позитивных итогов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Единство точек зрения Советского Союза и Филиппин по проблемам разрядки и необходимости ее распространения на Азиатский континент было отражено в соответствующей части Совместного заявления. В нем, в частности, была выражена решимость обеих стран всемерно содействовать дальнейшей разрядке напряженности в этом районе, созданию условий для превращения Азии в континент мира, свободы и конструктивного международного сотрудничества. При этом, как подчеркивалось в Заявлении, азиатские государства, большие и малые, в своих отношениях должны руководствоваться такими принципами, как отказ от применения силы, уважение национального суверенитета, невмешательство во внутренние дела, международное сотрудничество, основанное на равноправии и взаимной выгоде в соответствии с Уставом ООН.

В Заявлении нашло отражение и единство точек зрения Советского Союза и Филиппин по таким вопросам, как разоружение, роль Организации Объединенных Наций в укреплении международного мира и безопасности и необходимость повышения ее эффективности как важного инструмента мира. Была выражена солидарность с народами, борющимися против империализма и колониализма, подтверждено суверенное право каждой страны распоряжаться своими природными ресурсами и заявлено о поддержке усилий развивающихся государств, направленных на обеспечение их равноправного участия в решении вопросов международной валютной и торговой политики.

Общность взглядов и позиций Советского Союза и Филиппин по узловым вопросам современности создает хорошую базу для расширения сотрудничества между двумя странами и на международной арене. Нет сомнений в том, что совместные усилия наших стран в пользу углубления процесса разрядки, распространения его на Азиатский континент нашли бы широкую поддержку всех миролюбивых стран и народов.

1 июня состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев с президентом Ф. Маркосом, во время которой в деловой и дружественной обстановке состоялся обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений между СССР и Филиппинами, а также некоторым международным проблемам. Во время встречи было выражено удовлетворение наличием обоюдного стремления к развитию и укреплению советско-филиппинских отношений на основе равенства и взаимной выгоды, а также выявившимся совпадением и близостью позиций Советского Союза и Филиппин по многим международным вопросам, и прежде всего по таким, как укрепление всеобщего мира и международной безопасности.

³ «Правда», 1.VI.1976

Как сообщала манильская газета «Буллетин тудей», президент Ф. Маркос, касаясь встречи с Л. И. Брежневым, говорил, что на ней «состоялось откровенное, честное и спокойное обсуждение наиболее важных вопросов и политических проблем, затрагивающих интересы обеих стран»⁴.

Уже после возвращения из Советского Союза в Манилу президент Ф. Маркос, выступая на заседании кабинета министров с отчетом о переговорах в Москве, подчеркнул важность своей встречи с Л. И. Брежневым и сказал, что Советский Союз своим искренним подходом внес значительный вклад в нормализацию отношений между двумя странами и ликвидацию остатков «холодной войны».

Результаты визита президента Республики Филиппины в Советский Союз нашли широкий положительный отклик на Филиппинах и в других странах Юго-Восточной Азии. Официальные филиппинские круги, печать и общественность сходились во мнении о том, что «установление дипломатических отношений с великой державой, каковой является Советский Союз, отвечает национальным интересам Филиппин» и что значение визита выходит далеко за рамки двусторонних отношений, поскольку он должен привести к упрочению мира в Юго-Восточной Азии.

«Я счастлив сообщить филиппинскому народу,— говорил президент Ф. Маркос на аэродроме в Маниле 8 июня,— что мы установили дипломатические отношения и подписали ряд соглашений с Советским Союзом. С установлением дипломатических отношений мы приобрели нового друга»⁵. Одновременно президент Филиппин подчеркнул важное значение своего визита в Советский Союз для проведения независимого курса во внешней политике страны. Коснувшись экономического аспекта визита, президент отметил широкие возможности, открывающиеся для Филиппин благодаря расширению взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом. В частности, он выразил убеждение, что Филиппины получают большие выгоды от развития торговых связей с Советским Союзом, особенно через контролируемую государством национальную экспортную торговую корпорацию. Советский Союз, сказал он, обладает огромным опытом в экономическом строительстве, в частности, в области ирригации и сооружения электростанций. Сотрудничество в этих областях было бы исключительно полезно для Филиппин.

Манильская газета «Дейли экспресс» 5 июня 1976 г. писала: «Подписание Советского Союза и Филиппинами, а также торгового соглашения означает очень многое для обеих стран, особенно для Филиппин — развивающейся страны, которой необходимы различная техническая помощь, кооперирование и понимание осуществляемой в настоящее время программы реформ и развития. Эти договоренности открывают путь для развития и взаимовыгодной координации в различных областях и способствуют движению Филиппин к прогрессу»⁶.

Эта же газета поместила подборку писем читателей с их оценкой визита президента Ф. Маркоса в Советский Союз. Одно из таких писем озаглавлено «Уроки государственного визита Маркоса». В нем автор пишет: «Поездка президента Ф. Маркоса в Москву, если говорить об этом откровенно, представляет собой акт, которым провозглашается наша полная независимость от Соединенных Штатов Америки. Хотя прошло три долгих десятилетия после того, как дядя Сэм предоставил нам независимость, люди, разбирающиеся в действительном положении дел, знают, что эта независимость не является полной. Основной вывод визита таков: каждая нация должна действовать в соответствии со своими национальными интересами»⁷.

С таким выводом нельзя не согласиться. Визит президента Филиппин Ф. Маркоса в Советский Союз, встречи и переговоры с советскими руководителями и подписанные документы целиком и полностью отвечают национальным интересам наших двух стран. Советский Союз и Филиппины взяли хороший старт, и сейчас задача состоит в том, чтобы обеспечить плодотворное движение вперед по пути развития советско-филиппинских отношений, углубления взаимопонимания между нашими народами. Этим самым Советский Союз и Филиппины внесут достойный вклад в дело упрочения мира и безопасности народов Азиатского континента и всего земного шара.

⁴ "Bulletin Today", 9.VI.1976.

⁵ «Правда», 9.VI.1976.

⁶ "Daily Express", 5.VI. 1976.

⁷ Ibid.

КУЛЬТУРА И НАУКА

Великое наследие уйгурского народа

*А. А. Валитова,
кандидат филологических наук*

Уйгуры — один из наиболее древних тюркоязычных народов — в течение долгих веков своего существования создали богатую и многогранную художественную культуру, памятники которой вошли в золотой фонд искусства и литературы восточных народов.

Высокую оценку уйгурской культуры давали многие ученые-востоковеды, такие, как Ч. Валиханов, Г. Вамбери, М. Казембек, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, С. Е. Малов, В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков, Д. И. Тихонов, Т. Р. Рахимов, Э. Р. Тенишев и др.

Особый интерес в этом плане представляли доклады А. К. Боровкова и Е. Э. Бертельса на специальной конференции Института Востоковедения АН СССР, посвященной изучению культуры, истории и языка уйгуров (январь 1944 г., Ташкент)¹.

В своем докладе «Уйгуры в истории культурной жизни Средней Азии» А. К. Боровков отметил, что «уйгуры являются одним из древнейших тюркских народов с самобытной высокоразвитой культурой. В IX в. они появляются в Восточном Туркестане, в стране древнейших цивилизаций Центральной Азии, с которой и связана вся их последующая история»². Вместе с тем докладчик подчеркнул большое и длительное воздействие городских центров Средней Азии на культурную жизнь Восточного Туркестана.

Д. И. Тихонов и А. Г. Малявкин специально акцентировали весьма существенный момент: уйгуры создали государство, которое просуществовало около пяти веков, что «можно рассматривать как явление немаловажного значения»³. А. Г. Малявкин в этом плане так характеризовал уйгуров: «Из всех тюркоязычных народов, населявших обширные пространства Центральной Азии в средние века, уйгуры достигли наибольшего прогресса в развитии культуры, искусства и ремесел. Их государственные образования —

Уйгурский каганат, а затем отдельные княжества... позднее объединившиеся в Уйгурское турфанское княжество, — просуществовали почти 500 лет. Факт этот не имеет аналогий в истории других народов Центральной Азии того времени»⁴.

Особая сложность формирования уйгурского народа (а затем — нации) и развития его национальной культуры как в ее ранних истоках, так и в последующие периоды обусловлена сложностью исторической судьбы уйгуров⁵.

Своеобразие истории уйгурского народа заключается прежде всего в том, что на протяжении веков при всех исторических поворотах, при всех политических ситуациях уйгурские племена (а позже народ) находились на стыке трех крупных цивилизаций — среднеазиатской, индийской и китайской, что, естественно, наложило свой отпечаток на этногенез уйгурского народа и на формирование уйгурской культуры. Однако постоянно доминирующим началом было воздействие на уйгуров среднеазиатской культуры, с племенами и народами которой уйгуры были тесно связаны как общими генетическими корнями, так и более чем тысячелетними контактными связями.

Вполне закономерно поэтому органическое включение в культуру и искусство уйгуров культурных и художественно-эстетических традиций других, родственных им по быту, нравам, обычаям и языку тюркских племен и народов. Особенно это относится к сфере искусства, а также к сфере устной и письменной художественной словесности.

Наиболее значительными дошедшими до нас произведениями искусства и архитектуры Синьцзяна, являются памятники, связанные с культовыми строениями: более ранни-

² Там же.

³ Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М. — Л., «Наука», 1966, стр. 60.

⁴ А. Г. Малявкин. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, «Наука», Сиб. отд., 1974, стр. 5.

⁵ См. по этому вопросу: Ч. Ч. Валиханов. Сочинения. — «Записки РГО по Отделению Этнографии», т. XXIX, Спб., 1904; Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Перевод, примечания и дополнения В. В. Григорьева. Спб., вып. I—II, 1869—1873; А. Н. Куропаткин. Кашгария. Спб., 1879; Н. Н. Пантусов. Таранчинские песни. Спб., 1890.

¹ Д. Тихонов. Совещание по изучению уйгур. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. 3, вып. 4, 1944, стр. 177.

ман — манихейскими⁶ и буддийскими, более поздними — мусульманскими. Это пещерные храмы, комплексы гробниц, ступы, мечети, мазары⁷.

Пристальный интерес искусствоведов привлекали буддийская архитектура⁸, скульптура и настенные росписи пещерных храмов и монастырей Турфана, Карашара, Кучара, запечатлевшие ритуальные сцены прихода жертвователей-донаторов и различные сосуществования Будды. В сценах культовой живописи (несмотря на устоявшиеся, трафаретные формы) под внешне религиозной оболочкой часто проступают живые, жизненные черты, бытовые реалии, своеобразный местный колорит. И хотя (по признанию многих ученых) влияние традиций индийского искусства в буддийских памятниках чувствуется довольно сильно, синьцзянские росписи, барельефы, групповые и одиночные скульптуры, несомненно, отражают оригинальный стиль и самобытную манеру письма местных художников и ваятелей.

Вместе с тем характерно, что в памятниках искусства Синьцзяна (и близкого к нему по стилю Дуьхуана) проступают явные среднеазиатские черты⁹ с присущими буддийским художникам и мастерам техникой стенописи и средствами изобразительности, в которых отражены их эстетические представления и мировосприятие.

Особенно интересны в этом отношении храмы в Безеклике (Турфанский оазис) и памятники Шикшина, Кучара, Карашара, Хотанна, подчас перекликающиеся по сходству мотивов с Варахшей и Пенджикентом¹⁰.

Памятники мусульманской архитектуры Синьцзяна (караван-сарай-рабаты, мечети, погребальные сооружения-мазары, надгробия и т. д.) по архитектурному стилю и технике возведения строений, кладке кирпича (часто узорной), по орнаменту и лепным украшениям, деревянной и ганчевой резьбе до-

вольно близки к среднеазиатским¹¹, хотя и имеют свои специфические черты (например, так называемый «мусульманско-китайский стиль», когда в отделку мечетей и зданий включаются элементы китайских пагод, китайского зодчества).

В целом же искусство народов Синьцзяна развивалось творчески самобытно, хотя и в тесной взаимосвязи и взаимообобщении с искусством соседних народов. Причем, кроме непосредственных контактов соседского общения народов и культур, в этом процессе сыграли значительную роль караванные дороги Великого шелкового пути.

В этом плане характерно, что советский историк А. Мацулевич, осмысливая своеобразие общественного и культурного развития Синьцзяна, с древних времен находившегося на средоточии торговых путей и передвижений народов, называл его «Византией Востока».

Значительное развитие получили и другие виды искусства, особенно музыка.

Внимание путешественников и ученых давно привлекали совершенство и пластика, удивительная ритмичность уйгурского народного танца и особенно уйгурской песни как словесно-музыкальной формы искусства.

Музыкальность уйгуров, их любовь к пению, их высокую мелодическую и вокальную культуру отмечали путешественники и ученые разных времен и народов — арабские и персидские авторы¹², китаец Ван Янь-де, итальянец Марко Поло, русский ученый Н. Н. Пантусов¹³ и др. Казахский ученый Чокан Валиханов писал: «Относительно музыки младобухарцы (уйгуры Восточного Туркестана.— А. В.) пользуются у всех среднеазиатцев почетом. Музыкальный хор их составляют: двуструнная лютня — дутар и ситар... рабаб или калун, вроде цимбалов... На пириествах всегда должна быть музыка. Один или два певца под ударами ручных бубен читают стихи сначала из Алишера, а потом любовные и патриотические песни»¹⁴. Видимо, здесь речь идет об исполнении знаменитых уйгурских мелодий — двенадцати мукамов на стихи Алишера Навои и на фольклорные тексты. Эти двенадцать мукамов уйгурские музыканты из народа передавали из поколения в поколение, шлифовали, совершенствовали и обогащали в течение веков. Уйгурский народ считает мукамы одним из самых ценных созданий народных творцов, одной из вершин своего классического культурного наследия. Меж-

⁶ С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Предварительный отчет составил С. Ф. Ольденбург с 53 таблицами, планом, рисунками и планом в тексте. Спб., 1914; его же. Исследование памятников таринских культур (Восточного) Китайского Туркестана. — «Журнал министерства народного просвещения», CCCLIII, сб. 1, 1904.

⁷ Чокан Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 401.

⁸ С. М. Дудин. Архитектурные памятники китайского Туркестана. (Из путевых заметок.) Пг., 1916.

⁹ Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дуьхуана. — В кн.: «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. 1, в. 1, 1948; ее же. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна. — В кн.: «Труды Гос. Эрмитажа», т. 2, кн. 1, 1958.

¹⁰ А. Ю. Якубовский. Пенджикент. М., 1958.

¹¹ Чокан Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 469.

¹² А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурско-турфанском княжестве в IX—X веках. — В кн.: «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», вып. 4, Л., 1947.

¹³ Н. Н. Пантусов. Таранчинские песни. Спб., 1890, стр. 12—13.

¹⁴ Чокан Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 498—499.

ду тем с конца 50-х годов, когда началась национальная дискриминация неханьских народов, и особенно в период «культурной революции», начались преследования исполнителей мукамов, как «носителей идейно вредной феодальной культуры», а мукамы объявили «ядовитыми травами», что вызвало естественное возмущение уйгуров¹⁵.

На протяжении всей своей истории уйгурский народ создал богатейший фольклор: песни и народные стихи (кошак, нахша, бейит), сказки (чечек), народные анекдоты (латипэ), лиро-эпические сказания (дастан), исторические песни, легенды, предания (ривайэт), устные повествования и рассказы (кис-сеплэр), загадки (тепшикликлар)¹⁶. Некоторые жанры устной словесности уйгуров, особенно обрядовые песни и сказки, уходят своими корнями в глубокую древность и нередко сохраняют архаические представления, образы, сюжеты и мотивы.

Народная лирика, особенно песня, наиболее популярная форма уйгурской устной поэзии. Она включает в себя песни трудовые, обрядовые, лирические, бытовые, юмористические и сатирические, колыбельные и детские, соответственно тематике, социально-эстетической функции и системе образов каждой жанровой разновидности.

В уйгурских песнях сочетаются тонкий проникновенный лиризм, отточенность и изящество образного строя с глубокой эмоциональностью. В центре песни — человек с его чувствами, переживаниями, радостью и горем.

Примечательно, что арсенал уйгурских фольклорных образов и сравнений близок к выразительным средствам узбекской песенной поэзии. Эту близость можно проследить и при анализе поэтики кашгарских народных песен XI в., сохранных для нас Махмудом Кашгарским¹⁷.

Существенной чертой уйгурской народной лирики было проникновение в песни и стихи-речитативы произведений письменной литературы Востока, таких популярных авторов, как Хафиз, Саади, Джами, Навои. Особую известность получили стихи-миниатюры Навои, которые воспринимались исполнителями как свои собственные, народные творения. В этом смысле характерны наблюдения Чокана Валиханова, что поэзия Навои широко бытовала у жителей Восточного Туркестана¹⁸. Это сообщение подтверждается свидетельствами шведского путеше-

ственника Свен Гедниа и русских тюркологов В. В. Радлова и С. Е. Малова. Последний подчеркивал, что Навои «был чрезвычайно любимым, читаемым автором, и об этом свидетельствуют многочисленные, дошедшие до нас от разных веков рукописи его сочинений. И в настоящее время в Кашгарском Туркестане, даже в глухих уголках Лобнора, стихи Навои читаются, поются и декламируются. Сюжеты его поэм рассказываются в виде отдельных сказок и рассказов и проч. Все это я слышал непосредственно сам»¹⁹. Распространение поэтических фрагментов произведений А. Навои в среде уйгуров наравне с народной песенной лирикой отмечал и татарский писатель, фольклорист-уйгуровед Зариф Башири (1888—1962). Он считал, что стихи Навои органически вошли в уйгурский фольклор, причем не всегда исполнители песен и декламаций ощущали, что это — отрывки из газелей Навои.

Конечно, такое глубокое проникновение в уйгурский фольклор лучших творений классической поэзии было очень плодотворным как для развития и обогащения художественного сознания уйгурского народа, так и для совершенствования фольклорной поэтики и культуры народной песни.

Особую роль в становлении народной самосознания и формирования национального своеобразия эстетического идеала уйгуров сыграли исторические и историко-героические песни, которые народная традиция вкладывает в уста своих легендарных героев — поэта Садыр Палвана и поэтессы Назугум²⁰. В этих песнях, как и в других исторических песнях-кошаках уйгуров, особенно отражены традиции героики, патриотизма и свободолюбия народа, направленные против гнета джунгарских хунтайджей, маньчжуро-китайских правителей, а также собственных уйгурских беков и ходжей.

Сила народного гнева, жгучая ненависть к угнетателям, сконцентрированная в исторических песнях и преданиях, порожденная тяжелой многовековой борьбой и упорным стремлением во что бы то ни стало отстаивать свою народную (позже — национальную) самобытность в очень неблагоприятных исторических ситуациях, становится особенно понятной, если привести хотя бы один факт из множества свидетельств очевидцев событий, путешественников в Восточный Туркестан. В «Очерках Джунгарии» Чокан Валиханов описывает положение населения Кашгара в 1858—1859 гг. Междоусобная борьба уйгурских феодальных правителей-ходжей, насилия маньчжуро-китайских военно-феодалных властей над населением создавали

¹⁵ Сообщение уйгурского писателя Зия Самеди в мае 1971 г. (Из беседы, записанной А. А. Валитсой.)

¹⁶ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961.

¹⁷ Divanü Lûgat it-türk. Ankara, 1941.

¹⁸ Чокан Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 498—499.

¹⁹ С. Е. Малов. Мир Алишера Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — Известия АН СССР. ОЛЯ», т. VI, вып. VI, М., 1947, стр. 480.

²⁰ Н. Н. Пантусов. Таранчинские песни, стр. 6—7.

там ситуацию полного пренебрежения к ценности человеческой жизни, ценности, которую веками утверждала народная фольклорная этика и лучшие умы народа — поэты и мыслители. «В Кашгаре появились башни из человеческих голов, начали резать людей также обыденно, как режут только кур»²¹, — свидетельствует путешественник. И далее пишет: «Китайцы после изгнания ходжи, в чем они до сих пор успевали, несмотря на свою военную немощь, первым делом грабят город, топчут хлебные поля своими казенными табунами, хватают женщин, ломают мечети и гробницы, а потом принимаются за экзекуцию и тянут ее с церемониальной ужасной медлительностью.

Когда мы приехали в Кашгар, китайцы только что окончили свои разнообразные истязания, вход в городские ворота украшался длинной аллеей из тонких жердей, на которых висели в клетках желтые черепа казенных или туземцев». Естественно, что в таких условиях рождались песни, подобные той, которую привел Ч. Валиханов: «Трудно, — говорит народная песня, — содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов, но еще труднее сохранить голову, потому что вай! вай!»²². В завершающем песню эмоциональном восклицании заключена горькая ирония. Эта деталь, скупая, но весьма характерная, особо выделает внутреннюю стойкость народа, его умение противостоять трагизму внешних обстоятельств.

И понятно, что в фольклоре уйгуров поэтизируются образы героических женщин, таких, как легендарные Гуляхман, Назугум, Майимхан, Ипархан и др.

Стоицизм уйгурского народа, его мужество и жизнестойкость особенно проявились в народной сатире. В сатирических песнях, сказках, анекдотах раскрывается сила социального протеста и обличаются муллы, хаджи, бан и торгаша, китайские чиновники, правители и купцы. Оружием смеха народ бичевал лицемерие, ханжество, алчность и коварство, утверждал в сатирических жанрах свой этический и социальный идеал. Особую популярность приобрели герои народных анекдотов Насирдин Апаиди, Салай Чаккан, Молла Зайдин, Матия Халпитим, Умар Баки и др.

Из эпических сказаний уйгуров до нас дошли лишь ранние варианты эпоса об Огуз-кагане²³ в записях XI в. (фрагменты в «Словаре тюркских народов» Махмуда Кашгарского) и XIII—XIV вв. (в анонимной рукописи XV в. «Огуз-наме»), а также прозаиче-

ские варианты сказаний о Бозы-Корпеше²⁴ (уйгурская версия широко распространено у тюркоязычных народов сказания «Козы-Корпеш — Баян-слу»²⁵, о Чин-Тимур-батуре²⁶ и др. героях (в записях В. В. Радлова, С. Е. Малова и др. тюркологов).

Любовно-романтические дастаны «Тохир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», «Герип и Сенам», «Вамик и Узра» и др. бытуют в народе до сих пор. Сказочный эпос включает сказки о животных, бытовые, волшебные, авантюрно-новеллистические. Последние сыграл значительную роль в становлении прозы в письменной уйгурской литературе. Источником сказок часто служили героико-эпические и любовно-романтические дастаны, сюжеты которых, обретая традиционный сказочный облик, продолжают бытовать в народе в новой жанровой форме.

Уйгурский фольклор, как и устная поэзия других народов, — свидетельство творческой одаренности и активной жизнедеятельности народа-творца, его высокой эстетической культуры, которая при всем своем национальном своеобразии имеет большую общечеловеческую значимость.

* * *

Переходя к характеристике классической литературы средневековья, следует подчеркнуть, что значительная часть литературных памятников эпохи средневековья представляет собой общее наследие ряда тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Здесь происходил процесс, во многом аналогичный процессу развития других областей культуры. Д. И. Тихонов писал по этому поводу: «При изучении уйгурской культуры следует учитывать не только то, что сами уйгуры создали, но и все наследие этнических предшественников, вошедших составными компонентами в уйгурскую народность.

В богатой культуре, естественно, многое со временем менялось; одни явления развивались, оставались неотъемлемой частью уйгурской культуры, хотя появились они первоначально не у уйгуров, как, например, бумага, заимствованная у китайцев; другие — забывались: руническая письменность была заменена новой уйгурской, на смену которой пришла арабская; скульптурное искусство оказалось совсем забытым после

²⁴ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. 6, Таранчинское наречие. Спб., 1898.

²⁵ «Народный эпос «Козы-Корпеш и Маян-хылу». Сб. статей. Уфа, 1964.

²⁶ В. П. Юдин. Исторические корни уйгурской сказки о Чин-Тимур-батуре и Махтум-суле. — В кн.: «Вопросы уйгурской филологии». Алма-Ата, 1961. стр. 106—122.

²¹ Чокан Валиханов. Указ соч., стр. 86—87.

²² Там же, стр. 86.

²³ А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.

принятия ислама»²⁷. Вместе с тем общая культурная традиция, культурная преемственность сохранялись, творчески обновлялись, создавая неповторимо национальный облик уйгурской культуры, особенно в области художественной словесности.

Начала уйгурской письменности и литературной культуры восходят к руническим эпиграфическим памятникам VII—VIII вв., преимущественно к надписи из Суджи и к Памятнику Моюн-Чуру, каменной стеле в честь уйгурского кагана, войска которого в 745 г. одержали победу над Озмыш-тегинном, последним ханом Древнетюркского каганата²⁸. Значение этих стел, по мнению исследователей, заключается не только в том, что это — оригинальные уйгурские надписи, но они отражают также ранний этап уйгурской государственности, когда была создана Уйгурская кочевая империя. «В создании надписи следует видеть попытку осмыслить важнейший этап истории, а именно — объединение племен, принятие нового самоназвания и образования государства»²⁹. В указанном аспекте рунические уйгурские стелы имеют большое историко-познавательное значение как памятники словесности, созданные древними уйгурами, прямыми этническими предшественниками современных уйгуров.

Как памятники буддийского периода уйгурской культуры интересны переводы на тюркский язык буддийских религиозно-дидактических книг — сутр, и среди них особенно вероучительное сочинение «Алтун ярук» — что в переводе означает «Золотой блеск» (полностью — «Сняющая золотым блеском, над всеми превознесенная «царь-книга») — на древнеуйгурском языке. Рукопись «Алтун ярук», написанная уйгурским шрифтом, была найдена С. Е. Маловым в 1910 г. в одной из буддийских кумирен Вуншугу (в провинции Ганьсу) и несколько позже издана В. В. Радловым и С. Е. Маловым³⁰. «Алтун ярук» — уйгурский перевод буддийского сочинения с китайского языка, сделанный в X в. искусным переводчиком Сынгку Сели Тудунгом, жителем города Бешбалыка, который до 913 г. был столицей уйгурского каганата. Как сочинение религиозного характера, причем не оригинальное, а переводное, «Алтун ярук» по содер-

жанию особого художественного интереса не представляет. Но оно является ценнейшим памятником древнеуйгурского языка и древнеуйгурской письменности, а также памятником домусульманской культуры и литературы уйгуров, исповедовавших буддизм. Кроме того, в обширном предисловии к «Сутре Золотого блеска» содержится две легенды (легенда о правителе Кю-Тау и легенда о принце и тигрице), которые обладают несомненными литературными достоинствами и, возможно, восходят к фольклорным корням.

Вершиной историко-литературного процесса раннего средневековья было творчество Юсуфа хасс-хаджиба Баласагуни (род около 1021 г., год смерти неизвестен), автора одного из наиболее древних произведений светской литературы тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана — поэмы «Кутадгу билиг» («Знание, дающее счастье»). Поэма была завершена в Кашгаре в 1069 г. и посвящена караханидскому правителю Табгач Богра-хан Абу-Али-Хасану, сыну Сулейман-Арслан Карахакана. Написана на тюркском караханидском языке, который тюркологи условно обозначают как «д»-уйгурский язык.

До нашего времени сохранилось три рукописи поэмы: Венская (или Гератская), написанная уйгурским шрифтом, Каирская и Наманганская — арабским шрифтом.

Как известно, биографические сведения о Юсуфе Баласагуни очень скудны. Основное представление о нем дает анализ его поэмы. Автор «Кутадгу билиг» был высокообразованным человеком своего времени, обладал обширными познаниями и эрудицией как в области гуманитарных, так и естественных наук: литературы, истории, философии, географии, математики, химии и особенно медицины, не говоря уже об обязательных для того времени богословских науках и мусульманском юридическом законодании. Баласагуни отразил в своем творчестве достижения науки и культуры своей эпохи. Он проповедовал глубокое уважение к человеческому разуму, всячески пропагандировал светские знания.

Социально-этические положения и государственно-политические принципы Юсуфа Баласагуни говорят о его глубоком изучении государственно-этического учения Абу Али ибн Сины (Авиценны).

Поэма «Кутадгу билиг» представляет собой одновременно и художественное произведение, и эτικο-дидактический, и политический трактат, в котором автор высказывает свои мысли и взгляды на различные вопросы политики, государственного управления и военной организации страны, тесно связывая политику с гносеологическими и этическими проблемами³¹.

²⁷ Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М. — Л., 1966, стр. 200.

²⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л., 1959, стр. 30—44.

²⁹ Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., стр. 217.

³⁰ Suvagnarabhasa («Сутра Золотого блеска»). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов (Bibliotheca Buddhica), XVII, вып. I—VIII, Спб., 1913; Пгр., 1917.

³¹ Подробнее об этом см.: А. А. Валитова. К вопросу о мировоззрении

Убеденный идеолог караханидской династии, направивший всю силу своего ума и таланта на укрепление караханидского государства, Юсуф Баласагуни был деятельным представителем караханидской феодальной знати и прекрасно разбирался в тонкостях феодальной политики своего времени. Феодальная психология пронизывает всю поэму, начиная от общественно-политических установок автора до его естественно-научных взглядов.

Но вместе с тем поэт и мыслитель Юсуф Баласагуни был наиболее умным и дальновидным представителем своего класса. Его идеи всемерно способствовали развитию производительных сил страны — расширению ремесла, земледелия, скотоводства, торговли. Эти устремления Юсуфа Баласагуни выгодно отличали его от многих представителей господствующего класса того времени, хотя бы от позиции Махмуда Газневи³². В отличие от принципов Махмуда Газневи это не было тщеславным желанием устроить только столицу и блеск своего двора за счет притока награбленных богатств извне (хотя и у него имеется проповедь о необходимости завоеваний), а стремлением к настоящему, действительному развитию всех внутренних возможностей государства, к развитию страны за счет интенсивного подъема экономики разных ее областей.

Юсуф Баласагуни понимал, что чрезмерное взимание налогов и поборов может привести к истощению казны государства. С целью установления известного контроля над феодалами он предлагает правителю ввести особую систему обложения населения податями. Он советует разделить все население в зависимости от имущественного состояния на три категории — зажиточных (бай), средних (орта) и бедных (чигай) — и взимать с них определенную установленную долю, не превышающую их экономических возможностей.

Не возлагай бременн богачей
на средний слой населения,
Ибо это изнурит средний слой,
приведет его к гибели.
Не возлагай бременн среднего
сословия на бедняков,
Ведь бедняки погибнут от голода,
корень их жизни оборвется.
Если же помочь бедному человеку,
он станет средним.
Если ж дать передышку среднему слою,
он станет богатым.
Бедный станет средним,
средний — богатым,
А если средний станет богатым,
то разбогатает весь твой народ.

Юсуфа Баласагунского (политические поучения среднеазиатского мыслителя XI века); — «Краткие сообщения Института Народов Азии АН СССР», вып. 7, М., 1964.
³² А. Ю. Яковлевский. Махмуд Газневи. — В кн.: «Фердовси. 934—1934». Л., 1934.

Как видно из текста, Юсуф Баласагунский полагал, что такая упорядоченная система, построенная на принципе внутренней пропорциональности общества, даст возможность упрочить положение всех слоев населения, обеспечит благосостояние государства. Однако при господстве феодальной удельной системы икта теория Юсуфа Баласагуни с ее ориентацией на интенсивный рост и раскрытие внутренних потенциальных хозяйственной организации страны, разумеется, была совершенно неосуществима и представляла своеобразную утопию прогрессивного поэта-мыслителя.

Юсуф Баласагуни стремился выявить новые стимулы развития страны, указать средства к упорядочению государственного строя, внести в него стройную организацию, подобную саманидской. С этой целью он творчески использовал существующую книжную традицию поучений-адабов, взгляды Авиценны на государство, положения поэта-мыслителя Фирдоуси и утопические тенденции восточных «Александрий»³³. Известное воздействие оказали на автора и этико-политические идеи буддийских мыслителей. Позиции этих ученых и писателей получили в «Кутадгу билиг» самобытное преломление применительно к конкретно-историческим условиям и общественным потребностям караханидского государства того времени.

«Кутадгу билиг» — ярко выраженное нравоучительное произведение, написанное в форме диалогов-наставлений. Особенности его художественного стиля органически связывают поэму как с родной поэту фольклорной средой, так и с традициями уйгурской домусульманской поэзии Восточного Туркестана, с бухарской поэтической школой X века и с «Шах-наме» Фирдоуси.

Юсуф Баласагуни был поэт-новатор. Впервые в истории тюркоязычной поэзии он ввел количественную систему стихосложения — аруз, причем сделал это очень талантливо, что свидетельствует о выдающемся творческом даровании поэта, о его большой творческой смелости.

Значение поэмы «Кутадгу билиг» для дальнейшего развития уйгурской поэзии, этико-эстетической и социально-политической мысли очень велико. Политический вес поэмы определяется еще и тем, что «Кутадгу билиг», по существу, первый систематически изложенный трактат о принципах государственности, дающий согласно взглядам и убеждениям автора основы государственного управления применительно к Караханидскому государству со столицами в Бала-

³³ Подробнее см. в работах: Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М. — Л., 1949; А. А. Валитова. Отражение в «Кутадгу билиг» легенды об Александре Македонском и ишице шах-заде. — В кн.: «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. 63, М., 1965.

сагуне, Кашгаре, Узгене и Самарканде. Последнее обстоятельство весьма знаменательно для уйгуров и других народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Ведь известно, что чаще всего литературные явления и жанры возникают в такие исторические моменты, когда в обществе назревает насущная социальная потребность именно в определенном роде произведений.

Очень близко к поэме «Кутадгу билиг» по своей социально-эстетической направленности, по идеям, поэтическому жанру и словесным изобразительным средствам стоит произведение Ахмада Югнаки, написанное, по словам самого поэта, на кашгарском языке:

Родина поэта называется Югнак,
Эта свежая и удивительная земля
привлекает души.

Имя отца его — Махмуд Югнаки,
Сын же — поэт Ахмад, это точно.
Название его книги — «Подарок истин»
(так по-арабски).

Само же сочинение целиком
написано на кашгарском языке.
Поэт высказал (свои мысли)
изысканным слогом.

Всякий, кто знает кашгарский язык,
Воспримет все сказанное поэтом.

Ахмад Югнаки (полное имя — Ахмад ибн Махмуд Югнаки; год рождения и смерти неизвестны) — поэт XII в., слепец, родом из селения Югнак. Его поэма «Подарок истин» («Хибат ал-хакаик») дошла до нас в двух рукописях, написанных двумя шрифтами — уйгурским и арабским. Впервые поэма издана в Стамбуле в 1915—1916 гг.³⁴ Стоит она из 506 стихотворных строк филолско-дидактического характера. Поэма трактует о «вечных» вопросах бытия, о назначении человека в обществе. Критически относясь к окружающей его действительности, поэт видит многие отрицательные явления, и это отражается в его суждениях, подчас окрашенных в мрачные тона: о быстротечности человеческой жизни, непостоянстве всего земного, но вместе с тем он постоянно подчеркивает пользу знаний и вред невежества, осуждает заносчивость и алчность. Особенно высоко ценит Ахмад Югнаки науку³⁵.

Конечно, в высказываниях Адиб Ахмада есть и противоречивые утверждения, естественные для средневекового поэта-мысли-

теля, по современному читателю весьма импонирует его убежденный гуманизм, его глубокая вера в возможности человека, его призы относятся к людям справедливо и проявляют человеколюбие: «Не применяй силы, не мучай человека, если человек попал в беду, помоги ему», — говорит поэт.

Как видим, несмотря на историческую ограниченность своего мировоззрения, обусловленного эпохой и средой, Адиб Ахмад во многом был выразителем передовых взглядов своего времени. Продолжая традиции Юсуфа Баласагунского, Адиб Ахмад развивал его идеи необходимости социального прогресса и утверждал высокую ценность человеческой жизни.

Феноменальное явление в истории культуры народов Восточного Средневековья представляет собой Махмуд Кашгарский, ученый-филолог и фольклорист, знаток тюркских языков и фольклора. Родился, видимо, в Кашгаре, в семье, происходившей из рода кареханидского правителя Насра ибн Али. Получил прекрасное филологическое образование, вероятно, в медресе Кашгара и Багдада. Блестяще владел арабским, персидским языками, изучил множество тюркских языков и диалектов. Биографические сведения о нем крайне скудны. Известно только, что он жил в Багдаде, много путешествовал по странам и областям тюркоязычных народов и племен. В течение 1072—1074 гг. составил на арабском языке свой знаменитый «Словарь тюркских наречий» (Диван лугат ат-тюрк), который посвятил халифу ал-Муктади. Этот труд Махмуда Кашгарского, написанный с применением новейших для того времени научных методов арабской филологии к изучению и систематизации тщательно собранного им этнографического, фольклорного и лингвистического тюркоязычного материала, имеет исключительную ценность для языковедов, фольклористов и этнографов в силу своей уникальности. Это единственный памятник тюркской диалектологии столь раннего времени, дающий представление о ряде фонетических и морфологических явлений и о специфике диалектных форм³⁶. Кроме очень существенных лингвистических данных и весьма содержательных сведений по этнической истории и этнической ономастике. «Словарь» содержит тексты устно-поэтического творчества тюркских племен и народов Средней Азии, Восточного Туркестана, в том числе и фольклорные этимологии ряда этнонимов (уйгуров, карлуков и т. д.). В «Словаре» Махмуда Кашгарского представлены основные жанры тюркоязычного фольклора (в качестве иллюстративного материала к тому или иному слову) — песни обрядовые и лирические, отрывки героического эпоса (плач об Алп-Эр-Тонга-Афра-

³⁴ Неджиб Асим. Хибат ал-хакаик. Стамбул, 1334. (Издано в арабской графике.)

³⁵ Е. Э. Бертельс. «Хибат ал-Хакаик» Ахмада Югнаки. — В кн.: Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Новая серия. Выпуск 3, Гуманитарные науки, книга 1, Ташкент, 1945, стр. 29—45; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. — Л., 1951, стр. 316—322.

³⁶ Н. А. Баскаков. О периодизации истории литературного языка «тюрки». — Сб. «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973.

смабе, предводителя джигитов храбрце Ясмиль-беке и др.); исторические предания и легенды (о походе Искандар Зиль-Каршайна — Александра Македонского в область уйгуров, тюрков-чигилей), более четырехсот пословиц, поговорок и устных изречений, причем с указанием, у каких именно племен и народов они бытуют и в каких случаях жизни применяются. Встречаются в «Словаре» и отрывки письменной поэзии того времени.

Значение труда Махмуда Кашгарского еще и в том, что благодаря наличию «Словаря тюркских наречий» фольклористы-тюркологи имеют возможность изучать фиксированную художественную форму, поэтический словарь и фразеологию устной поэзии тюрков (в том числе и уйгуров) XI в. и более ранних веков, сопоставлять их с бытующим ныне фольклором, что весьма важно при решении сложных проблем генезиса и развития фольклорных жанров. Этого лишены, к сожалению, филологи многих народов.

В истории уйгурской культуры «Словарь» Махмуда Кашгарского — одна из крупнейших и знаменательных вех.

Кроме упомянутых здесь произведений, составляющих культурное наследие тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана, в первую очередь уйгуров и узбеков, до нас дошли многочисленные рукописи ряда исторических трудов и сочинений. Изучение их показывает, как высока была для феодального Востока степень развития исторической науки и особенно культуры создания рукописной книги. Написание и оформление рукописной книги, каллиграфическое выполнение текстов как на уйгурском, так и на арабском алфавите — весь комплекс работ, создающих рукописную книгу, был подлинным искусством, свидетельствующим о высоком художественном вкусе уйгурских художников и писцов (или переписчиков) — битикчи³⁷, бахши.

В рукописных хранилищах мира, особенно в Азиатском музее (совр. рукописный Отдел Института Востоковедения АН СССР), хранится много рукописных сокровищ, относящихся к X—XX вв. В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов и другие тюркологи высоко ценили культуру восточной рукописной книги, которая свидетельствовала о тесной связи различных писцовых школ, в том числе кашгарской, среднеазиатской и гератской.

Новый этап развития уйгурской литературы³⁸, как определяют современные уй-

гурские исследователи, начинается с творчества Мухаммада Имина Хиркати (1634—1724), кашгарского поэта, автора поэмы «Мухаббат-наме ва мехнаткам» («Книга о любви и труде»), где в аллегорической форме восславляется человек, его высокие духовные качества, возвышающая человека любовь и создающий ценности труд. Вслед за Хиркати творили поэты-лирики — современники яркендец Залили (ок. 1674—1743) и хотанец Новбати.

В XIX в. среди ряда талантливых поэтов блеснул своим особым дарованием кашгарский уроженец поэт Абдураим Низари³⁹, автор поэмы о двух влюбленных «Рабийя и Саадин»⁴⁰ и др. произведений.

Центральная фигура уйгурской литературы XIX в. — Билад Назым⁴¹ (1824—1899), разносторонний писатель, эпик и лирик, автор «Повести о Назугум», «Книги о священной войне мусульман против китайцев», поэмы «Чанмоза Юсуфхан» и поэтических сборников (преимущественно газелей и мухаммасов). Связанный с господствующими слоями общества по рождению и воспитанию, поэт сумел подняться выше представлений и взглядов своего класса, создать ряд замечательных творений, пронизанных пафосом вольнолюбия, социального протеста и национально-освободительных идей.

В течение XI—XIX вв. культурный и литературный процесс в Восточном Туркестане развивался непрерывно. Несмотря на драматизм истории уйгурского народа, на неоднократные завоевания китайскими милитаристами, войны, усобицы хождей, которые влекли за собой не только уничтожение тысяч жизней, разрушение городов, селений, оросительной системы, но и невосполнимую утрату культурных ценностей (рукописей, книг, иллюстраций-миниатюр и т. д.), культурное и литературное развитие уйгурского народа было в конечном итоге поступательным. Народ бережно хранил в своей памяти большой художественный фонд фольклора, сохранял свои рукописи и книги.

Вместе с процессом консолидации уйгурского народа, формирования его в нацию развивалась и уйгурская культура, вбирая в себя многовековой художественный опыт народа и классической литературы, обогащая творческими взаимосвязями. Постепенно она обрела яркую национальную самобытность, свои особенные неповторимые

³⁹ Д. М. Рузиева. Традиции Алишера Навои в творчестве Абдурахима Низари (к вопросу узбекско-уйгурских литературных связей). Автореферат канд. диссертации. Ташкент, 1974.

⁴⁰ С. Моллаудов. Дастан «Рабийя-Саадин» Низари. — В кн.: «Вопросы уйгурской филологии». Алма-Ата, Изд-во АН СССР, 1961, стр. 101 (на уйгур. яз.).

⁴¹ «Коммунизм туги». I. IV. 1975 (на уйгур. яз.). Материалы к 150-летию со дня рождения поэта. См. также: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3.

³⁷ Термин «битикчи» — писец, переписчик — очень древний; встречается еще в тюркоязычных рунических памятниках, а затем в «Кутадгу билиг» (глава «Каким должен быть писец») и в «Словаре» Махмуда Кашгарского.

³⁸ М. К. Хамраев. Веков неумирающее слово. Алма-Ата, 1969, стр. 24.

национальные черты и качества, порожденные свойственным народу мировосприятием. Отпечаток высокой культуры древнего народа—земледельца, искусного садовода и хлебопашца, неутомного оросителя пустынь,—упорного и настойчивого в труде, стоически защищающего свою национальную гордость, самобытность и достоинство от различных притязаний,—этот отпечаток лежит на всех проявлениях его духовной жизни.

Основную общечеловеческую значимость уйгурской духовной культуры при всей ее

самобытности, как и культуры каждого народа, составляют демократические идеи гуманизма, патриотизма, свободолюбия и уважения к другим народам и национальностям.

Культурное наследие уйгуров, органически связанное на протяжении веков с культурой и искусством народов Средней Азии, во всем своеобразии национального звучания представляет собой вклад уйгурского народа в общую культурную сокровищницу.

* * *

Пути реформы письменности в Китае

*М. В. Софронов,
доктор филологических наук*

Недостатки китайской письменности известны достаточно хорошо: нероглифы трудно писать, трудно распознавать, трудно запоминать. Проблемы реформы китайской письменности обсуждаются в Китае с конца прошлого века. В ходе этих обсуждений были разработаны основные направления и различные варианты ее реформы. Неудачная попытка реформировать китайскую письменность была предпринята в 1935 г. Первая реформа была проведена в КНР в 1956—1959 гг. С того времени китайская нероглифическая письменность существует в КНР в новом преобразованном виде. Опыт применения нового письма в течение двадцати лет позволяет подвести некоторые предварительные итоги и определить пути его дальнейшего развития. С мая 1973 г. в китайской печати регулярно публикуются материалы по проблемам реформы письменности. Для того, чтобы представить себе круг проблем, обсуждаемых в связи с реформой китайской письменности, следует рассмотреть основные пути, по которым эта письменность, ее функции в китайском обществе и основные предложения, относящиеся к ее реформе.

Эволюция китайской письменности

Современная археология и эпиграфика позволяют в основных деталях реконструировать эволюцию китайской нероглифической письменности. Источником сведений о

начальном периоде истории китайского письма являются гадательные кости с надписями, обнаруженные при раскопках последней столицы династии Шан. До нашего времени сохранилось значительное число надписей на ритуальных бронзовых сосудах последующего исторического периода Чжоу. Однако ритуальная функция письма в эпоху Чжоу очень скоро оказалась оттесненной на второй план новой функцией средства записи административной и культурной информации.

Расширение общественных функций китайской письменности потребовало увеличения числа знаков, а это повлекло за собой значительные структурные перемены в ней самой. Для обозначения новых слов, которые встречались в текстах на новые темы, отличающиеся от ритуальных, потребовалось значительное число знаков, которые не всегда было удобно и возможно создавать в форме пиктограмм и идеограмм, преобладавших в надписях на гадательных костях. Поэтому в начале первого тысячелетия до н. э. в китайском письме стали широко использоваться заимствованные знаки, то есть знаки, созданные для обозначения одного слова, а используемые для его омонима. Во избежание путаницы к этим заимствованным знакам стали присоединять графические элементы, которые указывали на принадлежность соответствующего слова к определенному предметному классу. Эти графические элементы известны в китайской письменности под названием ключей. Та часть знака, которая указывала чтение нероглифа была названа его фонетической частью или фонетиком. Таково наиболее общее описание процесса формирования знаков фонетической категории, составляющих около восьмидесяти процентов современных нероглифов.

Широкое распространение фонетического принципа формирования знаков китайского письма открывало перспективу развития чисто фонетического письма. Однако переход от фонетических нероглифов к чисто фонетическим слоговым знакам так и не произошел: нероглифы оказались удобным

срещением различения многочисленных омоноимов в китайском языке, лингвистически неоднородная китайская империя на рубеже новой эры нуждалась в универсальном наддиалектном письме.

Значение иероглифической письменности как важного фактора культурного единства и, безусловно, символа политического единства древнего Китая осознавалось достаточно явственно уже в то время. Поэтому не случайно, что в числе первых правительственных реформ, проведенных после объединения страны под властью династии Цинь, была реформа письменности в 221 году. Смысл реформы состоял в унификации китайского письма по образцу того варианта письменности, который был принят в царстве Цинь, упрощения громоздких иероглифов «великой печати» и замена их более простыми знаками «малой печати».

Дальнейшее упрощение знаков китайской письменности и приближение их к современному облику проходило через этап создания «писцового письма» лишь, а затем в начале династии Хань было изобретено письмо современного вида — так называемое «образцовое» письмо кайшу. На основе образцового письма был разработан курсив-синшу и скоропись — цаошу. Курсивные и скорописные знаки содержали, как правило, меньше черт и были проще по начертанию, чем знаки полного уставного образцового письма.

После того, как было создано китайское иероглифическое письмо современного вида, стала складываться и структура его общественных функций. Эта структура состояла из двух уровней. На ее высшем уровне иероглифы функционировали как стандартные знаки, которые использовались в текстах культуры и администрации общественного значения. В этих текстах использовались только стандартные знаки, написанные в соответствии с принятыми образцами.

Единообразие китайской иероглифической письменности — постоянство начертания, значения, произношения каждого иероглифа в отдельности — поддерживалось усилиями китайских филологов, создавших филологическую традицию, благодаря которой китайская письменность служила китайскому обществу на протяжении трех тысячелетий и продолжает служить в настоящее время. У истоков этой традиции стоит словарь «Шовэнь цзэцзы» — «Объяснение простых знаков и толкование сложных», написанный в I в. н. э., который содержит толкование начертаний и описание значений около десяти тысяч иероглифов.

Исследование функций китайской письменности в средневековом обществе показывает, что полная графическая унификация письменных знаков так и не была достигнута. Требования стандартного начертания знаков выдерживались в текстах, предназначенных для распространения в общегосударственном масштабе. В текстах, не

предназначенных для широкого распространения, и в частных документах широко использовались упрощенные графические варианты иероглифов. Практически все сложные знаки существовали не в одной, а в нескольких функционально различных формах. Известный средневековый орфографический словарь «Ганьлу цзышу» различал три формы начертаний иероглифов: стандартную, или правильную, ходовую и простонародную. При этом в отдельных случаях могли одновременно существовать несколько вариантов ходовых и простонародных форм начертаний¹.

Ходовые и простонародные формы были обычно проще стандартных. Например, иероглиф (01) * цун «умный» имел ходовую форму (02), которая состояла из меньшего числа черт по сравнению со стандартной, а иероглиф (03) чун «змея» — простонародную форму (04). В некоторых случаях начертание ходового или простонародного знака было несколько не проще стандартного. Например, приведенный выше иероглиф цун «умный» имел также другую ходовую форму (05), которая графически была несколько не проще.

Ходовые и простонародные начертания применялись прежде всего в частных документах. Они представляли собой отличительную особенность текстов литературы низких жанров на языке байхуа, а также буддийской литературы жанра бьявэнь. Значительная часть средневековых упрощенных знаков продолжает существовать и в настоящее время.

Стандартное начертание иероглифов поддерживалось с помощью общегосударственного регулирования орфографии. Почти каждая династия, правившая Китаем, издавала не только свой словарь, но и правила орфографии, в которых предусматривалось избегание знаков, которым приписывалось сакральное значение. Для создания образцов правильного начертания иероглифов тексты классических произведений дважды в истории Китая — в VI и IX вв. — высекались на каменных стелах. Начертание знаков на этих стелах считалось образцовым.

Наиболее действенным методом обеспечения регулярного функционирования знаков стандартного начертания была система государственных экзаменов. На этих экзаменах рассматривались сочинения, написанные только стандартными знаками. Ошибочное или нестандартное начертание хотя бы одного знака лишало экзаменуемого шансов на успех.

Примечательно, что особенно жесткие требования к правилам правописания иероглифов стали предъявляться во время правления двух последних династий Мин и Цинь,

¹ Ван Сянь. О слове Ганьлу цзышу, «Чжунго юйвэнь», 1964, № 4, стр. 304.

* См. список иероглифов на стр. 152.

то есть в тот период, когда китайская культура приобрела все присущие ей традиционные черты.

Передовые деятели науки и культуры Китая высказывались за официальное признание хотя бы части неофициальных начертаний иероглифов². Первые сомнения в рациональности китайского иероглифического письма вообще были высказаны в ходе политических дискуссий конца прошлого века. С начала нынешнего века ведется дискуссия о судьбе китайского иероглифического письма. В этой дискуссии налицо два противоположных мнения: первое — немедленный отказ от иероглифического письма и замена ее фонетическим письмом, второе — усовершенствование иероглифического письма в такой степени, чтобы его можно было бы пользоваться длительное время, пока не созреют условия для перехода к фонетическому письму. Ввиду того, что переход к фонетическому письму представляется делом отдаленного будущего, в настоящее время наиболее важным и актуальным является изучение путей усовершенствования самой китайской письменности.

Упрощение знаков китайского письма

Широкая пропаганда упрощения знаков китайской письменности началась с конца XIX в., когда Китай готовился вступить на путь реформ и революционных преобразований. В 1909 г. вышел первый номер журнала «Цзяюй цзачжи» («Образование»), в котором была открыта общественная кампания за упрощение китайского письма. Лу Фэй-куй — автор первой статьи об упрощении письменности, привел основные аргументы в пользу упрощения. Первая группа аргументов состояла в том, что упрощенные иероглифы легче писать, легче изучать, легче удерживать в памяти, вторая — в том, что упрощенные иероглифы являются удобным средством массового образования. Следствием перехода к упрощенным знакам явится не только экономия умственной энергии, но и увеличение числа грамотных людей. Луи Фэй-куй отнюдь не покушался на упрощение иероглифического письма в целом, он считал, что на государственных экзаменах следует по-прежнему пользоваться только стандартными начертаниями иероглифов, но во всех остальных сферах использования китайской письменности он считал необходимым допустить употребление упрощенных знаков³.

В числе требований «движения 4 мая» 1919 г. в области культуры находилось также требование реформы письменности. Ди-

скуссия о реформе китайского письма на страницах журнала «Синь циннянь» и других изданий того времени длилась три года. За это время были высказаны широкий спектр взглядов на реформу китайской письменности от немедленной ее отмены до сохранения в полной неприкосновенности как наиболее значительного достижения и отличительной особенности китайской культуры. Компромиссный взгляд китайской письменности был высказан Цянь Сюань-туном в 1920 г. Его предложение состояло в том, чтобы решительно упростить китайскую письменность до того, как будут подготовлены условия для перехода на алфавитное письмо. Тогда он думал, что этот переходный период продлится десять лет⁴.

В 1922 г. «Подготовительный комитет единства национального языка» заслушал доклад Цянь Сюань-туна об упрощении китайской письменности и одобрил «Проект упрощения начертания знаков ныне существующей китайской письменности», разработанный Цянь Сюань-туном. В знак согласия с идеями проекта свои подписи под ним поставили также Лу Цзи, Ли Цзинь-си, Ян Шу-да⁵.

«По существу своему, — писал Цянь Сюань-тун в этом проекте, — письменность представляет собой инструмент, а инструмент должен либо удовлетворять, либо не удовлетворять критерию пригодности. Знаки, состоящие из большого количества черт, трудны в начертании, требуют много времени и поэтому, конечно, неудобны. Знаки, состоящие из малого числа черт, легки в начертании, экономят время и поэтому, конечно, удобны»⁶. Автор проекта сознавал, что радикальным путем является переход к алфавитной письменности, а предлагаемое упрощение представляет собой лишь полумеру и тем не менее подчеркивал, что «паллиативный метод в действительности является наиболее важным в настоящее время»⁷.

Исходной точкой своей деятельности, направленной на упрощение знаков китайского письма он назвал уже готовые сокращенные начертания, существовавшие наряду со стандартными формами иероглифов. «Я полагаю, — писал он, — что в настоящее время упрощение знаков китайской письменности должно быть основано на упрощенных иероглифах, которые распространены среди

⁴ Цянь Сюань-тун. Предложение о сокращении числа черт в китайских иероглифах «Синь циннянь». Т. 7, № 3, стр. 111.

⁵ Ли Цзинь-си. Очерки по истории движения за национальный язык. Т. 1. Шанхай, 1934, стр. 35—36.

⁶ Цянь Сюань-тун. Предложение по упрощению ныне действующей китайской письменности. «Гоюй юэкань». 1922, № 1, стр. 160.

⁷ Цянь Сюань-тун. Цит. соч., стр. 160.

² Чжоу Ю-гуан. Очерки по реформе письменности. Пекин, 1964, стр. 320.

³ Чжоу Ю-гуан. Цит. соч., стр. 321.

простого народа. Из десяти таких знаков семь-восемь пришли к нам из эпохи Сун и Юань⁸. Однако Цянь Сюань-тун считал, что наличных упрощенных знаков недостаточно. Задача состоит в том, чтобы создать сокращенные варианты для всех сложных иероглифов, находящихся в современном употреблении.

Обобщая многовековую практику создания упрощенных иероглифов, Цянь Сюань-тун указал на восемь основных способов их упрощения.

1) Полное упрощение громоздкого образования иероглифов, например вместо (006) гуй «черепаша» сокращенное начертание (07).

2) Использование скорописного начертания — вместо (08) вэй «делать» — (09).

3) Сохранение лишь части исходного знака — вместо (10) шэн «голос» — (11).

4) Упрощение одной части иероглифа — вместо (12) гуань «смотреть» — (13).

5) Использование более простого древнего начертания вместо сложного современного — вместо (14) юнь «облако» — (15).

6) Замена сложной фонетической части на более простую вместо (16) дэн «лампа» — (17).

7) Полная замена сложного знака упрощенным, в котором не содержится элементов исходного знака — вместо (18) сянь «звук» — (19).

8) Использование в качестве полной замены простого знака с одинаковым чтением — вместо (20) цзи «сколько» — более простой знак (21) цзи «стол», который в современных текстах не встречается.

Проект завершался следующим обращением. «В настоящее время мы должны всеми силами распространять их (упрощенные знаки. — М. С.), официально использовать их в международном образовании, литературе, искусстве, науке, политике. Мы не признаем их низкими вариантами ныне действующей китайской письменности, а признаем их реформированными вариантами. Наше отношение к ним то же, что и к литературе на диалектах: мы не считаем ее простонародной литературой, стоящей ниже древней словесности, а считаем ее прекрасной литературой, более развитой по сравнению с древней словесностью»⁹.

Противники упрощения китайской письменности возражали против упрощенных знаков прежде всего потому, что видели в них причину разрыва с китайской письменной традицией. Они опасались, что будущим поколениям людей, знающим только упрощенную письменность, классические тексты будут недоступны. Контраргумент сторонников упрощения иероглифов состоял в том, что классические тексты, классический язык соответственно иероглифы полного начер-

тания не являются жизненной необходимостью для современного китайского общества, которое больше нуждается в современных знаниях¹⁰. Дискуссия о судьбах классического образования велась в Китае в начале 30-х годов, однако при всех стараниях сторонников классического образования осуществить его так и не удалось.

Непосредственным откликом ученых филологов на призыв Цянь Сюань-туна было появление нескольких словарей сокращенных иероглифов, из которых наиболее известно «Собрание простонародных знаков, находящихся в употреблении со времени династий Сун и Юань», авторами которого были Лю Фу и Ли Цзя-жуй. Этот словарь был издан в 1930 г. В 1934 г. Подготовительный комитет единства национального языка выпустил «Программу сбора устойчивых и сравнительно удобных сокращений иероглифов», составленную Цянь Сюань-туном. На следующий год рабочая группа под его руководством подготовила макет словаря упрощенных знаков, состоящий из 2400 иероглифов.

В марте 1935 г. в разгар кампании за упрощение иероглифов Лу Синь выступил со статьей «О «неправильных знаках» и другом». Как решительный сторонник упрощения иероглифической письменности он говорил, что он не против упрощения, но в то же время относится к нему без энтузиазма, потому что оно не может решить коренные проблемы китайской письменности. «Что же касается нашей иероглифической письменности, — писал Лу Синь, — то как в древности люди пользовались неправильными знаками, так и наши современники продолжают пользоваться ими. Очевидно, что болезнь, состоящая в том, что неправильные знаки должны появляться всегда, заложена в самой природе китайской иероглифической письменности. Эта болезнь будет существовать всегда вместе с самими иероглифами, и в действительности не существует никакого другого абсолютно надежного средства ее излечения кроме реформы китайской письменности»¹¹.

В 1935 г. Цянь Сюань-тун и его коллегам удалось заинтересовать своим проектом распространения упрощенных иероглифов министерство просвещения. В августе 1935 г. был опубликован первый список, содержащий 324 упрощенных иероглифа, которые предполагалось использовать в школьном преподавании.

Это решение министерства просвещения вызвало бурю негодования в консервативных общественных кругах и прессе. На заседании пленума ЦИК Гоминьдана в конце

¹⁰ Цянь Сюань-тун. Длинный собачий хвост. — Сб. «Исторический взгляд на историю и революцию письменности». Под ред. Ли Чжун-хао, 1931, Бэйпин, стр. 381—383.

¹¹ Лу Синь. Поли. собр. соч., т. 6, Пекин, 1972, стр. 283—284.

⁸ Цянь Сюань-тун. Цит. соч., стр. 162.

⁹ Цянь Сюань-тун. Цит. соч., стр. 162.

1935 г. один из наиболее консервативных деятелей этой партии Дай Цзи-тао на коленах просил пощадить иероглифическую письменность¹². Естественно, этот инцидент представлял собой демонстрацию, рассчитанную на широкую публику. Однако он позволяет судить о степени накала страстей вокруг этой проблемы. Консерваторы в правительственных кругах добились своего: в феврале 1936 г. в министерстве просвещения было отдано распоряжение о необходимости распространения упрощенных иероглифов. Бурные исторические события последующих лет сняли с повестки дня проблему упрощения китайской письменности.

Вскоре после образования КНР министерство просвещения начало подготовку к созданию нового списка упрощенных иероглифов. В январе 1955 г. Комитет по реформе китайской письменности опубликовал для широкого обсуждения «Проект упрощения китайской письменности», состоящий из 798 упрощенных знаков. Далее над этим проектом работал специальный комитет для утверждения проекта упрощения письменности при Государственном Совете КНР. После утверждения этим комитетом проект подвергся некоторым изменениям на всекитайской конференции по реформе письменности в октябре 1955 г. Наконец, 28 января 1956 г. Государственный совет издал официальный «Проект упрощения китайской письменности», в котором содержалось 515 упрощенных знаков и 54 упрощенные фонетические части иероглифов. С 1 февраля 1956 г. был введен в действие первый список упрощенных иероглифов, обязательных во всех печатных и рукописных текстах. К 15 июля 1959 г. в действие был полностью введен второй список упрощенных иероглифов и список упрощенных графических элементов. Так была проведена реформа китайской письменности, в результате которой были упрощены сложные знаки, входящие в число наиболее употребительных. В 1964 г. Комитет по реформе письменности, министерство просвещения, министерство культуры КНР издали «Таблицу начертания знаков, распространенных в печатных изданиях», содержащую 6196 знаков. В этой таблице начертания некоторых графических элементов были сближены с курсивом.

Сокращение числа знаков, находящихся в употреблении

За более чем три тысячи лет непрерывного существования китайской иероглифической письменности накопилось огромное количество знаков, встречавшихся в различных текстах. Большая их часть внесена в словари, издававшиеся в разные исторические эпохи. Число знаков, входивших в полные словари, непрерывно росло. Общее чис-

ло иероглифов, встречающихся на гадательных костях, оценивается в три тысячи. В первом словаре, который в своем первоначальном виде дошел до нашего времени, — Шовэнь цзецы — содержалось 9353 знака. В последнем словаре традиционного типа «Чжунхуа да цзыдянь», вышедшем в 1915 г., содержалось 44 908 знаков. В большом китайско-японском словаре Моробаси, издание которого было завершено в 1960 г., содержится 48 902 знака.

Многие иероглифы, в этих словарях-тезаурусах, встречаются лишь у отдельных авторов или в текстах одной определенной исторической эпохи, но в современных текстах отсутствуют. Поэтому более реальное представление о количестве знаков, находящихся в современном употреблении, могут дать малые и средние словари, которые являются основным пособием при чтении современных текстов. Ай Вэй подсчитал, что число знаков в словарях такого типа колеблется от 4431 до 15 431, однако большинство словарей содержит 7—8 тыс. знаков. Приблизительно такое же число знаков содержится в наборных кассетах в типографиях¹³.

Проблема количества иероглифов, находящихся в современном употреблении, непосредственно связана с возможностью обозначать слова. Здесь эта проблема вступает в контакт с проблемами китайской культуры: более широкие знания требуют владения большим числом знаков. Возникает вопрос о минимальном списке иероглифов, открывающем доступ к элементарной грамотности и овладении основами современной культуры, и оптимального списка, который открывает доступ ко всем или ко многим ей областям.

Минимальные списки китайских иероглифов стали создаваться еще в начале новой эры для учебных целей. Первый учебник под названием «Тысячесловие» был создан во II в. н. э. Под этим названием в истории китайского образования существовало несколько книг, написанных в разное время разными авторами. Действительное число знаков, содержащихся в этом учебнике, существенно превышало тысячу.

В 1921 г. Чэнь Хао-цинг провел статистическое исследование встречаемости иероглифов в простых текстах, включающих детские книги, школьные учебники, популярную литературу и т. п., общим объемом свыше полумиллиона знаков. Это исследование показало, что все эти тексты написаны с помощью 4261 знака китайского письма. Правда, при этом из подсчета были исключены знаки, встречающиеся только в географических названиях и собственных именах. Эта статистическая работа была несколько раз повторена в 20-х и начале 30-х годов, но ее основные результаты каждый раз подтверждались¹⁴.

¹³ Ай Вэй. Проблемы китайской письменности. Пекин, 1949, стр. 43—44.

¹⁴ Ай Вэй. Цит. соч., стр. 47—49.

¹² «Гуанмин жибао», 25.IV.1974.

На основании этих статистических данных было составлено несколько вариантов минимальных и оптимальных списков иероглифов. В зависимости от практических критериев, принятых различными авторами, величина этих списков была различна, но при всех различиях число знаков в минимальном списке находилось между двумя и тремя тысячами, а оптимального — между пятью и шестью. В 1935 г. министерство просвещения утвердило список из 2711 иероглифов, которые должны быть усвоены в первых четырех классах начальной школы¹⁵.

После образования КНР было проделано статистическое исследование минимальных списков иероглифов и текстов учебников для начальной школы, результатом которого был минимальный список из 1556 знаков. В 1951 г. этот список был сокращен до 1500 знаков. Следующий минимальный список, состоящий из двух частей — соответственно 1500 и 500 знаков — был опубликован 5 июня 1952 г. Этот самый короткий минимальный список иероглифов используется при составлении пособий для ликвидации неграмотности. В настоящее время в системе ликвидации неграмотности КНР для овладения грамотой считается достаточным знание 1500 знаков для сельского населения и двух тысяч знаков для рабочих и кадровых работников. Стандарты знания письменности для начальной школы несколько выше и приближаются к трем тысячам знаков.

В 1963 г. министерство просвещения на Тайване провело повторно ту же работу, которую проделал Чэнь Хао-цин в 1921 г. Из выборки объемом свыше 700 тыс. знаков было выделено 4864 знака без вариантов. Иначе говоря, за последние сорок лет число письменных знаков, находящихся в употреблении в детской и популярной литературе, возросло. Однако рост числа знаков не означал просто механического прироста к тем, что были выделены Чэнь Хао-цинем. Сообщается, что 37 знаков из минимального списка в 2711 знаков, опубликованного в 1935 г., в современных изданиях отсутствуют¹⁶.

По мере усложнения общественной жизни и роста знаний происходит также и расширение круга проблем, обсуждаемых в популярной литературе. Соответственно число иероглифов, необходимых для чтения текстов даже средней трудности, не уменьшается, а возрастает. Из повседневного языка уходят устаревшие слова, но приток новых слов не только возмещает естественную убыль старых, но и ведет также к постоянному росту числа письменных знаков для их обозначения. Таков вывод из этих статистических данных.

Проблема максимального списка едва ли не столь же трудна как и проблема мини-

мального. Максимальный список должен включать все иероглифы, которые находятся в употреблении в некоторый стабильный отрезок времени. В этот список должны войти знаки, встречающиеся в текстах на темы, относящиеся ко всем областям общественной жизни, культуры и науки. В 1956 г. Комитет по реформе китайской письменности издал «Предварительный проект списка китайских иероглифов, находящихся в употреблении» для широкого обсуждения. Этот список состоял из 5448 знаков, к которым в дальнейшем было добавлено еще 500, так что в окончательном виде он содержал 5948 иероглифов. В 1964 г. Комитет по реформе письменности, министерство просвещения и министерство культуры КНР издали «Таблицу начертания знаков, распространенных в печатных изданиях», содержащую 6196 иероглифов.

Некоторое представление о количестве иероглифов, находящихся в современном употреблении, можно получить на основании объема наборных касс крупных китайских газет, которые печатают материалы по всем проблемам общественной жизни, культуры, науки и техники. Последние опубликованные сведения о числе знаков в наборных кассах типографии КНР относятся к началу 70-х годов. В своем письме в «Гуанмин жибао» корректор одной из типографий пишет, что ранее наборная касса в их типографии содержала восемь тысяч знаков, однако после мероприятий по сокращению числа знаков, находящихся в употреблении, число знаков в наборной кассе сократилось и сейчас несколько превышает шесть тысяч¹⁷. На Тайване наборная касса газеты «Синь шэн бао» содержит 6200 знаков, газеты «Гоюй жибао» — 7500, пишущие машинки имеют кассу на 6361 знак¹⁸. Таким образом, общее количество знаков китайского письма, находящихся в употреблении во всех текстах на китайском языке — общих и специальных, — составляет около семи тысяч.

Теоретически проблема сокращения числа иероглифов, находящихся в употреблении, формулируется следующим образом: как с помощью ограниченного числа письменных знаков обозначать на письме неограниченное количество слов, которые встречаются или могут встретиться в современном китайском языке. «Рост числа слов, — сформулировал эту проблему Чжоу Ю-гуан, — должен быть безграничен, рост числа иероглифов должен быть ограничен, и притом чем меньше он будет, тем лучше. Эпоха создания новых иероглифов для обозначения новых слов (иероглиф для слова) должна быть быстро и решительно завершена»¹⁹.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 25.X.1973.

¹⁸ Liu Shih-hong. Op. cit. p. 48—49.

¹⁹ Чжор Ю-гуан. Цит. соч., стр. 332.

¹⁵ Liu Shih-hong. Chinese Characters and Their Impact on Other Languages of East Asia. Taipei, 1969, p. 47.

¹⁶ Liu Shih-hong. Op. cit., p. 47.

Приведенные выше статистические данные показывают, что медленный рост числа иероглифов, находящихся в употреблении, продолжается — по крайней мере в популярной литературе, издающейся на Тайване. Несмотря на отсутствие прямых указаний, естественно полагать, что этот процесс происходит и в КНР. С лингвистической точки зрения рост числа слов при неизменном числе иероглифов, служащих для их обозначения, станет теоретически невозможен лишь при том условии, что новые слова, приходящие ежедневно в китайский язык через прессу, научную и техническую литературу, будут не калькироваться по установившимся традициям, а заимствоваться непосредственно. Однако это противоречит многовековой китайской традиции калькирования научной и технической терминологии, в результате которой иностранная терминология легче осваивается в разговорном языке. Поэтому предпосылкой ее решения должно явиться новое отношение к заимствованным словам и новые пути их заимствования, что само по себе представляет собой лингвистическую и культурную проблему, по трудности не уступающую проблеме реформы письменности.

Развитие фонетических элементов китайской письменности

Как уже указывалось выше, около восьмидесяти процентов знаков китайской письменности составляют иероглифы фонетической категории. Эти иероглифы располагают фонетической частью, которая при их создании с большей или меньшей точностью указывала чтение. В настоящее время чтение иероглифов с одинаковой фонетической частью обычно довольно сильно различается, поэтому общая фонетическая часть может дать в лучшем случае лишь самое общее указание на чтение знака в целом. Например, иероглиф (22) «сцена» имеет чтение тай, однако знаки, в состав которых входит этот фонетик, читаются соответственно (23) хай «насмехаться», (24) чжи «управлять», (25) и «дарить», (26) е «плавить», (27) чи «бить» и т. п.

Этот несовершенный способ указания чтений иероглифов оказался весьма заманчивым для исследователей, стремящихся усовершенствовать китайскую письменность. В самом деле, в диалектах Северного Китая насчитывается около 420 различных слогов, не учитывая тональных различий. Стональными различиями их около полуторатысяч. Поэтому, естественно, появилось немало предложений, общий смысл которых сводится к следующему: заменить устаревшие фонетические части иероглифов новы-

ми, с тем чтобы каждый тонированный или нетонированный слог имел единое графическое выражение.

Большинство авторов проектов такого рода предлагало воспользоваться элементами существующей письменности. Согласно этим проектам знаки новой реформированной китайской письменности должны состоять из двух частей: ключа, указывающего предметную область значения иероглифа, и фонетической части, указывающей его чтение. При этом для сохранения преемственности с существующей письменностью обычно предлагается сохранение старых ключей. В результате немедленно появляются новые знаки, которые повторяют уже существующие. Допустим, что для обозначения слога и предлагалось использовать фонетическую часть (28). Это могло бы дать возможность более просто и последовательно преобразовать иероглифы (29) и «опираться» и (30) и «радо» соответственно в (31) и (32). Однако это сделать невозможно из-за того, что эти знаки уже существуют и используются для обозначения слов соответственно «сильный» и «помнить». С другой стороны, новая письменность в значительной мере утрачивает способность к различению омонимов: знаки для слов-омонимов (33) и «полагаться», (34) и «он», (35) и «справедливость», (36) и «опираться» при новом письме не будут различаться.

На пути фонетизации иероглифической письменности встретились и другие, чисто технические трудности. Выяснилось, что существующих в современной письменности фонетических знаков просто не хватает для обозначения не только тонированных слогов современного китайского литературного языка, но даже и нетонированных. Так, например, в современной китайской письменности невозможно подобрать простой фонетический знак для такого слога, как а или оу, потому что все иероглифы, передающие эти слоги, не содержат фонетических элементов. Отсюда следует, что существующая иероглифическая письменность не может быть перестроена на фонетический лад без коренной реформы, которая, в сущности, должна представлять собой создание нового письма из графических элементов существующего. По этим причинам ни одна из предложенных систем фонетизации китайской письменности успеха не имела.

Другим направлением фонетизации китайской письменности является вообще отказ от использования существующих фонетических частей иероглифов. Письменные знаки в таких проектах представляют собой сочетание традиционного ключевого знака с фонетической частью, которая пишется фонетическим алфавитом чжунинь цзюму или другим алфавитом такого же типа. Фактически эта письменность является фонетической; ключевые знаки в ней нужны лишь для того, чтобы различать омонимы. Однако, как было показано выше на примере четырех слогов и, ключевой знак не всегда является надежным средством различения

омонимов. Фактически этой письменностью могут легко пользоваться лишь те, кто уже достаточно хорошо знаком с китайским письмом полного начертания. Примечательно, что в точности тот же принцип латинской транскрипции китайского письменного языка предложил Б. Карлгерн в 1952 г. Его транскрипция состояла из цифрового обозначения ключа и латинского обозначения значения соответствующего знака. При таком способе транскрипции было легче переходить от транскрибированного к иероглифическому тексту и обратно. Однако в силу причин, указанных выше, эта транскрипция не могла достаточно эффективно различать синонимы и поэтому не получила широкого распространения.

Другой системой иероглифического письма такого же рода являются фонетические иероглифы Тан Ланя. Отличие его системы письменности от других фонетических систем китайских иероглифов состоит в том, что в этой письменности сохраняется восемьсот знаков нефонетической категории. Остальные знаки должны быть чисто фонетическими. Они состоят из ключа и фонетической части, которая составляется из знаков специального алфавита, отличного от чжунинь цзюму, состоящего из 67 знаков — 54 знака для начальных согласных и 13 знаков для звональных частей слогов. При необходимости к фонетической части иероглифа может присоединяться также и знак тона²⁰. Это, вероятно, наиболее совершенная система радикальной фонетизации китайской письменности. Однако и она не пригодна для широкого применения прежде всего потому, что она не может служить средством междиалектного общения. Основой произношения фонетических иероглифов Тан Ланя является пекинский диалект, поэтому они не могут быть поняты на юге страны. Таким образом оказывается, что радикальная фонетизация китайского иероглифического письма приводит к тому, что в новом письме совмещаются недостатки алфавитного письма с неудобствами иероглифического.

В числе возможных путей развития китайской письменности обсуждается замена сложных иероглифов более простыми знаками с одинаковым чтением. Этот способ использования иероглифа для обозначения не того слова, для которого он был изобретен, был известен уже в глубокой древности. Тогда же выяснилось, что заимствованные знаки можно эффективно использовать только вместе с ключами. Как уже указывалось выше, заимствованные знаки с ключами для их различения между собой послужили основой для создания самой многочисленной фонетической категории иероглифов, а число заимствованные знаки составляют меньшинство.

Практика использования одних знаков

вместо других, читающихся одинаково, сохранилась и в более позднее время. Те, кто недостаточно хорошо владел китайской письменностью могли по ошибке или намеренно вставлять в текст другой иероглиф с одинаковым чтением. Такие ошибочные знаки назывались «белыми знаками» — байцзы. Примеров такого рода можно в больших количествах найти в личных документах и письмах. Смысл этих «белых знаков» известен пишущему, но далеко не всегда ясен читающему. Исторический опыт китайской письменности свидетельствует, что сколько-нибудь систематическое использование заимствованных знаков может легко привести письменный текст на китайском языке к полной невразумительности. Использование «белых знаков» всегда считалось грубой ошибкой в китайской школе.

Однако имеется одна область использования китайской письменности, где применение заимствованных иероглифов может не повлечь за собой разрушительных последствий. Среди знаков китайского письма имеется значительное число таких, которые были созданы специально для географических названий и собственных имен. При этом начертания некоторых из них бывают весьма сложны. Так, например, в одних случаях названия большинства крупных рек Китая записываются специальными знаками, не имеющими ясной этимологии: Лохэ — река Ло, Сышуй — река Сы и т. п. В других случаях названия рек имеют ясную этимологию и тогда они обозначаются соответствующими знаками китайского письма: Байхэ — река Белая, Чжужэян — река Жемчужная и т. п. Здесь мы сознательно ограничиваемся гидронимами; такие же примеры можно привести и для названия гор, населенных пунктов, личных имен.

Ввиду того, что этимология большинства географических названий уже давно не понятна большинству говорящих на китайском языке, замена сложных и специализированных знаков в составе географических названий более простыми одинаково произносимыми знаками кажется вполне реальной. По решению Госсовета в 1956—1964 гг. было упрощено начертание 34 географических названий путем замены сложных специализированных знаков более простыми. В настоящее время подсчитано, что в китайском письме существует не менее 500 специализированных знаков для обозначения географических названий. Все они могут быть заменены более простыми²¹. Иногда высказываются опасения, что при полной замене специализированных знаков окажется слишком много одинаковых географических названий. Однако одинаковые географические названия в одной стране являются общей проблемой почтовых служб всего мира. Для преодоления этой трудности уже существует достаточно разработанная техника. Поэтому упрощение и уни-

²⁰ Чжоу Ю-гуан. Цит. соч., стр. 334.

²¹ «Гуанмин жибао», 10.VI.1973.

фикация нероглифов, служащих для обозначения имен собственных, могут быть проведены без ущерба для китайской письменности. Благодаря этому из употребления может быть выведено несколько сотен письменных знаков.

При исследовании проблем реформы китайской письменности рассматриваются также предложения создать смешанное китайское письмо. Смешанным называется такое письмо, где наряду с нероглифами в тексте используются также и знаки алфавита. Большой опыт использования смешанного письма накоплен в соседней Японии, где корень слова часто передается нероглифом, а аффиксы — алфавитными знаками. При этом наиболее распространенные слова могут быть записаны не только нероглифами, но также и алфавитом. Чтение редких нероглифов может быть обозначено алфавитом параллельно. Смешанное письмо в Японии позволило обходиться меньшим количеством нероглифов, находящихся в повседневном употреблении, и тем самым достигнуть всеобщей грамотности.

Однако существенные различия китайского и японского языков лишают смысла использование алфавитных знаков для обозначения служебных морфем китайского языка. В китайском языке отсутствуют сложные грамматические формы, занимающие заметную часть письменного текста. Знаки, служащие для передачи грамматических форм, составляют лишь небольшую часть китайских письменных текстов. Поэтому совершенно естественно, что пути развития смешанного письма, если оно вообще привьется в Китае, должны быть другими.

В настоящее время предложения, относящиеся к смешанному письму, предусматривают использование алфавита для обозначения слов китайского разговорного языка, которые не имеют соответствующих письменных знаков, слов-звукоподражаний, иностранных географических названий, имен собственных, научных и технических терминов. «В этих случаях, — пишет Чжоу Ю-гуан, — можно пользоваться исключительно алфавитом и не пользоваться нероглифами. Тем самым алфавитное письмо станет официально признанной частью китайского

письма. После того как смешанное употребление алфавита даст в этих случаях хорошие результаты, можно подумать о дальнейшем распространении сферы смешанного употребления алфавита. Этот метод в состоянии не только восполнить недостаток способности китайской письменности к передаче звучания, но в состоянии также разрешить общие проблемы ограничения и сокращения числа китайских нероглифов»²². Дело обстоит действительно так, потому что основным источником увеличения числа нероглифов, находящихся в употреблении, является международная терминология, которой насыщены современные китайские общественно-политические и научные тексты.

В 1958 г. в КНР был принят китайский алфавит на латинской основе, который используется в школе в качестве вспомогательного средства при обучении нероглифам. В апреле 1960 г. было издано «Указание ЦК КПК о распространении метода изучения нероглифов с помощью алфавита», в котором был рекомендован для широкого распространения опыт ликвидации неграмотности в уезде Ваньжун провинции Шаньси, где этот метод успешно прошел экспериментальную проверку²³. Метод изучения нероглифов с помощью алфавита предусматривает овладение алфавитом до изучения нероглифов, регулярное чтение литературы на алфавите, регулярное письмо с помощью алфавита. При переходе к письму нероглифами учащимся разрешается заменять неизвестные нероглифы алфавитным начертанием соответствующего слова. В принципе этот метод открывает путь к навыкам пользования алфавитом для многих миллионов, а это создает возможности для смешанного письма. Оно часто встречается в личных документах и в сочинениях младших школьников, однако в настоящее время нет признаков того, чтобы смешанное письмо рассматривалось как один из перспективных путей развития китайской письменности.

²² Ч ж о у Ю - г у а н. Цит. соч. стр. 337.

²³ «Чжунго юйвэнь», 1960, № 6. стр. 251.

- (01)聰 (02)聰 (03)蟲 (04)虫 (05)聰 (06)龜 (07)龟 (08)爲 (09)为
 (10)聲 (11)声 (12)觀 (13)观 (14)雲 (15)云 (16)燈 (17)灯 (18)響
 (19)响 (20)幾 (21)几 (22)台 (23)哈 (24)治 (25)貽 (26)治 (27)筭
 (28)乙 (29)倚 (30)怡 (31)亿 (32)忆 (33)依 (34)伊 (35)仪 (36)倚

Русско-китайские литературные связи

[проблема периодизации]

М. Е. Шнейдер,

кандидат филологических наук

Изучение проникновения русской классики в китайскую литературу неизбежно ставит исследователя перед необходимостью рассмотрения целого ряда литературоведческих проблем. Одной из важных задач в их ряду является, несомненно, разработка научно обоснованной периодизации длительного процесса переводов, критического истолкования и творческого освоения русской классической литературы в Китае.

Этот благотворный процесс начался, как удалось недавно установить, в 1900 г. с появления на китайском языке нескольких базис И. А. Крылова и продолжался непрерывно более шести десятилетий, параллельно с популяризацией других зарубежных литератур. Но при этом интерес китайской общественности к творчеству наших отечественных классиков год от года возрастал, и все было немало причин. Они носили принципиальный, определяющий характер и вытекали прежде всего из обстоятельств общественно-исторического развития России и Китая, а также из состояния нарастающей новой китайской литературы.

Неуклонно росло количество и улучшалось качество переводов русских произведений на китайский язык, языки-посредники (английский, японский, немецкий, французский) постепенно при переводах уступали свое место языку оригинала. Шло критическое осмысление и творческое освоение наследия русских художников слова в Китае. Весьма продолжительный отрезок времени, насчитывающий более шести десятков лет, равномерно, как мне представляется, разбит на четыре основных этапа, каждый из которых имеет свои особенности и характерные черты.

Первый из них приходится на первое десятилетие нашего века. Второй, — начавшись с «движением 4 мая» 1919 г., длился до конца 20-х годов. Третий — охватывает 30-е — 40-е годы. Четвертый — начался с образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. и продолжался более десяти лет.

Главной отличительной особенностью первого из намеченных периодов являлся возросший интерес передовой китайской интеллигенции к событиям, происходящим в соседней стране, к духовной культуре ее народа. Мощным стимулом, толчком к этому

послужило нарастание революционного движения в России, в особенности первая русская революция 1905—1907 гг. О ней, свободолобивой, подлинно демократической, нашей литературе китайская читающая публика, помимо прочих источников, узнавала из журналов, которые издавались революционной партией Сунь Ят-сена в Японии. «Горячая любовь китайцев к русской литературе, — отмечает историк Ли Шу, — возникла под непосредственным влиянием революции 1905—1907 гг. в России»¹. Сходное мнение по этому поводу высказывают и другие исследователи². Корни такового, вначале повышенного интереса, а затем и любви китайских читателей к русской литературе кроются в самих потребностях общественного развития тогдашнего Китая, в той политической обстановке, которая складывалась там в преддверии буржуазной революции 1911—1913 гг.

Лу Синь, например, тяжело переживавший угнетенное положение своего и других народов и в то время действительно не видевший выхода из создавшегося тупика, обратился к рассказам Андреева и Гаршина. Но не только из-за присущего им пессимизма, на чем особо настаивает В. И. Семанов³, а конечно же, и благодаря гуманистическому характеру этих произведений, и вследствие разоблачения их авторами фальшивой морали классового общества⁴, и в силу их реализма. Мотивы, побудившие Лу Синя в 1909 г. перевести, в частности, гаршинские «Четыре дня», а его брата — «Встречу», становятся намного яснее, если вспомнить о резко антивоенной направленности первого рассказа и о том, что во втором из них тоже ставится весьма злободневная для Китая той поры проблема двух возможных путей для интеллигенции — либо буржуазное обогащение, либо исполненное лишений служение народу.

Почти четверть века спустя Лу Синь расскажет о том, что принесли китайцам творения классиков нашей страны. «Русская литература, — читаем мы в его статье «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932), — раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу... Мы поняли самое важное, что в мире существуют два класса — угне-

¹ Ли Шу. Первая русская революция и Китай. — В кн.: «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 2, М., 1956, стр. 358.

² См., например, В. И. Семанов. Иностранная литература в Китае на рубеже XIX—XX веков. — В кн.: «Из истории литературных связей XIX века», М., 1962, стр. 277.

³ См. В. И. Семанов. Лу Синь и его предшественники. М., 1967, стр. 26—27.

⁴ См. В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958, стр. 55.

татели и угнетенные!.. Тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня, когда... мрак ночи осветился ярким пламенем»⁵. А тогда, на заре века, он выступил со статьей «О силе сатанинской поэзии» (1907). В ней Лу Синь впервые изложил свои воззрения на литературу. Кроме того, статья имела важное значение для ознакомления китайской читающей публики с наследием Пушкина, Лермонтова, Гоголя, чье творчество ознаменовало победу реализма в русской литературе.

Таким образом, единая направленность Лу Синя, его обращение и в переводах и в популяризаторской деятельности к литературе критического реализма⁶ свидетельствовали о более широком, чем прежде, уже не одном только просветительском понимании им целей и задач литературы. В более общем плане подобная эволюция взглядов означала, что в недрах первого по нашей периодизации периода распространения русской классики в Китае уже начала складываться тенденция, которая станет основной, ведущей на последующих этапах, когда полное предпочтение будет отдано сначала литературе критического, а затем и социалистического реализма. И это несмотря на то, что после литературной революции, как отмечал В. М. Алексеев, «мировая литература хлынула в Китай сокрушительным потоком из всех европейских и американских стран, из всех времен, обществ, направлений... Натурализм и романтизм, не говоря уже о всех других «измах» литературных направлений, уже давно отжившие свое в Европе, оказались на китайской почве чем-то чрезвычайно новым, внесшим в литературу снова жизнь и волнение, хотя уже на иной почве, в ином окружении, в иной среде и на ином языке. Все, что изживалось Европой, одновременно в разных странах, но последовательно, наводнило Китай одновременно...»⁷.

С началом «движения 4 мая» 1919 г. углубилась борьба за новую культуру, начался следующий, второй этап распространения зарубежной, в том числе и русской литературы в Китае. Политический и духовный подъем в стране, рост общественного самосознания народа в период движения, направленного против империализма, национального угнетения и внутренней феодальной реакции, проявились, помимо всего прочего, в возникновении невиданного доселе множества новых печатных изданий, которые сыграли важную роль в пропаганде произведений зарубежной художественной литературы.

⁵ Лу Синь. Приветствую литературные связи Китая и России. — В кн.: Лу Синь. Собр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 99.

⁶ См. В. Ф. Сорокин. Указ. соч., стр. 56.

⁷ В. М. Алексеев. Горький в Китае. — В кн.: М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968, стр. 312.

Бурные события третьего десятилетия текущего века, революция 1925—1927 гг. тоже предъявляли свои требования к переводчикам зарубежной литературы на китайский язык. Часто отбор для перевода того или иного произведения диктовался чисто политическими соображениями. Известно, например, что Цюй Цю-бо, в то время уже один из видных руководителей КПК, в 1925—1926 гг. посоветовал Го Мо-жо перевести на китайский язык «Войну и мир» Л. Толстого и подчеркнул при этом антагонистическую направленность романа, которая в силу бонапартистских замыслов Чан Кай-ши имела особое значение для Китая тех лет⁸.

Но, конечно же, одними только политическими соображениями, симпатиями и вкусами переводчиков, созвучием западноевропейских произведений их духовным запросам и настроениям невозможно объяснить возникновение поистине могучего потока зарубежной литературы, хлынувшего в Китай в конце 10-х — начале 20-х годов. Процесс этот, совершенно очевидно, был вызван к жизни целым рядом факторов социального, идеологического и даже психологического порядка. В. М. Алексеев привлекает наше внимание к еще одному весьма существенному и немаловажному обстоятельству — к изменившейся в Китае той поры языковой ситуации. В статье 1922 г. «Русские писатели в китайских переводах» он писал: «С тех пор как китайский классический язык, овладение которым достигалось на его родине с таким чудовищным трудом, перестал безраздельно царствовать в китайской литературе и слышимые уху формы языка начали поднимать голову, в китайской литературе была пробита большая брешь, в которую сразу устремились все то, что ранее бушевало за плотной живой моря человеческой мысли, но от цветущих садов литературы было отгорожено затейливо построенной и заботливо поддерживаемой стеной. И прежде всего, в ритмическую, музыкальную, построенную из древних мелодических единиц китайскую речь, которая до этого времени все идущее со стороны должна была предварительно подвергнуть музыкальной трансформации на старинный лад, в эту речь хлынули бесконечные потоки переводов с иностранных языков. Для них уже не существовало непреодолимых трудностей переложения на старинную речь, к их услугам оказался живой, разговорный язык и его многообразные компромиссы со старым, так что любое произведение Запада могло уже найти себе быструю кисть ловкого переводчика»⁹.

Чтобы завершить характеристику второго периода распространения нашей отече-

⁸ См. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935), М., 1964, стр. 41.

⁹ В. М. Алексеев. Русские писатели в китайских переводах. — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 73.

твенной классики в Китае, следует кратко остановиться на одной особенности ее критического осмысления на этом этапе. Эта особенность состояла в том, что китайская литературно-критическая мысль в целом, а следовательно, и суждения тех лет о русских классиках находились под серьезным влиянием западноевропейского и дореволюционного русского литературоведения. Я позволю себе сослаться лишь на один весьма характерный пример. В библиографии к первому в Китае «Краткому очерку истории русской литературы»¹⁰ Чжэн Чжэнь-до перечисляет около трех десятков работ на английском языке, на которые он опирался при написании своей книги. Среди их авторов М. Баринг и Г. Брандес, П. А. Брукнер и П. А. Кропоткин, Мерезковский и Дж. М. Мари, У. Л. Фелпс и Е. Соловьев и многие другие.

Конечно, в то время китайским интеллигентам, посвятившим себя изучению и пропаганде русской литературы, книги на английском языке были значительно доступнее. Но, как видно, важна здесь и общность взглядов авторов этих книг и начинающих китайских литераторов на многие явления литературной жизни. Во всяком случае, точки зрения западных ученых были для молодых китайских литературоведов предпочтительнее всех остальных. Поэтому большим авторитетом в Китае тогда пользовался, например, такой действительно крупный ученый, как Г. Брандес. Но наряду с ним, отмечает Б. Мак Доугал, «широкую аудиторию в Китае в 1922—1923 гг. имел профессор английского языка Йельского университета У. Фелпс»¹¹.

С другой стороны, определенное воздействие на развитие литературно-теоретической мысли в Китае оказывали эстетические воззрения таких великих художников, как Золя, Диккенс, Л. Толстой. Б. Мак Доугал высказывает, например, предположение, что источником дидактических теорий писателей из Общества изучения литературы послужили идеи Л. Толстого, изложенные в его статье «Что такое искусство?» (переведена на китайский язык в 1921 г.). Но австралийская исследовательница тут же соглашается с необходимостью тщательного исследования выдвинутой гипотезы¹².

Характеристика второго периода распространения произведений русской классики в Китае была бы не полной без указания на еще одну его особенность, которая, кстати, в значительно большей степени относится к последующим этапам. Начиная с 20-х годов переводы русской классики на

китайский язык шли параллельно с переводами произведений советских авторов. Весьма показательны в этом отношении перечень писательских имен, который приводит В. М. Алексеев. Он пишет об авторах, чьи книги в 20—30-е годы составляли «современное китайское чтение»: «С одной стороны, Горький — Луначарский (о Горьком), Панферов — А. Толстой, Лавренев — Пантелеев, П. Романов — Тихонов. С другой стороны, Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов, Гоголь, Арцыбашев, Замятин и далее: Н. Ляшко, Милуков (о большевизме), Вите, Ерошенко. Но и в этом хаосе видны опорные точки и более устойчивые линии. Так, Пушкин, Толстой, Чехов, Тургенев издаются все время...» И далее: а «за два года (1928—1929 гг.) появилось свыше сотни переводов произведений Луначарского, Либединского, Фадеева, Гладкова, Коллонтай, Шишкова, Романова, Огнева, Шагинян, Алексея Толстого, Эренбурга, Аросева, Бабеля, Лунца, Сейфуллиной, Федина, Серафимовича, Пришвина, Шолохова, А. Веселого, Зощенко, Фурманова и т. д.»¹³.

Следующий, третий период проникновения русской классической литературы в Китай охватывает, как сказано, 30—40-е годы. Его особенности обуславливались продолжавшейся почти полтора десятилетия японской империалистической агрессией, а также тем, что наряду с этим шел процесс укрепления дружбы с СССР, который оказывал китайскому народу всестороннюю помощь в справедливой борьбе с оккупантами. С точки зрения собственно литературной жизни это время ознаменовано деятельностью Лиги левых писателей Китая (1930—1936), вклад которой в пропаганду зарубежной литературы трудно переоценить; появлением в китайских переводах ленинских трудов, содержащих его учение об отношении к культурному наследию, и вообще работ по марксистской эстетике.

Именно в рассматриваемый период высшего подъема достигла переводческая и литературно-критическая деятельность Лу Синя и значительной плеяды его соратников и последователей. Что касается творческого освоения традиций и художественных достижений русской классики в течение двух указанных десятилетий, то оно осуществлялось прежде всего и главным образом на сцене китайских театров, ставивших в небольшом количестве пьесы русских драматургов. И хотя, по мнению литературоведов-теоретиков, сценическое воплощение произведений иномациональных писателей «выходит за рамки чисто литературных отношений»¹⁴, оно представляет значительный интерес.

¹³ В. М. Алексеев. Горький в Китае, стр. 314—315.

¹⁴ Ю. Д. Левин. Восприятие творчества иномациональных писателей. — В кн.: «Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения». Л., 1974, стр. 249.

¹⁰ Чжэн Чжэнь-до. Краткий очерк истории русской литературы. Шанхай, 1924, стр. 165—176.

¹¹ Mc Dougall, Bonnie S. The Introduction of Western Literary Theories into Modern China (1919—1925), Tokyo, 1971, p. 71.

¹² См. там же, стр. 81—82.

Как видно из беседы советского кинорежиссера С. Юткевича с выдающимся китайским драматургом и театральным деятелем Тянь Ханем, именно в 30—40-е годы «большим успехом стали пользоваться спектакли русской классики. «Женитьба» Гоголя, «Гроза» Островского, пьесы Чехова, инсценировка самого Тянь Ханя по роману «Воскресение» Толстого постепенно завоевали прочную любовь китайского зрителя»¹⁵.

Начавшаяся в 1934 г. среди передовых деятелей китайского театра движение за повышение художественного уровня национального искусства автор заметки «Советские фильмы и пьесы в Китае» Гань И-хон связывает с русской классической драматургией. Он пишет: «В Шанхае было организовано Общество любителей драматического искусства, сыгравшее огромную роль в развитии нового китайского театра. Деятельность этого общества проходила под сильным влиянием русского искусства. Достаточно сказать, что за два года работы общества из пяти поставленных им пьес три принадлежали русским авторам: «Ревизор», «Гроза» и «Власть тьмы». И далее: «Выбор этих пьес был продиктован как их художественными достоинствами, так и социальной направленностью. Гоголевская сатира на реакционную, тупую грабительскую бюрократию, протест Островского против деспотического быта русских купеческих семей, тяжелая участь крестьян в пьесе Толстого — все эти темы актуальны и в сегодняшнем Китае» («Интернациональная литература», 1940, № 3—4, стр. 280).

Но вернемся к инсценировке романа «Воскресение», спектакль по которой был впервые поставлен в Нанкине в 1936 г. Автор инсценировки, сподвижник Лу Синя по Лиге левых писателей, один из организаторов и руководителей Лиги левых драматургов Китая Тянь Хань впоследствии вспоминал: «Целью этой постановки было не только отметить 25-ю годовщину со дня смерти писателя, но и устами героев Толстого высказать то, что рвалось из нашей груди. В тяжелые годы белого террора инсценировать произведения иностранных прогрессивных писателей было столь же важно, как писать революционные исторические драмы»¹⁶. И первая, и вторая (1942—1943 гг., город Чунцин — в переработке Ся Яня) постановки пользовались у зрителей неизменным успехом. Но надо прямо сказать, роман Толстого в результате переделок его китайскими драматургами превратился в совершенно иное, новое, в сравнении с подлинником, произведение. Это была уже героическая драма, и на первом плане в ней оказались образы революционеров¹⁷.

¹⁵ Сергей Юткевич. В театрах и кино свободной Китая. Записки советского режиссера. М., 1953, стр. 112.

¹⁶ Цит. по: А. И. Шифман. Лев Толстой и Восток. М., 1971, стр. 90—91.

¹⁷ Подробно см. там же, стр. 91—92.

В годы антияпонской войны Сопротивления Гуйлинь часто называли городом культуры (вэньхуа чэи): сюда из Шанхая и других мест, оккупированных агрессором, эвакуировалось множество деятелей литературы и искусства. Осенью 1941 г. здесь было создано театральное общество «Новый Китай» («Синь чжунго цзюйшэ»). За первый год своего существования труппа сыграла семь спектаклей, в том числе «Грозу» Островского и «Ревизора» Гоголя в постановке режиссера Цюй Бай-иня¹⁸.

О популяризаторской деятельности Лиги левых писателей, о переводе ее участниками произведений русских классиков на китайский язык следует сказать особо.

Летом 1934 г. по инициативе Лу Синя, придававшего огромное значение переводческой работе, был основан специальный журнал «Ивэнь» («Переводная литература»), призванный знакомить читателя с лучшими произведениями зарубежных авторов. И это несмотря на то, что в других периодических изданияхлевой лиги — журналах «Мэнья» («Всходы»), «То-хуанчжэ» («Пионер»), «Баэрдншань» («Партизан»), «Хайянь» («Буревестник»), «Вэньсюэ юэбао» (ежемесячник «Литература»), «Бэйдоу» («Большая Медведица»), «Дачжун вэнь» («Массовая литература») — печаталось довольно много переводных произведений. Журнал «Ивэнь» подвергался преследованиям гоминьдановской цензуры в сентябре 1935 г. был запрещен на полгода. Тем не менее за время своего существования с 1934 по 1936 г. он познакомил читателей с многими творениями зарубежных авторов. Вышло также четыре специальных выпуска: памяти М. Горького, памяти Романа Роллана и два номера, посвященные юбилям Пушкина.

Душой издания был Лу Синь, который и сам помещал в журнале свои переводы. Так, под одним из его псевдонимов, Хань Ся, в нем в октябре 1934 г. под названием «Голод» был напечатан перевод главы VII («Голодный город») из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Вокруг «Ивэнь» группировались кадры молодых переводчиков, которых заботливо растил Лу Синь.

В 1930 г. вышел полный перевод романа Горького «Мать», выполненный Ся Янем. В 1931 г. Лу Синь переводит «Разгром» Фадеева, за которым следует «Железный поток» Серафимовича в переводе Цао Цзин-хуа. Затем на китайском языке выйдут и другие шедевры советской литературы, всю работу по переводу которой направлял Лу Синь. — «Тихий Дон», «Бронепоезд 14—69», «Чапаев» и другие. Неотделимы от Лу Синя и переводы русской классики — начиная с 1936 г. один за другим

¹⁸ См. «Сборник материалов по истории движения разговорной драмы в Китае за пятьдесят лет». Вып. 1. Пекин, 1958, стр. 278—279.

выходят китайские переводы «Дворянского гнезда», «Рудинна», «Накануне» и «Отцов и детей»¹⁹.

Более одной четверти общего объема литературного наследия великого Лу Синя, закончившего свой путь в 1936 г., составляют переводы русской классической и советской литературы — примерно сто шестьдесят печатных листов²⁰. Подлинным творческим подвигом писателя явилась работа по переводу «Мертвых душ» Гоголя, продолжавшаяся полтора последних года его жизни. И только смерть помешала Лу Синю довести перевод до конца.

«Гоголь сопровождал Лу Синя до конца его дней, — пишут авторы краткого очерка китайской литературы. — Последней, уже предсмертной работой китайского писателя был перевод «Мертвых душ». Среди произведений русской классической и советской литературы, с которыми Лу Синь познакомил Китай, этот перевод выделяется редким пониманием всей красоты поэмы и удивительным проникновением в русскую сущность ее»²¹.

Уделяя в 30-е годы, как и Лу Синь, значительное внимание переводам советской литературы, Цюй Цю-бо, находившийся в начале 30-х годов в Шанхае на нелегальном положении, много переводил из Горького, сделал превосходный перевод поэмы «Цыганы» Пушкина²². Но большую часть времени и сил он отдавал пропаганде марксистской эстетики, развитию научного литературоведения и критики.

Совершенно неопценное значение для утверждения в Китае научных взглядов на литературу, правильного отношения к культурному наследию, для становления и развития там марксистского литературоведения и критики имели работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», «Задачи союзов молодежи», «Л. Н. Толстой и его эпоха», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», высказывания В. И. Ленина о литературе и искусстве, приводимые в воспоминаниях К. Цеткин и А. В. Луначарским, ленинские оценки Горького, а также статьи Плеханова, Луначарского и других теоретиков-марксистов²³. Появившись в переводах на китай-

ский язык во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов²⁴ или же будучи известны в подлинниках («Памяти Герцена», «От какого наследства мы отказываемся?»), они были взяты на вооружение Лигой левых писателей, широко использовались в публицистических статьях, в устных выступлениях на дискуссиях и прочно вошли в прогрессивное китайское литературоведение той поры.

Теоретические положения, содержащиеся в ленинских работах, сыграли важную роль в постепенном преодолении вульгарно-социологических ошибок в китайском литературном движении той поры, помогли прогрессивным китайским литераторам встать на правильный путь в оценке национального наследия — классического и современного. Но процесс освоения основных положений марксистско-ленинской эстетики сопровождался в Китае борьбой мнений, преодолением и рецидивами буржуазных взглядов, отказом от пролеткультовских и рапповских ошибок и заблуждений²⁵.

Речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» была переведена и напечатана в Китае в 1922 г., а в последующие годы еще несколько раз переиздавалась²⁶. Поэтому передовым деятелям китайской культуры, китайским коммунистам было хорошо известно ленинское указание о том, что развитие новой, социалистической культуры невозможно без критического освоения культурного наследия, накопленного человечеством.

Содержание ленинской работы превосходно знал и Лу Синь²⁷. В послесловии (1930 г.) к переведенной Жоу Ши на китайский язык пьесе Луначарского «Фауст и город» Лу Синь писал: «...новый класс и его культура не падают вдруг с неба. Они

²⁴ Подробно см. В. В. Петров. Из истории распространения в Китае марксистских трудов по эстетике и литературоведению (конец 20-х и начало 30-х годов). — В кн.: «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной научной конференции Востфака ЛГУ, посвященной 50-летию Октября», Л., 1967, стр. 41; В. В. Петров. Ранние китайские переводы работ В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства. — В кн. «Ленин и проблемы истории стран Азии (Китай, Индия)», Л., 1970, стр. 106—113; Л. Е. Черкасский, М. Е. Шнейдер. Ленинские идеи и образ В. И. Ленина в китайской литературе. — В кн.: «В. И. Ленин и литература зарубежного Востока», М., 1971, стр. 64—65.

²⁵ Подробно см. В. В. Петров. Ранние китайские переводы работ В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства. Стр. 113—120.

²⁶ См. там же, стр. 108.

²⁷ См. Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959, стр. 305.

¹⁹ См. «Краткая история переводной литературы в Китае». Пекин, 1960, стр. 102—106.

²⁰ См. В. В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960, стр. 332.

²¹ В. Сорокин, Л. Эйлин. Китайская литература. Краткий очерк. М., 1962, стр. 149.

²² См. М. Е. Шнейдер. Указ. соч., стр. 65—68.

²³ Подробно см. М. Е. Шнейдер. Переводы трудов по марксистской эстетике в Китае в 20—30-е годы. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 5.

развиваются в противоборстве со старыми правителями и их культурой, в противопоставлении себя старому. Поэтому в новой культуре есть и унаследованное от старой и то, что берется из нее»²⁸. В этих словах китайского писателя — изложение мысли В. И. Ленина из «Задач союзов молодежи»: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»²⁹.

Отношению к культурному наследию, борьбе с пролеткультовскими и рапповскими настроениями в Китае посвящена также статья Лу Синя 1934 г. «О том, как брать»³⁰, написанная в условиях гоминьдановской цензуры и разгула национализма в иносказательной форме³¹. В сущности, этой своей работой Лу Синь отстаивает известный тезис Маркса: «Всякая нация может и должна учиться у других»³² — истину, которая служила великому китайскому художнику путеводной звездой всю его сознательную жизнь, когда он неустанно пропагандировал у себя на родине лучшие достижения мировой литературы и искусства.

Лу Синю и его соратникам по Лиге левых писателей были также хорошо известны высказывания В. И. Ленина о Горьком, который, по словам вождя революции, «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...»³³. Лу Синь широко и умело использовал эту и другие ленинские оценки великого русского писателя для популяризации его наследия в Китае.

Переводы статей В. И. Ленина о Толстом, произведения которого во множестве переводились и с интересом читались в Китае, начиная с 900-х годов текущего столетия, помимо всего прочего, помогли преодолеть многие неверные представления о великом художнике, которые сложились у китайцев. Как справедливо отмечал В. В. Петров, «в глазах китайцев Толстой-проповедник, Толстой-непротивленец порою все же заслонял Толстого-художника, Толстого-обличителя»³⁴. О нем самом, об отношении

к нему Ленина и большевиков в Китае распространялись всякие небылицы»³⁵.

Марксистский, конкретно-исторический анализ наследия Л. Н. Толстого, содержащийся в ленинских статьях, помог китайским литераторам, передовой интеллигенции лучше понять русского писателя, разобраться в противоречивости его мировоззрения и творчества, увидеть в нем величайшего художника — реалиста, обличителя существовавших устоев, разобраться в слабости его позиций «учителя жизни».

Утверждение марксистско-ленинской методологии в китайском литературоведении и художественной критике, обоснование конкретно-исторического подхода к явлениям культуры, научного подхода к наследию, разработка проблем реализма, народности и партийности литературы и искусства в Китае 30-х и последующих годов постоянно наталкивались на противодействие антинаучных буржуазных теорий «искусства для искусства», «свободы творчества» и других идеалистических концепций. В упорной борьбе с ними марксистско-ленинская эстетика в те годы одержала верх. Позднее, однако, главным препятствием на пути ее дальнейшего распространения и утверждения в Китае стала националистическая, «лево-»вульгаризаторская линия в литературе и искусстве.

Захват японскими империалистами Северо-Востока Китая, и особенно начавшаяся в 1937 г. оккупация глубинных районов страны, всколыхнула весь китайский народ. Свои чаяния об освобождении от иноземных захватчиков китайцы стали все больше и больше связывать с СССР. Интерес к нашей стране, к ее культуре, настоящей и прошлой, теперь перестал быть уделом только китайских коммунистов и прогрессивной общественности — он стал поистине всеобщим. Активно заработало общество культурных связей Китая и СССР. На страницах его печатного органа — журнала «Чжунсу вэньхуа» («Культура Китая и СССР») помещались материалы о жизни советских людей, о строительстве социализма в нашей стране, о ее культуре, оригинальные и переводные статьи о русской классической и советской литературе, печатались переводы произведений наших писателей, содержалась богатая информация о театре, кино, изобразительном искусстве.

Важную роль в ознакомлении китайских читателей с русской классикой и советской литературой сыграла Всекитайская ассоциация деятельной литературы и искусства по отпору врагу, во главе которой в годы антияпонской войны стоял выдающийся деятель китайской культуры, писатель Лао Шэ. Он и его соратники рассматривали культурное наследие советского народа, русскую классическую литературу, как наследие об-

²⁸ Лу Синь. Поли. собр. соч., т. 7, Пекин, 1958, стр. 586.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304—305.

³⁰ Лу Синь. Собр. соч. т. 2. М. 1955, стр. 305—307.

³¹ Л. Д. Позднеева. Указ. соч., стр. 440—442.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 10.

³³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 153.

³⁴ В. В. Петров. Из истории распространения в Китае..., стр. 121.

³⁵ См. В. В. Петров. Ранние китайские переводы работ В. И. Ленина..., стр. 121—122.

«человеческое, принадлежащее и китайскому народу. Поицти поэтому, почему после начала Великой Отечественной войны народа нашей страны против гитлеровского фашизма редактор одного из журналов этой Ассоциации «Е цао» («Дикие травы») Цзинь Гу писал: «Мы с радостью следим за вслуноющими известиями о том, как Красная Армия и советский народ защищают свое отчество, страну Толстого, Достоевского, Горького, Менделеева, Павлова, страну, где впервые засиял новый свет»³⁶.

По данным журнала «Интернациональная литература» за 1938 г., к этому году список русских книг, вышедших на китайском языке в Китае, насчитывается 135 названий, в том числе Горький и Тургенев — по 19 названий, а Толстой и Чехов — по 100³⁷.

В общем, в 30—40-е годы, в годину суровых испытаний, выпавших на долю китайского народа, количество переводов произведений русских художников слова не только не уменьшается, но, наоборот, — растет, читатели узнают все больше и больше новых писательских имен и их творений. «Именно в это время, — пишет Б. Я. Лисица, — увидел свет полный перевод «Войны и мира», были переизданы «Евгений Онегин», «Тарас Бульба», «Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо», «Воскресение», рассказы и пьесы Чехова, большинство произведений Горького. Выходят «Былое и думы» и другие известные произведения Герцена, «Что делать?» Чернышевского и многие из его критических статей, собрания сочинений Белинского и Добролюбова. Почти каждое издание, как правило, сопровождается обстоятельными статьями о творчестве писателя или об истории создания и значении данного произведения, представляющими собой либо исследование китайских авторов, либо литературоведческие работы русских и советских критиков»³⁸.

Перечень произведений русской литературы, появившихся в китайских переводах в эти годы, далеко не исчерпывается приведенными выше названиями. Например, в 1930 г. вышел новый перевод «Кавказского пленника» Л. Толстого (первый относился к 1910 г.). В том же году появляется перевод «Героя нашего времени» Лермонтова и «Портрета» Гоголя. В следующем году переводится незавершенная пьеса Л. Толстого «И свет во тьме светит», а еще через два года «Живой труп». Отдельными изданиями выходят переводы поэм Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» и «Мороз — Красный нос», а в 1934 г. в журнале «Ивэнь» печатаются в китайских переводах еще девять сти-

хотворений русского поэта³⁹. В том же году Лу Синь переводит на китайский язык «Нос» Гоголя, «О черте» Горького, а в августе следующего года — горьковские «Русские сказки». В одном из писем к друзьям в марте 1935 г. Лу Синь сообщает, что Мэн Ши-хуань перевел «Повесть о том, как посорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»⁴⁰. В 1936 г. Гэн Ци-чжи издает перевод «Записок охотника». Пьеса Тургенева «Месяц в деревне», переведенная впервые в 1921 г., выходит снова в 1937 г. К тридцатилетию со дня смерти Л. Толстого в журнале «Вэньсюэ юэбао» (1940, № 11) публикуются отрывки из романа «Война и мир» в переводах Го Мо-жо и Гао Ди, а также статья Б. Эйхенбаума «Патриотизм Толстого». Редколлегия журнала пояснила, что к печати в китайском переводе уже подготовлен весь роман. Тем не менее она вынуждена печатать отрывки, «чтобы удовлетворить требования читателей, с нетерпением ожидающих появления перевода великого произведения, особенно ценного для Китая в настоящее время»⁴¹. Напомню, что речь идет о времени борьбы китайского народа с японскими захватчиками.

В эти годы неоднократно переиздается «Ревизор» (1931, 1941, 1942, 1945). «Живые образы «Мертвых душ» и «Ревизора», — вспоминал впоследствии Мао Дунь, — заставляли китайских читателей оглянуться на современную им действительность, на все то уродливое и грубое, что процветало в условиях старого Китая. А герои «Тараса Бульбы» зажигали сердца читателей смелостью и стремлением к борьбе, укрепляли веру в окончательную победу над иноземными захватчиками»⁴². Поэт Му Мутянь переводит лермонтовского «Демона»⁴³, «О первой любви» Горького. Другой поэт, Ли Ци, переводит «Песню про купца Калашникова» (обе поэмы Лермонтова помещены в журнале «Вэньсюэ юэбао», 1940, № 10). Затем в китайских переводах выходят «Отцы и дети», «Новь» и «Дым» Тургенева, «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Записки из подполья» Достоевского»⁴⁴.

Осмысление творческого наследия русских художников слова не ограничивается в рассматриваемый период предисловиями и

³⁹ «Краткая история переводной литературы в Китае». Пекин, 1960, стр. 130.

⁴⁰ См. Л. Д. Позднеева. Указ. соч., стр. 311.

⁴¹ Цит. по: «Интернациональная литература», 1941, № 4, стр. 164.

⁴² Цит. по: Б. Лисица. Указ. соч., стр. 209.

⁴³ См. Л. Е. Черкасский. Новая китайская поэзия (20—30-е годы). М., 1972, стр. 323.

⁴⁴ См. «Краткая история переводной литературы в Китае», Пекин, 1960, стр. 151, 152.

³⁶ «Интернациональная литература», 1942, № 1—2, стр. 241.

³⁷ См. В. М. Алексеев. Горький в Китае, стр. 315.

³⁸ Б. Лисица. Русская классическая литература в Китае. — «Русская литература», 1959, № 4, стр. 214.

послесловиями к переводам их произведений на китайский язык. Большую популяризаторскую работу ведет в 40-е годы шанхайское издательство «Шндай» («Эпоха»), в руководстве которым деятельное участие принимает видный советский китаевед и журналист В. Н. Рогов, литературовед и переводчик Гэ Бао-цюань, другие прогрессивные китайские литераторы. В 1947—1949 гг. в этом издательстве выходят: ежегодник «Изучение Горького», сборник «Изучение А. Н. Островского», «Пушкинский сборник», «Сборник статей о Пушкине», составленная В. Н. Роговым книга «Лу Синь о русской литературе»⁴⁵, в которой собраны высказывания великого китайского художника о русских классиках и советских писателях. Издательство «Эпоха» также выпустило в свет много других чрезвычайно полезных и нужных изданий о нашей отечественной литературе.

Передовые деятели китайской культуры продолжали знакомить своих соотечественников с мировой, русской классической и советской литературой почти повсеместно в Китае — и в районах, контролируемых гоминьдановцами, японскими оккупантами, и на освобожденных территориях.

В период сопротивления японской агрессии (1937—1945 гг.) и в послевоенные годы в труднейших условиях многие китайские литераторы продолжали публиковать переводы произведений Горького, других писателей нашей страны. Во множестве издавались переводы из Чехова, Пушкина и Гоголя, печатались юбилейные и исследовательские статьи об их творческом и жизненном пути. Довольно широко также переводились по-прежнему и произведения западных писателей⁴⁶.

Четвертый, последний по времени период распространения русской классической литературы в Китае начался с провозглашением Китайской Народной Республики и продолжался более десяти лет. В эти годы переводы произведений и вообще популяризация творчества наших отечественных классиков приобрели в Китае поистине грандиозный размах.

В первое десятилетие после образования КНР китайские читатели узнали русскую классику в полном объеме — от «Слова о полку Игореве» до Горького. «За последние годы китайский читатель знакомится с произведениями целой плеяды русских писателей, от Ломоносова до Бунина, — говорилось в частности, в статье «Издание произведений иностранных классиков в Китае», опубликованной в журнале «Народный Китай». — Сейчас Народное издательство художественной литературы готовит издание на китайском языке многотомных

избранных произведений таких крупных русских классиков, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Островский, Некрасов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой, Короленко, Горький и другие».

И надо сказать, весьма обширные планы китайских издательств по выпуску переводов шедевров мировой классики довольно успешно выполнялись⁴⁷. Были опубликованы многотомники произведений Гюго, Мопассана, Золя, Бальзака, Диккенса, Теккерея, Харди, сборники стихотворений Берса, Байрона, Шелли и других поэтов⁴⁸. В китайских переводах вышли в свет многотомные избранные сочинения Горького, Чехова, Л. Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова. Появилась в переводах на китайский язык «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя⁴⁹, «Недоросль» (1957) и «Бригадир» (1958) Фонвизина, «Левша» Лескова (1956), «Горе от ума» Грибоедова (1959), переиздавались «Герой нашего времени» (1954, 1957), «Ревизор» (1950, 1954) и «Мертвые души» (1952)⁵⁰. В переводах Ба Цзиня вышли «Стихотворения в прозе» Тургенева (1949), «Отцы и дети» (1953, 1955), «Пунин и Бабурин», «Муму»⁵¹ и многое другое. Принимались меры по подготовке новых кадров переводчиков, по повышению их мастерства. Мао Дунь выступил со статьей «Бороться за развитие дела перевода художественной литературы, за повышение качества переводов»⁵².

Китайская наука о литературе в эти годы развивалась в основном в русле научного литературоведения, марксистско-ленинской эстетики. На китайский язык переводились теоретические труды по проблемам культуры и искусства, изданные в СССР книги по истории русской классиче-

⁴⁷ См. «Литература и искусство свободной страны. Беседа с писателем Гэ Бао-цюанем». — «Огонек», 1950, № 2; А. И. Русская и советская литература в Китае. — «Вэнь бао», 1956, № 21; Бянь Чжи-линь и др. Переводы и изучение зарубежной литературы за последнее десятилетие. — «Вэньсюэ пинлунь», 1959, № 5.

⁴⁸ См. «Издание произведений иностранных классиков в Китае». — «Народный Китай», 1957, № 14, стр. 36.

⁴⁹ См. «Краткая история переводной литературы в Китае», Пекин, 1960, стр. 200.

⁵⁰ К началу 1952 г. роман Н. В. Гоголя издавался в Китае не менее пятнадцати раз. — См.: Дин Лин, Цао Юй. Пятнадцать изданий «Мертвых душ». Гоголь в Китае. — «Комсомольская правда», 6.III.1952.

⁵¹ См. В. В. Петров. Творчество Ба Цзиня. — В кн.: Ба Цзинь. Любовь. Роман. (Трилогия) — Рассказы. М., 1957, стр. 25.

⁵² Подробно см.: «Ивэнь», 1954, № 10, стр. 12—14.

⁴⁵ «Лу Синь о русской литературе», Шанхай, 1949.

⁴⁶ Подробнее см.: И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., 1969, стр. 140—141.

ской и советской литературы, монографические исследования и статьи советских ученых о творчестве русских художников слова. В качестве примера назовем следующие издания: «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве и коммунизме», «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», «В. И. Ленин о Толстом», «В. И. Ленин о литературе», «В. И. Ленин о литературе и искусстве», «Проблемы реализма в мировой литературе». Вышли в свет также книги: М. Горький — «История русской литературы», Н. Я. Бродский — «История русской литературы», Л. И. Тимофеев — «История советской литературы», С. Д. Балухатый — «Драматургическое мастерство Чехова», А. Белкин — «Реализм Чехова», В. В. Ермилов — «Ф. М. Достоевский» и «А. П. Чехов», В. Литвинов — «Антон Чехов».

В университетах, педвузах и театральных институтах КНР были введены курсы истории русской классической литературы, для чтения которых в ряде случаев приглашались советские профессора и преподаватели. В общем, освоение нашей отечественной классики в Китае тех лет шло в правильном направлении и стало приобретать поистине общегосударственные масштабы. Регулярно отмечались юбилеи, посвященные памятным датам русских классиков. На них с докладами выступали крупнейшие китайские писатели. В научных и литературно-художественных журналах печатались исследовательские и юбилейные статьи китайских специалистов по русской классической литературе, выходили обобщающие работы по истории нашей классики. В них приводились все новые и новые данные о переводах на китайский язык произведений русских мастеров, говорилось в общем плане о воздействии их наследия на китайских писателей, на развитие реалистической литературы в Китае.

В 1954 г., например, вышел первый том книги Ся Чуань-цая «Беседы о традиционной литературе Советского Союза»⁵³ довольно подробный и обстоятельный очерк истории русской классической литературы, написанный, как отмечается в послесловии, с использованием работ советских литературоведов⁵⁴. Об издании второго тома этого труда мне, к сожалению, не известно. Но в первом томе, которым я располагаю, рассматривается значительный исторический период — от зарождения устной литературной традиции до Беллинского.

В числе основных отличительных особенностей русской классической литературы Ся Чуань-цая называет ее патриотизм, высокий гуманизм, народность, реализм, национальность ее форм⁵⁵. Мировое значение

русской литературы XIX в. китайский литературовед видит прежде всего в том, что она глубоко и правдиво отобразила российское революционное движение, имеющее общечеловеческую значимость, реалистически изобразила процесс исторического развития России. Все это, по его глубокому убеждению, и предопределило то огромное влияние, которое русская литература оказала на литературу Китая⁵⁶.

В очерке Ся Чуань-цая содержатся весьма интересные и полезные сведения и наблюдения о многих именах и явлениях нашей классики. Дается, в частности, развернутая характеристика и раскрывается значение такого литературного памятника, как «Слово о полку Игореве». Далее следуют краткие, но вполне достаточные справки о творческом пути Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Державина, Радищева⁵⁷, Фонвизина, Крылова, декабристов: Рылеева, Одоевского и других. Более подробно автор очерка останавливается на жизни и творчестве Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Беллинского.

Кроме очерка Ся Чуань-цая, в Китае вышел также «Курс лекций по истории русской литературы»⁵⁸, подготовленный коллективом кафедры литературы факультета русского языка Пекинского института иностранных языков. К сожалению, ознакомиться с содержанием этой книги мне по независящим от меня обстоятельствам во время последнего пребывания в Пекине в 1965—1966 гг. так и не удалось.

И названные выше работы китайских авторов о русской классике, и подавляющее большинство других, как и общая направленность изучения нашей отечественной классики в Китае 50-х — начала 60-х годов, свидетельствуют в целом о стабильном интересе общественности страны к литературному наследию Советского Союза.

Таковы в общих чертах четыре основных этапа: 900-е — 10-е гг.; конец 10-х — 20-е годы; 30-е — 40-е годы и первые десять с лишним лет существования КНР, в течение которых осуществлялось проникновение русской классической литературы в Китай, осуществлялось ее влияние на развитие новой китайской литературы. Каждый из этих этапов определялся особенностями общественно-политического и социального развития страны, специфическим интересом к восприятию зарубежной литературы, направленностью самого китайского литературного движения.

⁵⁶ Там же, стр. 35.

⁵⁷ О знакомстве с творчеством этого русского писателя в Китае см. статью А. Шмакова «Радищев в Китае» («Звезда Востока», 1951, № 10), стр. 143—150.

⁵⁸ «Курс лекций по истории русской литературы». Пекин, 1959.

⁵³ Ся Чуань-цая. Беседы о традиционной литературе Советского Союза, т. 1, Шанхай, 1954.

⁵⁴ См. там же, стр. 260.

⁵⁵ См. там же, стр. 9—28.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Начало борьбы китайского народа против колонизаторов¹

С какого времени, с какого события начинается история национально-освободительной борьбы китайского народа? Китайская историография, начиная с работы Фань Вэнь-ланя, написанной в конце второй мировой войны², отвечает: с битвы у Саньюаньли 30—31 мая 1841 г. Обелиск в память героев Саньюаньли возвышается и сейчас на северной окраине города Гуанчжоу.

Первое столкновение Китая с буржуазным «Западом» в 1840—1842 гг. — одна из популярных тем как китайской, так и империалистической историографии. Последняя видит в событиях первой «опиумной» войны корни ксенофобии³, господствующей якобы в умах китайцев последние сто лет. Долгое время буржуазные историки Англии и других стран открыто прославляли колониальных захватчиков.

После второй мировой войны в западной историографии установилась несколько более завуалированная концепция, рассматривающая борьбу Китая в XIX в. за независимость как столкновение двух цивилизаций, как «ответ» (response) Китая на «вызов» (challenge) извне⁴. По существу, в новой форме проводится старая мысль об объективной правоте британских колонизаторов, представлявших динамичную, передовую страну, которая по самой своей природе не могла не прийти в конфликт с косной, неподвижной, замкнутой в себе китайской цивилизацией.

¹ А. С. Ипатова. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976.

² Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, т. 1, М., 1955.

³ Teng Ssu-yu, J. K. Fairbank. China's Response to the West. A Documentary Survey 1839—1923, Cambridge (Mass.), 1953; F. Wakeman. Strangers at the Gate. Social Disorder in South China, 1839—1861. Berkeley—Los Angeles, 1966.

⁴ В книге А. С. Ипатовой, на стр. 35, где разбирается указанная концепция, вкралась неточность: вместо challenge (вызов) стоит impact (толчок, воздействие).

С другой стороны, китайской историографии свойственно определенное преувеличение масштабов сопротивления, оказанного народными массами Южного Китая английским агрессорам, а также искусственное придание национальному движению несвойственных ему в то время демократических черт, отрицание факта руководства патристической борьбы со стороны феодалов.

Марксистский анализ истории первой «опиумной» войны и особенно зародившегося в эти годы сопротивления китайского народа английским захватчикам — одна из серьезных задач советской исторической науки в борьбе против буржуазных и маоистских концепций истории китайской революции⁵. Монография А. С. Ипатовой посвящена центральной проблеме истории первой «опиумной» войны: народному сопротивлению в провинции Гуандун. Этим объясняются научная ценность и актуальное звучание темы.

Исследование, как этого требует сам характер темы, обращено преимущественно к китайским источникам. Автором тщательно изучены документы народного движения (прокламации, хроники, а также воспоминания участников).

Центральный момент монографии — история событий у Саньюаньли. Мы получаем правдивую картину того, что произошло 30—31 мая 1841 г., когда тысячи китайских ополченцев⁶ из окрестностей Гуанчжоу, вооруженные пиками и другим примитивным оружием, окружили отряд англичан (около 1000 человек) и в течение дня держали его под угрозой уничтожения. Из-за внезапного дождя порох на полках кремневых ружей отсырел, и англичане долго не могли пустить их в дело. Потерн сторон были, видимо, невелики (английский участник событий называет у англичан цифры: 2 убитых и 14 раненых; китайские источники насчитывают на китайской стороне свыше 20 убитых и свыше 80 раненых). Нет также оснований, как справедливо считает А. С. Ипатова, полагать, будто вооруженное выступление гуандунских патриотов существенно

⁵ См. по этому вопросу: Л. А. Березный. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972.

⁶ В современной китайской историографии отряды патриотов 1841 г. фигурируют под названием «пининтуани» — «отряды усмирителей англичан». А. С. Ипатова указывает, что этот термин в то время не употреблялся и имеет более позднее происхождение (стр. 179).

повлияло на последующий ход военных действий.

Необходимо при этом иметь в виду, что такова лишь внешняя сторона явлений. События у Саньюанли имели принципиальное значение: впервые не войска, а сам китайский народ грудью встал против вторгшихся в страну иноземцев. Хотя масштабы выступления ограничились одной местностью, оно вызвало отклик по всей провинции. Велик был и морально-психологический эффект сопротивления: о нем слагались легенды, ему посвящались песни и стихи. Власти вынуждены были считаться с настроением населения, поэтому порт Гуанчжоу после Нанкинского мирного договора 1842 г. так и не был открыт для иностранной торговли, хотя на этом настаивали англичане. «Патриотическое движение населения пров. Гуандун в 40-е годы XIX в. положило начало длительной борьбе китайского народа против закабаления Китая иностранными капиталистами, а затем и империалистами», — пишет А. С. Ипатов (стр. 167). В то же время факты, приводимые ею, доказывают беспочвенность попыток некоторых авторов использовать события мая 1841 г. для подтверждения примитивного тезиса, будто во всех случаях можно дубиной победить захватчика, вооруженного современным оружием (стр. 32).

В рецензируемой книге поставлены и решаются основные вопросы народного сопротивления колониальной экспансии, такие, как характер и социальный состав движения, отношение к нему правящего лагеря, идеология, роль шэньши.

На основе многочисленных фактов автор делает вывод, что борьба китайцев против английских захватчиков в 40-х годах XIX в. представляла собой «антиколониальное движение, характерное для раннего феодального этапа национально-освободительной борьбы» (стр. 144). На том этапе «защита родины воспринималась гуандунцами прежде всего как защита своей родной провинции и ее центра — Гуанчжоу» (стр. 144—145).

Основную массу участников патриотической борьбы составляли крестьяне, а также ремесленники, мелкие торговцы, кули. Наряду с коренным населением провинции в ряды патриотов влились неполноправные переселенцы *кэцзя* (хакка), отверженные — *даньху*, всю жизнь проводившие на воде в лодках. Участие крупного купечества было, как показывает автор, ограниченным и временным. Общее руководство борьбой осуществляли патриотические представители господствующего класса, так называемые шэньши («ученое сословие»). Правящая бюрократия поддерживала патриотов лишь в определенных периоды, когда их борьба соответствовала политическим маневрам пекинских властей (лето 1841 — октябрь 1842 г.; начало 1849 — апрель того же года). В другой обстановке (октябрь 1842 — начало 1849 г.) власти запрещали патриотическое движение и жестоко преследовали его участников, так как надеялись в это

время договориться с английскими захватчиками (стр. 152—165).

Определяя периодизацию политики цинских властей по отношению к патриотическому движению, автор, однако, не подчеркивает того достаточно очевидного, на наш взгляд, вывода, что этапы политики властей Гуандуна есть одновременно этапы истории самой национальной-освободительной борьбы. Это обстоятельство можно было бы более четко отразить и в структуре самой монографии. В рецензируемом издании истории освободительной борьбы в Гуандуне отведены две главы (2-я и 3-я)⁷, одна из которых посвящена первой «опиумной» войне, другая — периоду от окончания войны до 1849 г. Но если подойти к структуре с точки зрения ее соответствия основной теме книги — патриотическому движению в Гуандуне, — то окажется, что каждая из двух названных глав естественно разделится на две. При таком подходе можно выделить следующие четыре главы: 1839—1841 гг. (до первого массового патриотического выступления гуандунцев); 1841—1842 гг. — подъем движения в годы войны; 1842 — начало 1849 г. — развитие движения в послевоенные годы; 1849 г. — победа патриотического движения, заставившего власти отказаться от «открытия» порта Гуанчжоу.

Весьма важна с точки зрения социологического анализа китайского «традиционного» строя затронутая в монографии проблема *шэсюэ* — общинных школ⁸, являвшихся клубами шэньши и их опорными пунктами. В периоды войн и смут *шэсюэ* часто становились штабами ополчений. Автор показывает, что в этих случаях создавались и новые *шэсюэ*, фактически вообще уже не школы, а организационные центры. Следует подчеркнуть заслугу автора, показавшего организационную опору влияния шэньши в китайском обществе.

Плод многолетнего исследования А. С. Ипатовой займет свое место в ряду монографий советских историков-китаеведов, дающих в сумме все более полную и достоверную картину развития освободительной борьбы китайского народа. Рецензируемая книга будет полезна для всех, занимающихся историей Китая и национально-освободительным движением в странах Востока.

В. Н. Никифоров,
доктор исторических наук

⁷ Первая глава монографии содержит обзор источников и литературы.

⁸ Перевод А. С. Ипатовой *шэсюэ* как «общинное школьное управление» не кажется нам удачным.

Танидзаки Дзюнъитиро и японская национальная традиция

В серии «Диссертации Варшавского университета» вышла книга Миколая Меляновича «Танидзаки Дзюнъитиро и японская национальная традиция»*.

М. Мелянович — автор работ по истории японской литературы. Ему принадлежат статьи о творчестве ряда японских писателей, а также многочисленные переводы японской художественной литературы, снабженные предисловиями и комментариями.

Из трудов М. Меляновича последнего времени следует отметить опубликованные на английском языке статьи «Драма разочарованности в современной японской литературе до 1923 года» и «Национальная традиция в современной японской литературе».

М. Меляновича интересует вопрос сохранения и развития национальной традиции в литературе. Это вопрос серьезный и сложный, а тем более, когда он касается такой страны, как Япония, охотно воспринявшей для себя достижения западной науки, и в то же время, как ни одна другая страна в мире, старательно оберегающей многовековую традицию. Традиция эта часто выставляется на всеобщее обозрение, но нередко существует и в скрытом состоянии, когда нужно приложить усилия и для того, чтобы разглядеть ее, и для того, чтобы суметь отделить ее от позднейших наслоений.

В. Г. Белинский писал, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи». А ведь «манера понимать вещи» это «философия» народа, воспитанный столетиями взгляд на мир, это не установившиеся отношения, какие существуют в обществе в тот или иной период его развития. И исследователь традиции какого-либо народа, а в данном случае национальной японской традиции, пожелав проследить влияние ее на литературу, обязан углубиться в то, как устанавливалась, а затем развивалась и изменялась у японцев «манера понимать вещи».

М. Мелянович обнаружил глубокое понимание японской традиции вообще и в связи с питавшей ее китайской традицией, что мы можем заметить уже в его статьях о национальной традиции в японской лите-

ратуре. Это позволило ему обратиться к труду о Танидзаки Дзюнъитиро и о роли национальной традиции в произведениях писателя.

Как мы видим уже из заглавия, автора прежде всего интересует японская национальная традиция. Он понимает ее широко, как явление, захватывающее всю жизнь японского общества. О роли традиции в Японии, о качестве и функции этой традиции говорит он во вступлении к работе. Основная же часть работы начинается с характеристики Танидзаки, его жизни, его трудов, его места в японской культуре.

В самом деле, нельзя не одобрить выбор М. Меляновича. Перед нами писатель, принадлежавший по времени рождения к прошлому веку и проживший шестьдесят пять лет в двадцатом веке, писатель, роль которого в японской жизни и культуре трудно переоценить. Автор книги называет его великим писателем и великим знатоком и сторонником японской культуры и японского языка. Это верно, как верно и то, что Танидзаки, мастер, владевший богатым наследием по меньшей мере десяти столетий, «активно участвовал в диалоге с традицией; он усвоил многое из этого наследия и воспринял это многое и приблизил его к современным ему читателям да и к будущим».

М. Мелянович отмечает три культуры в восприятии Танидзаки — японскую, европейскую и китайскую. Рассматривая биографию Танидзаки, он делит его жизнь на три периода. На три несколько других периода делит он и творчество Танидзаки. Это первый период — модернистский, между 1920 и 1926 гг., когда японский писатель был увлечен направлениями европейской литературы, в частности эстетизмом Уайльда. Второй период — классический, между 1927 и 1941 гг., когда Танидзаки открывал для себя и объяснял себе ценности отечественной культуры. И наконец, последний период, между 1942 и 1965 гг., время обращения писателя к современности. Автор книги говорит: «В конце концов, Танидзаки на протяжении всей своей жизни сохранил верность целиком захватившим его определенным темам, которые легко прослеживаются при взгляде на опубликованные им произведения от ранних рассказов и пьес вплоть до последнего его романа».

Автор сумел понять и оценить влияние европейской культуры на Танидзаки раннего периода, показав и глубину знаний и тонкость восприятия литературы. Поэтому достойно доверия мнение М. Меляновича о том, что Танидзаки был одним из первых японских писателей, гармонически сочетавших в своем творчестве элементы европейской культуры с отечественным наследием. Поэтому так интересны и изыскания М. Меляновича, касающиеся раннего периода творчества Танидзаки. Он говорит о теме смерти и любви в произведениях японского писателя, замствовавшей у Метерлинка и д'Аннуцио, но приложенной к сюжетам

* Mikołaj Melanowicz. Tani-zaki Jun'ichiro a krag japańskie-j tradycy-i rodzimej. Warszawa, 1976, Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego.

из японской истории, о нитях, тянущихся от «айльдовских «Саломеи» и «Портрета Доминана Грея», размышляет о повороте писателя к реализму Бальзака, об увлечении Стендалем, которого Танидзакки даже перебрал. М. Мелянович приводит примеры заимствований из «Аббатиссы из Кастро» Стендаля, из «Странной истории доктора Джекилла и мистера Хайда» Стивенсона, примеры влияния идей европейской литературы в произведениях Танидзакки на сюжеты японской истории.

Казалось бы, проще всего показать связь творчества Танидзакки с японской классикой: она на виду. Но и здесь нас привлекает метод автора работы, указывающего на источники вдохновения писателя, на присутствующие в его произведениях элементы хэйанской литературы (IX—XII вв.), средневековой культуры XIII—XVI вв., литературы периода Эдо (XVII—XIX вв.). М. Мелянович убеждает нас в правильности вывода, к которому он приходит, о своеобразном восприятии писателем классики и об отличии Танидзакки от других видных японских писателей. Каждый из них тяготеет к: той или иной эпохе, особенно же Танидзакки в том, что он за полвека своей писательской деятельности, можно сказать, вобрал в себя классическое наследие в целом. Автор работы приводит свидетельство такого авторитета, как Акутагава Рюноске, отметившего еще в 1918 г., задолго до того, как Танидзакки перевел на современный японский язык «Гэндзи-моногатари», прекрасное знание им камбуна и китайской культуры. Совершенно ясно, что не может быть настоящего понимания японской традиции без знания китайской культуры, питавшей эту традицию у самых ее истоков.

Основное внимание автор уделяет тому периоду творчества Танидзакки, который назван им классическим, но и замечания М. Меляновича, касающиеся других периодов, и разбор им произведений и творческих тенденций этих периодов представляют нам имеющими немалое значение для общей характеристики японского писателя. Интересно наблюдение М. Меляновича об отличии героев ранних произведений Танидзакки от персонажей распространенной в Японии 20-х годов «Повести о себе» (ватакуси — сёсэцу). Герои Танидзакки элитарны, их не затрагивает борьба за существование, они как бы выше этого в своих стремлениях к жизненным радостям. Такова дань, отданная Танидзакки модернизму.

Таким образом, в сравнении еще отчетливее выделяются особенности периода обращения Танидзакки к классике. Начало 30-х годов и есть начало этого длительного периода, а в нем мы не можем пройти мимо такого стоящего по жанру особняком произведения, как «Похвала тени», относящегося к 1933—1934 годам. В «Похвале тени» писатель поэтизирует национальную традицию и, делая себя, как японца, героем этого произведения, убеждает нас в ограниченности особенностей японской жизни и

культуры, порожденных традицией, в их неотрывности от тех двух философий, которые, по словам уже упоминавшегося В. Г. Белинского, существуют у всякого народа — «одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая — ежедневная, домашняя, обиходная». Собственно говоря, «Похвалой тени» можно прокомментировать и проверить те выводы, к которым приходит М. Мелянович в своем разборе художественных произведений Танидзакки.

Метод автора таков. Он рассматривает сочинения Танидзакки и показывает на их примере разнообразие привлеченных японским писателем жанров японской классики и, конечно, его творческое обращение с этими жанрами. Не приходится особо доказывать, что подобный метод потребовал от исследователя и больших знаний и литературной изощренности.

Так, в «Асикари» М. Мелянович прежде всего отмечает множество цитат из японской и китайской классики и ссылок на литературные и исторические памятники. Сочинение открывается стихотворением из «Ямато — моногатари» (950). В тексте приводятся сочинения китайских поэтов — Ду Фу об озере Дунтин, «Пипа» Бо Цзюй-и, «Красная скала» Су Ши. Автор работы находит предшественников «Асикари» в таких образцах японской классики, как «Такэтори — моногатари», композиционное же построение «Асикари», как он показывает, подчинено законам драмы Но. Эти доказательства дают основание автору для следующего заключения: «Классицизм Танидзакки возвращал и питал содержание и композицию его вещей. Более того, Танидзакки вдохнул жизнь в старую форму классической японской драмы».

В «Истории Сюнкин» М. Мелянович замечает наличие персонажей старого кукольного театра и театра Кабуки. Но ведут себя эти персонажи, как указывает автор работы, уже по-другому: вместо беспредельной преданности женщины — героини старого театра, здесь нетипичное для старого театра поклонение женщине.

Танидзакки строит свои произведения на историческом фоне, события же придумывает, но так искусно, так талантливо и совершенно, что каждое его произведение кажется достоверным по документальности изложением происшедших событий. Эта мысль подчеркнута автором работы, отмечающим также, что присутствующая в «Истории Сюнкин» тема поклонения женской красоте, приводящая к печальному концу и даже к катастрофе, не раз проходит через произведения Танидзакки, начиная с самых ранних. В «Истории Сюнкин» автор книги видит уже небывалое для Японии гармоническое сочетание традиции моногатари с чертами европейской литературы.

М. Мелянович доказывает близость к жанру моногатари такого произведения Танидзакки, как «Момоку — моногатари», где «Танидзакки оживил и довел до совершенства те особенности японской речи, которые

приводят обратно к «Гэндзи—моногатари», особенности, утвердившиеся в более поздних произведениях, принадлежащих по стилю и форме к классическим моногатари».

В «Бусюко—хива» М. Мелянович находит заимствование из повестей раннего периода Эдо (XVII в.). Автор работы перечисляет произведения этого времени, которые могли вдохновить Танидзакки. Интересно замечание М. Меляновича о том, что большая часть этих сочинений испытала влияние китайской повести XIV—XVII веков. Таким образом неизбежно прослеживается важная для исследователя связь Танидзакки и с китайской традицией. Мы видим самобытность Танидзакки и в том, что, создавая новое произведение художественной литературы в его современной форме и при этом опираясь на старинную традицию, он не ограничивал себя какой-то одной гранью этой традиции — одним классическим произведением или даже одной какой-либо формой.

М. Мелянович, обнаружив в «Бусюко—хива» гротеск, задается вопросом о том, где искать истоки его — в европейской или японской литературе. Эти истоки, говорит исследователь, в фарсах кёгэн XIV в. и в японской прозе XVII—XVIII веков. Как мы понимаем, и здесь не обошлось без европейского влияния, но изыскания автора работы помогают нам понять национальную основу явления, осознать черты развития японской культуры, особенно когда объектом исследования становится художественное произведение, являющееся, по утверждению М. Меляновича, большим достижением не только Танидзакки, но всей японской литературы XX века.

Таковы несколько примеров анализа произведений Танидзакки в работе М. Меляновича. Это анализ не формальный, когда ухватываются лишь черты внешнего сходства: такой анализ мало что мог бы дать для решения поднятого автором вопроса о национальной традиции. Нет, М. Мелянович рассматривает творчество Танидзакки в его внутреннем содержании, во внутренних, органических его связях с родной писателем стихией или традицией, а также со ставшей ему наряду с этим близкой европейской культурой, с глубоко гнездящейся в японской традиции китайской культурой. Вот в чем суть изысканий М. Меляновича.

И они подтверждаются проверкой их «Похвалой тени», о которой, кстати, автор работы говорит меньше, чем это, на наш взгляд, следовало бы.

В чем же может заключаться такая проверка? Да в том хотя бы, что в «Похвале тени», произведении как будто узконациональном, проявилась широта Танидзакки, не слепое преклонение его перед национальной традицией, а разумный взгляд на сочетание ее с достижениями последующей цивилизации, что видно, скажем, в рассуждении о разумном применении электричества без нарушения старинной гармонии японского жилища.

Можно, конечно, обвинить Танидзакки в старомодности, когда он утверждает, что «невежливо выставлять перед людьми обнаженные ноги, даже если они принадлежат ослепительной красавице», но ведь мода преходяща, а повод, по которому говорится об этом, достаточно серьезен: свет и тени в восприятии японца.

Из «Похвалы тени» можно понять, что означает для японца древность, «патина времени». «Цветом древности» называет Танидзакки след, оставляемый временем на вещах. Танидзакки в «Похвале тени» как бы материализует понятие почитания древности, характерное для Японии и, конечно, для Китая. Он и приводит в пример китайцев, говоря о благородной тусклости старины.

М. Мелянович в своем анализе творчества Танидзакки не раз указывает на связь произведений писателя с разными формами традиционного японского театра. Мы и об этом можем прочесть в «Похвале тени»: Танидзакки подробно пишет о своем отношении к театру Но и театру Кабуки и о месте их в национальной культуре, и эти высказывания подтверждают выводы автора рассматриваемой нами работы.

И те слова, которыми Танидзакки завершает «Похвалу тени», тоже имеют самое непосредственное отношение к исследованию М. Меляновича о сочетании в творчестве японского писателя национальной и европейской культуры. Танидзакки думает, что при движении Японии на пути ее развития «по линии европейской культуры» не избежать известного ущерба: с этим надо примириться. «Впрочем,— продолжает он,— я должен оговориться: я задумал написать «Похвалу тени», исходя из предположения, что должна все-таки существовать такая область, как например, литература или искусство, где мы могли бы компенсировать этот ущерб. Я желал бы снова вызвать к жизни постепенно утрачиваемый нами «мир тени», хотя бы в области литературы. Мне хотелось бы глубже надвинуть карнизы над дворцом литературы, затемнить его стены, отвести в тень то, что слишком выставлено напоказ, спрятать ненужные украшения в его залах...»

«Мир тени», столь дорогой сердцу Танидзакки, изучен и представлен нам М. Меляновичем в его работе о Танидзакки. По правде говоря, исследователем «тень» эта даже чуточку сгущена: нам думается, что следовало бы несколько больше внимания уделить элементам европейской культуры в «классический», а особенно в последний период творчества японского писателя.

Пожалуй, больше места можно было бы отвести и роли китайской культуры в творчестве Танидзакки. Ведь даже «бива» (да простится мне эта мелочная придирка), которую исследователь именует японской лютой, есть старинный китайский струнный инструмент «пипа» (так называется, например, упоминаемая М. Меляновичем поэма Бо Цзюй-и).

М. Мелянович в своем исследовании о Танидзакэ, по существу, проследил развитие японской культуры от X в. до наших дней. Он доказал сочетание и даже слияние воедино с европейской культурой японской и китайской традиций в творчестве японского писателя. Он наглядно показал преобразование старых традиционных форм в творчестве Танидзакэ, превращение традиции в органическую часть современной культуры, а значит, и в один из составных элементов современной жизни, в которую

вошли произведения выдающегося писателя.

Самое ценное в книге — проникновение в мир героев Танидзакэ, выразивших, как это удачно показано М. Меляновичем, не тот так называемый «японский дух», который отождествляется с самураиством, а лучшие традиции народа в вечном стремлении его к добру и истине.

Л. З. Эйдлин,
доктор филологических наук

* * *

«Строфы из граненой яшмы»*

Вот уже почти двадцать лет я внимательно слежу за переводческой деятельностью М. И. Басманова, за тем, как оттачивалось его поэтическое мастерство, как проникал он в сокровенную суть классической поэзии Китая, доискаться которой дано далеко не каждому исследователю и переводчику.

Сборник Ли Цин-чжао «Строфы из граненой яшмы», впервые вышедший в свет в 1970 г. и в дополненном виде — в 1974 г., — «большая творческая удача М. Басманова.

«Строфам из граненой яшмы» предшествовала длительная работа над текстами других авторов, экспериментирование, поиски адекватных средств выражения, попытки «реконструировать» утраченные когда-то мелодии «песенного жанра» «цы», который более всего интересовал переводчика, или хотя бы найти им оптимальную замену.

Первые публикации М. Басманова, относящиеся к 1956 г., при несомненных достоинствах, были начальными опытами переводчика, позволившими ему приступить к созданию сборников стихотворений поэта Сунской эпохи Синь Цин-цзи (1140—1207) и поэтессы Ли Цин-чжао (1084—1151), о стихах которой в переводах М. Басманова и пойдет речь.

Перед исследователем-переводчиком стояла сложная задача проникнуть в поэтический мир женщины-поэтессы, в ее прихотливый мелодичный стих, образную систему, попытаться взглянуть на жизнь далекой эпохи ее глазами.

Стихи Ли Цин-чжао просты в том смысле, что они не отягощены сложными реминисценциями, историческими намеками,

* Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы. М., 1974. Переводы с китайского Михаила Басманова.

именами и датами, какими были, например, стихи Су Ши; их сложность — в простоте, в тонком восприятии пейзажа, в умении передать неуловимое движение души, мгновенную смену настроения, радостный порыв или неожиданно возникшую печаль. «Горечь разлуки и неразделенной любви, — пишет в предисловии к своим переводам М. Басманов, — ожидание встречи с любимым и тоска по ушедшей молодости, сетование на бренность этого мира и желание слиться с природой — таковы основные мотивы стихотворений Ли Цин-чжао, написанные в жанре «цы».

Как видим, тематика вполне традиционна; ей отдали дань все поэты классического периода. В том числе и женщины-поэтессы, которых было немало в истории китайской литературы — в одну только танскую эпоху творили Се Тао, Чао Бянь, Чжан Вэнь-цзи и многие другие. Но все дело в том, что «не только китайская, но и мировая поэзия древних и средних веков», — пишет М. Басманов, — «после сладкозвучной Сафо не знала, пожалуй, женских имен, которые можно было бы поставить в один ряд с именем Ли Цин-чжао». Своими переводами М. Басманов открыл советскому читателю совершенно новый поэтический мир, показал высокий талант и «граненое» мастерство Ли Цин-чжао. Заслуга поэтессы заключалась не в том, какие грани бытия она отобразила в своем творчестве, а в том, как она изобразила прочувствованное и увиденное. Переводы позволяют понять причину хрестоматийности ее стихотворений.

Произведения жанра «цы», возникшие в VII—VIII вв. на основе народной городской песни, были связаны с музыкой, с мелодией, которые и «конструировали» форму «цы» по своему образу и подобию. Но поскольку мелодии были утрачены и до наших дней дошли «цы», «звучащие» словом, а не словом-мелодией при сохранении, однако, в литературных «цы» определенного числа строк в стихотворении и их длины, то и переводчики, пытающиеся воспроизвести «цы» на русском языке, должны помнить о музыкальной песенной первооснове этого жанра, о структуре всего произведения, генетиче-

ски восходящего к песне, а также о том, что при переводе разных «цы», написанных на одну и ту же мелодию (указанную в «цы»), следует придерживаться одной и той же структуры и размера в переводном тексте. Заметим, что последнее правило М. Басманов выдерживает неукоснительно: исключение составляют лишь два «цы» на мелодию «Дяньцзяньчунь», почему-то переведенные в разных размерах и в разном ключе (стр. 23, 24). Читая переводы М. Басманова, я ощущал легкость и непринужденность музыкальных «цы», которые иногда (не очень точно) называют жанром «городского романса».

В книге «Строфы из граненой яшмы» формальной стороне уделено пристальное внимание. Лирическая тема раскрывается через чуткий, гибкий, музыкальный стих. Русская строка звучит то приглушенно, то громко, то мажорно, то грустно.

Осени краски легли
На небо и облака.
Гостьей незваной ко мне
Чаще приходит тоска.
Лист золотист и багрян —
Близится праздник Чунъян.
Новый на вате халат
Меряю я перед сном
И открываю сосуд
С чуть забродившим вином.
Ветер порой,
Дождик порой,
Холод порой,
Дум беспокойных рой...

(Стр. 72.)

М. Басманову удалось донести до читателя драгоценные подробности быта (тут и шмовая цитра, и полог с жемчужной бахромой, и догорающая свеча, и ларец с заколками, и занавески, и мокрые качели у крыльца), приметы времени, своеобразие пейзажа и многое другое.

Тайнами рифм и созвучий
Я овладела давно.
Но и теперь не постигну
Лепет невнятный дождя.
И примириться мне с ветром,
Видно, не суждено!

Жизненный путь бесконечен,
Все исчезает в веках.
Но вдохновенье не будет
Временем сметено!
Ночь несказанно прекрасна:
Свет неяркой луны...
Ткут без усталости тени
Воздушное полотно.

(Стр. 82, 83.)

В стихах Ли Цин-чжао — множество цветов; но это не безжизненный гербарий — это живой, чувствующий мир, в котором

творит человек; цветы в поэзии Ли Цин-чжао не фон, не изящная деталь пейзажа — они сотворцы поэзии, и если «слива уронила цвет», или «цветущей груше холода страшны», или «в волосах запутался алый мэйхуа опавший цветок», то значит с человеком что-то происходит — он радуется, тоскует, чем-то обеспокоен. Цветы символичны, но и вещны, непременины в каждодневном бытии — в этом своеобразии видения мира, эстетика поэтессы, которые не ускользают от взгляда переводчика.

Из других образов Ли Цин-чжао хотелось бы выделить образы башни и перил, встречающиеся в сборнике много раз: «Опять я на башне одна», «В молчанье с башни устремляю взгляд...», «А на башне последние дни с холодом не сладит весна», «Только зачем любоваться с башни я буду одна?», «Я давно не касаюсь перил и на сад из окна не смотрю» и т. д. Образ башни — символ одиночества, грусти, тревоги, безмолвия, но прежде всего одиночества. Конечно, и этот образ традиционен (вспомним, например, поэзию Цао Чжи (192—232)), но привычный образ одухотворен своеобразной личностью Ли Цин-чжао. Пройдут века, и в творчестве поэтессы нового времени Сю Цзинь (1875—1907) вновь появится образ башни и перил — символизирующий слияние с природой, глубокою задумчивость, грусть, умиротворение или подъем духа. В образе башни — идея беспредельности земных просторов, устремленности героини к иным берегам. У Ли Цин-чжао этот образ, как впоследствии у Сю Цзинь, распростирает энергичные семантические толчки на все произведение, подчиняя его своей идее и создавая определенную духовную атмосферу.

Ли Цин-чжао умела передать подробности быта, краски и запахи цветов, убранство женских покоев. Но когда в стихах своих она поднималась на башню и смотрела вдаль, опираясь рукой о перила, ее видение мира укрупнилось, становилось масштабнее: перед ее взором возникали «над горною вершиной облака», безлюдная равнина, яркий закат. Переводчик стремился передать безыскусность стихов Ли Цин-чжао, как бы рождающихся на наших глазах и поэтому не оставляющих сомнения в своей безусловной правдивости.

И наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать после прочтения лирического сборника Ли Цин-чжао. О точности переводов, об их соответствии оригиналу. Сверка ряда текстов убеждает не только в том, что переводчик серьезно и глубоко прочел произведения поэтессы, но и в том, что им найдены средства адекватной передачи подлинника на русском языке и в русской прозе.

Метафоричные строки «Расплавленное золото заката и яшма лучезарных облаков» (стр. 79) не придуманы переводчиком, а точно соответствуют двум строкам (8 слов-нероглифов) оригинального текста «цы» на мелодию «Юнюйла».

Две строки пятисловных стихов «цы» на мелодию «Пусамань» в переводе звучат не только точно, но и афористично:

Где ты, край навеки милый?..
 Нам в разлуке жить суждено.
 Нет, забыть я тебя не в силах,
 Не поможет тут и вино!
 (Стр. 31.)

Переводчик достигает афористичности и в концовках стихотворений. Например:

Небо, вещи вокруг меня — те же,
 Только радость приходит все реже.
 (Стр. 48)

Или:

Гляжу на лес и всей душой скорблю
 Да крик кукушки из лесу ловлю.
 (Стр. 27.)

Точны русские версии «цы» на мотивы «Ицзяньмэй» (в сборнике, видимо, опечатка — «Ицзянмэй»), «Гуяньэр», «Жумэнлин» и другие. Мне кажется лишь, что переводчик иногда многословнее поэтессы: вряд ли правомерно 10 строк оригинала «цы» на мотив «Юйцзяо» (стр. 66—67) превращать в 32 русские строки.

Впрочем, это частности. Важно главное: переводы М. Басманова лирических «цы» Ли Цин-чжао, несомненно, стали фактом русской советской поэзии

Л. Е. Черкасский,
 доктор филологических наук

* * *

Исторический путь борьбы и побед

В феврале 1975 г. трудящиеся Вьетнама отмечали 45-летие Партии трудящихся Вьетнама, организатора и вдохновителя всех побед вьетнамского народа. К этому юбилею Комиссия по изучению истории партии при ЦК ПТВ подготовила книгу «Сорок пять лет деятельности Партии трудящихся Вьетнама»*, посвященную почти полувекovому пути становления и развития ПТВ от коммунистических групп до влиятельнейшей марксистско-ленинской партии Азии.

Рецензируемая работа состоит из четырех глав, каждая из которых отражает определенный этап развития и деятельности ПТВ. Первая глава охватывает начальный 15-летний период истории партии — от ее создания до победы Августовской революции 1945 г. Здесь содержится важный вывод вьетнамских коммунистов о том, что рождение во Вьетнаме марксистской партии «явилося исторической необходимостью, отвечавшей потребностям освобождения рабочего класса и народа. Вьетнама» (стр. 7). Такая пар-

тия была создана 3 февраля 1930 г. на Объединительной конференции различных коммунистических групп в Коулуне (недалеко от Гонконга), созванной по инициативе товарища Хо Ши Мина как представителя Коммунистического Интернационала. Подчеркивая историческое значение этого события, авторы пишут: «Создание Коммунистической партии Вьетнама ознаменовало великий поворот в истории вьетнамской революции и открыло новую эпоху, эпоху революции, руководимой рабочим классом и его авангардом — марксистско-ленинской партией» (стр. 14—15).

В октябре 1930 г. на I пленуме ЦК партия была переименована в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Тогда же были приняты Политические тезисы, разработанные первым Генеральным секретарем партии товарищем Чан Фу, в которых содержался вывод о том, что «в эпоху империализма и пролетарской революции, после победы Великой Октябрьской социалистической революции вьетнамская революция стала составной частью мировой пролетарской революции» (стр. 15). В этом документе была высказана устремленная в будущее мысль о том, что, взяв власть в свои руки, народы Индокитая, опираясь на поддержку стран, где установлена диктатура пролетариата, могут перейти к строительству социализма, минуя стадию капиталистического развития.

Одно из ведущих мест в книге по праву занимает тема деятельности партии в период подготовки национальной революции. В

* Сорок пять лет Партии трудящихся Вьетнама. Ханой, 1975, 191 стр. (на вьетнамском яз.).

1930—1931 гг. во Вьетнаме начался широкий революционный подъем, кульминационным пунктом которого явилось создание Советов в провинциях Нгеан и Хатинь. Это стало первой репетицией подготовки вьетнамского народа к победе Августовской революции и наглядно продемонстрировало, что «только рабочий класс Вьетнама и его авангард, Коммунистическая партия Индокитая, способны руководить национально-демократической революцией во Вьетнаме». (стр. 19). Несмотря на последовавшие затем годы террора и репрессий французских колонизаторов, КПИК сумела сохранить силы и перестроиться для нового этапа борьбы, который начался с середины 30-х годов. На этом этапе в соответствии с решениями VII конгресса Коммунистического Интернационала (июль 1935 г.) о необходимости сконцентрировать все силы коммунистических и рабочих партий на борьбу против фашизма, за демократию и защиту мира и в связи с победой Народного фронта во Франции Компартия Индокитая своей основной целью поставила создание широкого Демократического фронта Индокитая. В те годы партия, как подчеркивается в работе, воспользовалась открывшимися возможностями легальных форм борьбы для распространения марксизма-ленинизма, расширения влияния в массах. «Бесспорно, что подъем Демократического фронта Индокитая был второй генеральной репетицией Августовской революции» (стр. 28).

С началом второй мировой войны исчезли возможности для легальной деятельности КПИК, и она вновь ушла в подполье. VIII пленум ЦК КПИК, состоявшийся в мае 1941 г. под председательством Хо Ши Мина, сделал вывод о том, что «революция на данном этапе является национально-освободительной революцией» и что все силы нации следует сосредоточить на борьбе против французских колонизаторов и японских милитаристов. На пленуме было принято важное решение о создании Лиги борьбы за независимость Вьетнама (сокращенно — Вьетминь). Было решено также создать вооруженные силы революции и усилить подготовку к вооруженному восстанию. «Первоочередной задачей партии стало руководство народами Индокитая в подготовке к вооруженному восстанию за власть» (стр. 31). На основе многочисленных документов в книге раскрывается многогранная деятельность КПИК по подготовке революционного взрыва.

Победы Советской армии над германским фашизмом и японским милитаризмом создали, как справедливо подчеркивается в книге, благоприятные условия для нового подъема национально-освободительной революции во Вьетнаме. В апреле 1945 г. была сформирована Освободительная армия Вьетнама, а к июню был создан освобожденный район, превратившийся в революционную базу для всей страны. 13 августа 1945 г. партия принимает решение о всеобщем вооруженном восстании. 19 августа народное восстание

победило в Ханое, а 25 августа 1945 г. был освобожден Сайгон, и, таким образом, революция победила по всей стране. «Августовская революция была решающим шагом национальной народно-демократической революции во Вьетнаме, развивавшейся под руководством нашей партии» (стр. 38).

2 сентября 1945 г. Президент временного правительства страны Хо Ши Мин огласил в Ханое Декларацию независимости, объявив о создании Демократической Республики Вьетнам. «Это событие открыло новую эру в истории вьетнамской нации — эру, когда вьетнамский народ стал подлинным хозяином своей страны» (стр. 38). Характеризуя важнейший этап создания и возмужания КПИК, авторы подчеркивают ее творческий, марксистский подход к анализу условий и возможностей борьбы, тактическую гибкость, принципиальность и последовательность ее руководства. В то же время это был сложнейший период созревания партии. В рецензируемой работе объективно показаны проблемы роста, вскрыты и проанализированы допущенные партией ошибки, рассказано о борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами — троцкистами и раскольниками.

Вторая глава книги охватывает деятельность партии в 1945—1954 гг. Этот период почти целиком военный, поскольку в декабре 1946 г. французские империалисты развязали широкие военные действия против молодой республики. В книге подробно освещается многогранная деятельность партии в этот период, которая охватывала как повседневное руководство военными действиями, так и решение внутривнутриполитических, социальных и экономических проблем. О всеобъемлющей руководящей роли КПИК в эти трудные годы свидетельствуют решения ее второго съезда, который состоялся в феврале 1951 г. Съезд определил характер вьетнамской революции и указал, что она «выполняет задачи буржуазно-демократической революции и перерастает в социалистическую» (стр. 63). Съезд принял программу партии, а также важнейшие решения по вопросам строительства партии, развития органов народной власти, армии, единого национального фронта, хозяйственного строительства. Было также решено переименовать КПИК в Партию трудящихся Вьетнама. В книге характеризуются мероприятия по укреплению экономики страны, которые были проведены в соответствии с решениями III, IV и V пленумов ЦК ПТВ в 1953—1954 гг., а также программа проведения антифеодальной аграрной реформы.

Наметившийся в 1950 г. перелом в ходе войны Спротивления завершился в 1954 г. победой под Дьенбьенфу и полным освобождением Северного Вьетнама. Окончание «грязной войны» французского империализма в Индокитае было закреплено в Женевских соглашениях 1954 г., которые явились победой всего народа Вьетнама, сил мира, демократии и социализма. В рецензируемой работе выделена важная мысль, высказан-

няя на III съезде ПТВ в 1960 г., о том, что «в современных международных условиях всякий народ, пусть даже маленький, если он единодушно и решительно под руководством марксистско-ленинской партии поднимается на борьбу за независимость и демократию, такой народ имеет достаточно сил для того, чтобы победить любого агрессора» (стр. 92).

Третья глава работы посвящена этапу мирного развития ДРВ в 1955—1964 гг. Важнейшей задачей республики в период перехода от национальной народно-демократической революции к социалистической стало завершение аграрной реформы. В книге указывается, что к концу 1960 г., когда был успешно завершён трехлетний план социалистических преобразований (1958—1960 гг.), в кооперативы низшей ступени вступило 85% крестьянских хозяйств. Экономика страны из многоукладной стала приобретать все более однородный социалистический характер. Коренные социально-экономические изменения, происшедшие за эти годы в ДРВ, были отражены в новой социалистической Конституции республики (декабрь 1959 г.), в преамбуле которой была закреплена руководящая и направляющая роль ПТВ в жизни общества.

Большим событием в жизни партии и народа явился III съезд ПТВ (сентябрь 1960 г.). Съезд указал, что «Северный Вьетнам вступил в период перехода к социализму, а Южный Вьетнам продолжает национальную народно-демократическую революцию» (стр. 99). Съезд провозгласил курс на социалистическую индустриализацию и разработал директивы по первому пятилетнему плану развития экономики ДРВ на 1961—1965 гг.

В рецензии, естественно, невозможно охватить все направления огромной деятельности ПТВ в хозяйственном и социальном строительстве республики в годы мирного труда. Охарактеризовать эту деятельность можно, пожалуй, словами Хо Ши Мина, сказанными им в марте 1964 г.: «За прошедшее десятилетие наш Северный Вьетнам сделал огромные шаги, невиданные в истории нации. Наша страна, общество и люди преобразились» (стр. 100).

Отдельный раздел в этой главе отведен анализу развития революционного движения в Южном Вьетнаме, борьбе патриотов Юга за строгое соблюдение Женевских соглашений. Здесь подробно освещен период организации (декабрь 1960 г.) Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, программа действий которого провозглашала задачи борьбы против антинародного режима с целью воссоединения страны.

Четвертая заключительная глава охватывает самый тяжелый и наиболее героический этап борьбы с империалистической агрессией США. Нет нужды излагать хронику событий тех лет — они свежи в памяти нашего поколения. Как справедливо показано в книге, в условиях войны еще более возросла роль ПТВ как руководящей политической

силы вьетнамского общества. Партия мобилизовала весь народ на защиту страны, осуществила перевод экономики на военные рельсы. ПТВ нацелила трудящихся на то, чтобы, сочетая борьбу против американских империалистов с задачами хозяйственного строительства, продолжить строительство материально-технической базы социализма. В тяжелых условиях непрерывных бомбардировок и обстрелов были успешно выполнены задания военно-хозяйственного плана 1966—1967 гг.

Большое место в книге отводится военно-политической борьбе патриотов Южного Вьетнама против сайгонского режима и иностранных интервентов, важным событием которой явилось провозглашение в июне 1969 г. Республики Южный Вьетнам. С привлечением большого фактического материала показано, как успехи патриотов Южного Вьетнама, стойкость защитников ДРВ, упорство и гибкость, проявленные руководством ПТВ и ВРП РЮВ на трех фронтах — военном, политическом и дипломатическом, — вывели из тупика переговоры и привели к подписанию парижского соглашения (27 декабря 1973 г.), которое явилось большой победой всех миролюбивых сил. Характеризуя выдающуюся роль ПТВ в эти годы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Никакая другая политическая сила, кроме марксистско-ленинской партии, не могла бы вооружить борющийся народ таким ясным пониманием целей борьбы, так вдохновить его на массовый подвиг»¹.

Авторы показывают, что после подписания парижского соглашения создались благоприятные условия для упрочения завоеваний вьетнамской революции. С 1973 г. в центре внимания партии — борьба за послевоенное восстановление народного хозяйства ДРВ, неукоснительное выполнение согласованных решений по Вьетнаму. Конкретизируя политику партии на послевоенном этапе, XXII Пленум ЦК ПТВ (1973 г.) указал на необходимость сохранения мира во Вьетнаме, оказания всемерной поддержки патриотам Южного Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи в их борьбе за свои законные права. Пленум разработал программу восстановления экономики ДРВ на 1974—1975 гг.

Материалы, приведенные в книге, убедительно показывают, что трудящиеся Вьетнама во главе с ПТВ стремились найти мирный путь решения проблемы воссоединения страны. Однако сайгонский режим пытался сорвать претворение в жизнь положений парижского соглашения, касавшихся урегулирования в южной части страны. Марionеточная армия, нагнетая военную напряженность, повела наступление на освобожденные районы. Тем самым, как отмечено в книге, сайгонский режим поставил себя «перед лицом всеобщего и глубокого

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2, стр. 588.

кризиса». Южновьетнамские патриоты «нанесли решительный удар в ответ на воспные действия противника» (стр. 171, 173).

В заключительном разделе рецензируемой книги подводятся итоги 45-летней деятельности Партии трудящихся Вьетнама, дается теоретическое обобщение ее революционной стратегии и тактики в конкретно-исторических условиях Вьетнама. Творчески применяя марксистско-ленинское учение и отстаивая его чистоту, ПТВ, как особо отмечается в работе, «неустанно боролась против буржуазных реформистских тенденций и мелкобуржуазной стихийности в национальном движении, против «левых» взглядов троцкистов в рабочем движении, против правого и «левого» уклонов в партии» (стр. 182). Марксистско-ленинский анализ позволил партии сделать вывод о том, что в такой аграрной стране, как Вьетнам, «крестьянство представляет собой огромную революционную силу не только в национальной народно-демократической революции, но и в социалистической революции. Крестьянство вместе с рабочим классом составляет основную силу революции» (стр. 182). Поэтому важнейшим принципом деятельности партии явился курс на всемерное укрепление союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса.

На каждом этапе революционной борьбы ПТВ стремилась объединить все патриотические и прогрессивные силы в широком едином национальном фронте, осуществить единство действий в борьбе против общего врага — империалистов и внутренней реакции. Свою революционную задачу ПТВ видела в установлении и упрочении «власти народно-демократической диктатуры, выполняющей историческую задачу диктатуры рабочих и крестьян в период национальной народно-демократической революции и диктатуры пролетариата в период перехода к социализму и коммунизму» (стр. 184).

Как подчеркивается в книге, в своей практической деятельности ПТВ неизменно исходит из того, что вьетнамская революция является неотъемлемой составной частью мирового революционного процесса и неотделима от солидарности и поддержки со стороны братских социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения, борьбы за мир и демократию во всем мире.

Характеризуя рецензируемую работу в целом, следует сказать, что она представляет значительную ценность не только для исследователей проблем вьетнамской революции. Книга, несомненно, имеет общетеоретическое значение, так как вносит вклад в разработку вопросов национально-освободительных и национально-демократических революций в бывших колониях, позволяет глубже понять процесс перехода освободившихся стран на путь социалистического развития и дает развернутый анализ руководящей деятельности марксистско-ленинской партии в борьбе за построение социализма. «На примере Вьетнама, — говорилось в приветственном послании ЦК КПСС Центральному комитету Партии трудящихся Вьетнама по поводу 45-летия со дня образования ПТВ, — народы всего мира вновь убеждаются в том, какой небывало широкий размах и боевую организованность придает движению народных масс, на какие высокие подвиги вдохновляет их руководство марксистско-ленинской партии, вооружающей народ ясным пониманием справедливых целей и четкой программой действий»².

В. А. Маринов,
кандидат исторических наук

Я. Н. Пивоваров

² «Правда», 3.II.1975.

Важная веха в истории европейской синологии

В Париже с 6 по 11 сентября 1976 г. прошел очередной конгресс китаеведения. Очередной, но не обычный: в ходе его работы получила права гражданства и начала нормальную деятельность новая международная научная организация — Европейская ассоциация китаеведения (ЕАК). Как справедливо говорилось на конгрессе, это событие не только знаменовало рождение нового явления, но и подвело итог довольно длительному процессу.

Еще в 1948 г. группа энтузиастов-китаеведов из нескольких европейских стран, преимущественно научной молодежи, собралась в Салоне Оннора в Международном доме парижского университетского городка, чтобы установить контакты между синологами различных стран, обменяться первыми результатами исследований и обсудить планы на будущее. Так родились ежегодные научные форумы, получившие название европейских конференций молодых синологов. Шли годы, расширялся круг участников конференций (с 1954 г. в них принимают участие советские китаеведы), вступали в пору научной зрелости их наиболее активные организаторы. С 60-х годов эти встречи получили название Европейских конгрессов китаеведения, их состоялось уже более двух десятков.

Вне сомнения, работа конференций и конгрессов сыграла положительную роль в развитии европейского китаеведения, особенно тех стран, в которых специалистов-китаеведов не очень много и они часто разбросаны по различным городам. Встречи с коллегами из других стран и научных учреждений помогали находиться в курсе новейших тенденций и достижений в данной области науки, давали возможность обсудить собственные концепции, подискутировать, иногда выработать совместные планы. В то же время эти конгрессы были, так сказать, явлениями «одноразовыми». Для проведения каждого конгресса китаеведы страны, взявшей на себя его проведение, создавали организационный комитет, который прекращал свою деятельность после окончания конгресса. На следующий год все начиналось сначала. В промежутке же между конгрессами (ежегодное проведение которых стало все более затруднительным из-за роста числа участников и соответственно расходов) связи между научными центрами разных стран

приобретали спорадический характер и большей частью носили характер личных контактов.

Именно поэтому на XXIX конгрессе ориенталистов в Париже в 1973 г. была выдвинута идея создания ассоциации, которая объединила бы ученых-китаеведов всех европейских стран. С этой целью представители 13 стран собрались в феврале 1975 г. на предварительное совещание, где и было принято официальное решение о создании Европейской ассоциации китаеведения (Association Européenne d'études chinoises — AEDEC), избраны организационный комитет и его секретариат. За истекшие полтора года оргкомитет подготовил проект статута ассоциации, легализовал ее деятельность в соответствии с французским законодательством и подготовил созыв первой генеральной ассамблеи членов ЕАК, которая состоялась одновременно с работой нынешнего конгресса китаеведения в Париже.

Согласно единодушно принятому генеральной ассамблеей статуту, «Европейская ассоциация китаеведения создается в целях всемерного содействия и благоприятствования всем формам научной деятельности в области китаеведения» (ст. 4). Ассоциация является членом Международного союза ориенталистики и изучения Азии, а через него входит в Международный совет по филологии и гуманитарным наукам при ЮНЕСКО.

Как сказано в статуте, активными членами ЕАК могут быть все, «кто ведет педагогическую или научную деятельность в области китаеведения», чья кандидатура представлена двумя членами ассоциации и утверждена правлением. Членство может быть индивидуальным или коллективным. По сообщению организационного комитета, насчитывалось 248 индивидуальных и 4 коллективных члена, и в их числе — Институт Дальнего Востока АН СССР, представляющий в ЕАК советскую синологию. Генеральная ассамблея в соответствии с уставом избрала трех почетных членов — маститых китаеведов: П. Демьевиля (Франция), Б. Карлгрена (Швеция) и Д. Туччи (Италия), чья многолетняя научная деятельность снискала им уважение со стороны синологов всего мира.

Генеральная ассамблея избрала правление ассоциации в составе 24 человек, представителей всех стран Европы — участников конгресса.

Правление в свою очередь избрало из своего состава бюро в составе 7 человек. В него вошли: президент ЕАК, видный датский синолог-лингвист и писатель Сорен Эгерод, вице-президенты — член-корреспондент АН СССР М. Н. Сладковский и французский синолог Ив Эрвэст, известный своими исследованиями классической китайской поэзии. Ге-

неральным секретарем избран специалист по истории даосизма Кристофер Шиппер (Париж), его заместительницей — Брунгильда Штайгер (Гамбург), занимающаяся современными проблемами Китая. Казначеем стал Мишель Картье, редактор «Ревю библиографик де синологии». Членами бюро стали известные китаеведы Лионелло Ланчотти (Венеция) и Пит ван дер Лун (Оксфорд). Кроме названных сиологов, в состав правления вошли: Р. Ши (Лувэнский университет, Бельгия), Г. Гиргинов (София), Б. Хук (Лидс), Б. Чонгор (Будапешт), Р. Фельбер (университет В. Гумбольдта, Берлин, ГДР), П. Коррадини (Неаполь), Я. Хмелевский (Варшава), В. Ф. Сорокин (Москва), Ж. Жерне (Париж), Т. Гримм (Тюбинген, ФРГ), Б. Витгоф (Западный Берлин), А. Долежалова (Братислава), Р. Крамер (Цюрих), Г. Мальмквист (Стокгольм).

В статуте определено, что генеральная ассамблея собирается раз в два года (т. е. одновременно с проведением научных конгрессов китаеведов), правление — не реже одного раза в год. В промежутках всю текущую работу ведут бюро и секретариат. Местонахождением рабочих органов ЕАК является Париж, но решением генеральной ассамблеи оно может быть перенесено в любую другой европейский центр. Поскольку Италия взяла на себя организацию конгресса 1978 г., было решено, что следующее годичное заседание правления, на котором будут, в частности, обсуждаться вопросы подготовки к конгрессу, состоится в Венеции.

Было также принято решение считать официальным органом АЕК старейший синологический журнал «Тун бао», выходящий с 1890 г. в Лейдене (Нидерланды). В то же время было выражено пожелание, чтобы новые редакторы журнала (Ж. Жерне и Э. Цюрхер) приняли меры к актуализации содержания журнала, до сих пор уделявшего внимание почти исключительно «классической» проблематике, и тем самым сделали это издание интересным для самых широких кругов китаеведов.

Выступая на заседании генеральной ассамблеи, глава советской делегации директор Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковский, выразив удовлетворение советских сиологов фактом создания ЕАК и пожелав успеха ее участникам, сказал: «Мы уверены, что наша ассоциация будет руководствоваться высокими идеалами сотрудничества и взаимопонимания, которые уже существуют в международных организациях, и действовать в духе благожелательности и координации». Он предложил также, чтобы в случае возникновения вопросов, выходящих за рамки устава ассоциации, они предварительно рассматривались правлением. Выступление М. И. Сладковского было поддержано дружными аплодисментами.

Заседания генеральной ассамблеи и правления были важной составной частью работы конгресса, но основное время, естественно, было отведено для научных заседаний —

пленарных и секционных. Всего было создано семь секций: лингвистики, литературоведения, истории искусства, религии, законодательства, библиотекосведения и, наконец, современного Китая. Впрочем, представленные на этой секции доклады трактовали проблемы XVIII—XIX вв., в лучшем случае — Китай перед второй мировой войной; собственно современная тематика обсуждалась на общих заседаниях. И хотя нельзя не признать справедливыми пожелания ряда участников конгресса относительно необходимости дальнейшей актуализации тематики обсуждений, надо отметить, что на этот раз темы современности заняли сравнительно большое место в его работе: примерно каждое третье сообщение было посвящено различным сторонам жизни Китая или китайцев за границей в последние годы или десятилетия, одно из специальных заседаний («круглый стол») — теме «Кампания критики Линь Бяо и Конфуция» в КНР.

Общая тема конгресса была определена организаторами следующим образом: «Народные и официальные традиции в китайской культуре», причем под «культурой» понималась совокупность всех сторон общественной жизни Китая на протяжении его истории, иными словами, подразумевалась китайская цивилизация вообще. Но и эта весьма широкая трактовка темы не была обязательной для участников — уже первый по порядку доклад (С. Шрам, «Китайские и западные влияния на теорию и практику китайской революции») имел к ней весьма отдаленное отношение. В своем докладе американский китаист, работающий в последние годы в Лондоне, изложил известную по его прежним работам версию о том, будто своими успехами китайская революция обязана «синизации марксизма» (соединению элементов древних и средневековых китайских учений с положениями марксизма-ленинизма), и изображал в черном свете роль Коминтерна и «советской модели» в развитии событий в Китае. Эта точка зрения не нова и неоднократно подвергалась научной критике. Один из участников конгресса указал докладчику на то, что он неправомерно оставляет в тени роль в китайской революции видных руководителей-интернационалистов. Несомненный интерес представляла дискуссия о кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». В частности, Б. Эберштейн (ФРГ), основываясь на личных впечатлениях от пребывания в Пекинском университете, рассказал о тех тенденциях в изучении и оценке философского наследия Китая, которые не находят отражения в официальных пекинских публикациях.

Ближе к теме конгресса в ее прямом смысле был доклад «Двор и сцена в Китае в годы Хунгзу», в котором молодой голландский исследователь В. Л. Идема привел ряд материалов, свидетельствующих о том, что в конце XIV века в Нанкине, тогдашней столице империи, имелось два государственных театра, помимо придворного, которые также посещались высшей знатью, включая

императора. Эти сведения проливают дополнительный свет на историю формирования двух направлений — аристократического и демократического — в развитии традиционного китайского театра. Эта же тема на материале других видов искусства ставилась в докладах Н. Никола-Вандьер (Франция) «Понятие «вульгарного» в китайской художественной критике», С. Кучеры (ИВ АН СССР) о концепции «изящного» и «простонародного» применительно к древним танцам и др.

Как показало обсуждение за «круглым столом», в котором приняли участие Ж. Жерне, П. ван дер Лун и другие видные специалисты, наличие в традиционной китайской культуре двух потоков — культуры «высокой», официальной, с одной стороны, и демократической, «простонародной» — с другой, в целом не подвергается сомнению. Однако существуют серьезные разногласия относительно реального содержания этих понятий в разные эпохи, их взаимоотношений и влияния на китайскую действительность новейшего времени. Несомненно, нужны новые исследования, новые факты и особенно новое осмысление фактов.

В своей вступительной речи С. Эгерод говорил о следующем, как он выразился, «парадоксе»: у китаеведов всех стран растет интерес к актуальной проблематике, но они в течение многих лет не имеют или почти не имеют доступа к материалам в «китаезычных странах». Не случайно проблемы, связанные с получением, верификацией и использованием материалов по современному положению в Китае, стали темой специального обсуждения еще за одним «круглым столом», в котором участвовали французские исследовательницы М. Бастид, М.-К. Бержер, англичанин Дж. Гарднер и др.

Здесь нет, конечно, возможности хотя бы кратко охарактеризовать каждый из полусотни сделанных на конгрессе докладов, тем более что секционные заседания проходили одновременно, причем не все авторы представили письменные тезисы. Остановимся несколько подробнее на работе литературоведческой секции, в которой участвовал автор этих строк. В докладе А. Долежаловой была предложена новая периодизация истории китайской литературы XX века, отличающаяся как от принятой в КНР, так и от встречающейся в работах ряда западных ученых. Ф. Грунер (ГДР) говорил о появляющихся в последнее время на страницах китайской печати критических статьях по поводу рассказов Лу Синя, в которых односторонний акцент делается на их политическом содержании (к тому же часто в духе его «модернизации») при невнимании к гуманистической, эстетической и эмоциональной стороне произведений великого писателя. М. Луа (Франция), ссылаясь на впечатления от недавней поездки в КНР, говорила о большом числе стихотворных публикаций, появившихся за последнее время, особенно

после возобновления издания ряда литературно-художественных журналов. В ее сообщении упор был сделан на количественную сторону и разнообразие поэтических форм, вопросы же содержания публикуемых произведений и их художественной ценности остались в стороне. М. Луа не смогла сообщить каких-либо сведений о ведущих поэтах 40—50-х годов, имена которых вот уже более десяти лет не появляются в печати.

Два выступления были посвящены вопросам классической литературы. Чжан Фу-жуй (Париж) говорил об «анекдотах», встречающихся во многих исторических и философских трудах древности, и связанных с этим лингвистических проблемах. В моем докладе «Юаньская драма: некоторые особенности жанра» содержалась попытка объяснить четырехчастную композицию пьес жанра «цзацзюй» (XIII—XIV вв.), исходя из композиционных принципов, распространенных в классической поэзии «ши» и ритмической прозе «гувэнь». Тем самым утверждалась мысль о том, что некоторые эстетические принципы могли быть общими как для «высоких», так и для демократических жанров литератур отдельных периодов, хотя идеяная нагрузка их была, естественно, различной.

На заключительном заседании конгресса с докладом «Исторические судьбы социализма в Китае» выступил член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. В докладе было показано, что идеи социализма стали овладевать умами передовых людей Китая начиная с великого революционера-демократа Сунь Ят-сена, что они приобрели широчайшую народную поддержку в годы национально-освободительной борьбы под руководством Коммунистической партии Китая. Докладчик привел цифры и факты, свидетельствующие об успехах социалистического строительства в первые годы народной власти, и выразил уверенность в том, что дело социализма в Китае победит.

Организаторы конгресса позаботились о том, чтобы создать необходимые условия его участникам, чтобы сделать программу насыщенной и разнообразной. В период работы конгресса открылись выставка китайского театрального костюма и эстампов в Музее человека и выставка керамических изделий из Чанша в музее Чернуски. Была организована интересная экскурсия в замок Шантий и аббатство Руайамон. Состоялись концерт китайской музыки и просмотр любительских кинофильмов о Китае.

Работа конгресса и заседания Европейской ассоциации китаеведения проходили в хорошей деловой атмосфере и, вне сомнения, способствовали упрочению научных и личных контактов между синологами нашего континента.

В. Ф. Сорокин,
кандидат филологических наук

* * *

За мир, безопасность и сотрудничество в бассейне Тихого океана

С 18 по 25 августа 1976 г. город Находка в третий раз принимал посланцев стран бассейна Тихого океана — из Азии, Австралии и Океании, Северной и Южной Америки. В работе семинара, организованного Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим советом СССР совместно с Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки и Академией наук СССР, участвовали делегаты 16 стран Тихоокеанского бассейна, представлявших широкий круг национальных молодежных, студенческих, профсоюзных, научных, религиозных и других организаций, а также представители ряда международных организаций — ЮНЕСКО, Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, Всемирного Совета Мира, Международной ассоциации юристов-демократов, Молодых федералистов мира.

Активную роль в подготовке и проведении семинара сыграли научные сотрудники учреждений Академии наук СССР — Дальневосточного научного центра, Института США и Канады, Института Дальнего Востока.

Открывая встречу в Находке, первый заместитель председателя КМО СССР В. Г. Лордкипанидзе указал на возросшую представительность III семинара по сравнению с двумя предыдущими, на расширение круга обсуждаемых вопросов, которые ныне волнуют молодежь и широкую общественность стран Тихоокеанского бассейна. Он выразил надежду, что молодые посланцы своих стран в ходе дискуссий обсудят конкретные направления и формы совместной борьбы за углубление разрядки в бассейне Тихого океана, за превращение этого района в зону мира, свободы и конструктивного международного сотрудничества.

На III Международном семинаре молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана были обсуждены 3 темы: «Молодежь и расширение международной разрядки на бассейн Тихого океана», «Роль молодежи в охране и рациональном использовании ресурсов Тихого океана», «Международное молодежное и студенческое сотрудничество в бассейне Тихого океана и перспективы его развития».

Был также проведен коллоквиум на тему

«Современные концепции тихоокеанского сотрудничества».

С лекциями и докладами перед участниками семинара выступили ряд видных советских и зарубежных ученых и общественных деятелей, в том числе выдающийся перуанский ученый-натуралист, член руководства Международного фонда по природным ресурсам, президент Перуанской ассоциации зоологов Фелиппе Бенавидес; известный колумбийский ученый, ректор университета имени Симона Боливара, президент Общества охраны природных ресурсов Колумбии доктор Хосе Консуэгра; и. о. директора департамента по делам молодежи ЮНЕСКО Пьер-Луиджи Вальяни; профессор Вашингтонского университета в Сиэтле (США) Ричард Карбрэй; профессор политических наук из Миддлбург колледж (штат Вермонт, США), специалист по странам Юго-Восточной Азии Дэвид Розенберг; директор института истории, археологии и этнографии Дальневосточного научного центра Академии наук СССР член-корреспондент А. И. Крушаков; заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР доктор экономических наук В. И. Акимов; член Исполкома Приморского краевого Совета депутатов трудящихся кандидат экономических наук К. М. Харчев; заведующий сектором Института США и Канады АН СССР доктор исторических наук В. П. Луккин и другие.

Работа международного семинара проходила в деловой и дружественной атмосфере. В зале заседаний и в ходе личного общения участников царил доброжелательный, уважение к мнению коллеги, стремление глубоко аргументировать свои выводы, искреннее желание найти общее в позициях друг друга.

Весь ход работы находкинского семинара убедительно показывает, что идея широкого и делового сотрудничества молодежи (да и не только молодежи) стран бассейна Тихого океана приобретает все более зримые очертания. Это служит еще одним доказательством того, что ныне, в век бурной научно-технической революции, в век стремительных скоростей, сближивших страны и континенты, в бассейне Тихого океана постепенно складывается новая региональная общность, основанная на стремлении к миру и безопасности в Тихоокеанском бассейне, на принципах добрососедства и сотрудничества в регионе, на идее рационального использования и защиты ресурсов Великого океана и прибрежных стран.

Огромное влияние на кристаллизацию общности тихоокеанских стран имеет процесс разрядки международной напряженности, который охватил ныне весь мир. Недаром одна из главных тем семинара была посвящена этой проблеме. В единодушно принятых документах — коммюнике и «Основных выводах семинара» — участники форума в Находке согласились в том, что заметное улучшение международной обстановки в последние годы является важной предпосылкой преодоления последствий «холодной

войны». При этом особо было подчеркнуто исключительное значение итогов и опыта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе для других районов мира, включая бассейн Тихого океана.

Делегаты приветствовали победу патриотов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи над империалистической агрессией и образование Социалистической Республики Вьетнам. Они констатировали, что с окончанием войны в Индокитае и восстановлением мира в Юго-Восточной Азии открылись новые горизонты для оздоровления обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире. Представители молодежи стран Тихоокеанского бассейна заявили о своей решимости выступать за развитие процесса разрядки и придания ему необратимого характера, что, по их убеждению, жизненно важно для всех стран мира — больших и малых, развитых и развивающихся.

Участники встречи в Находке подчеркивали в выступлениях, что разрядка напряженности неотделима от борьбы за разоружение. Поэтому они приветствовали важные инициативы и принятие ряда конкретных решений, в том числе Организацией Объединенных Наций, по сдерживанию гонки вооружений, запрещению испытаний и разработок новых систем оружия массового уничтожения, по запрещению средств воздействия на природную среду в военных или враждебных целях. Было выражено единодушное мнение, что осуществление принятых решений и инициатив отвечает коренным интересам стран Тихоокеанского бассейна. Делегаты призвали молодежные и общественные организации объединить свои усилия в этом направлении. Одновременно было подчеркнуто, что необходимо усилить работу в поддержку советского предложения о заключении международного договора о неприменении силы или угрозы силой в международных отношениях, добиваться того, чтобы этот принцип стал законом международной жизни.

Эти призывы для присутствовавших на семинаре были наполнены особым смыслом, ибо они могли выслушать выступление человека, испытавшего на себе тяжесть последствий ядерных бомбардировок. Коити Субосима, представлявший Лигу социалистической молодежи Японии, рассказал, что его родители подверглись ядерной радиации в 1945 г. Но последствия этого сказываются сегодня на его здоровье и здоровье его сестры. Он рассказал, что проявления лучевой болезни отмечаются не только во втором, но и в третьем поколении, и ныне они отмечены у 18% детей, живущих в Осака. К. Субосима рассказал, что эти молодые люди часто не могут вступить в брак, они подвергаются дискриминации при приеме на работу, а правительство не уделяет внимания их нуждам и заботам.

Многие из выступавших в дискуссиях указывали, что важнейшими формами борьбы за мир, безопасность и сотрудничество в бассейне Тихого океана являются усилия го-

сударств района по созданию на коллективных началах региональных зон мира и сотрудничества, а также зон, свободных от ядерного оружия. Они высказывали свое одобрение и поддержку идее коллективной безопасности в Азии, предложению о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета, идее создания безъядерной зоны в южной части Тихого океана и призывали страны сообща наполнить их конкретным содержанием в соответствии с велением времени и сложившейся реальностью.

В этом плане особый интерес молодых слушателей вызвала лекция В. И. Акимова «Вопросы сотрудничества и безопасности на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии», значительная часть которой была посвящена советской идее общеазиатской безопасности и усилиям Советского Союза по ее осуществлению.

Отметив важные позитивные перемены, происходящие в международных отношениях в Азии и на Дальнем Востоке, оратор подчеркнул, что сама жизнь, весь ход исторического развития требуют приступить к закладыванию новых основ отношений в Азии, построенных на коллективном мире и равных гарантиях безопасности для всех без исключения его участников, на широком многостороннем и взаимовыгодном сотрудничестве малых и больших государств региона.

Идея коллективного мира имеет глубокие исторические корни и берет свое начало в ленинских принципах мирного сосуществования государств с различным государственным строем. Хорошо известно, что именно эти принципы лежали в основе взаимоотношений молодого Советского государства со странами Востока. Одной из первых попыток достижения коллективного мира был советский проект создания Тихоокеанского пакта в предвоенные годы, направленный на обуздание японского милитаризма и предотвращение его агрессии против Китая, США, СССР и других стран Азии. Ныне в новых исторических условиях Советский Союз продолжает курс на осуществление идей региональной коллективной безопасности, и прежде всего в Азии, где проживает половина населения мира, где бушевали кровопролитные войны и опасность новых столкновений существует по сей день. Этот курс СССР был подтвержден XXV съездом КПСС, в решениях которого подчеркивается, что одной из назревших задач в дальнейшей борьбе за дело мира, свободы и независимости является обеспечение безопасности Азии на основе совместных усилий государств этого континента.

В лекции В. И. Акимова указывалось, что, выдвинув идею коллективной безопасности в Азии, Советский Союз призвал все страны — социалистические, развивающиеся и капиталистические — приступить к поиску путей конкретного осуществления. Причем в этом плане страны Азии имеют солидный практический опыт, начинающийся выработкой знаменитых 10 принципов Бандунга и

продолженный коллективными решениями, принятыми в рамках движения афро-азиатской солидарности, движения неприсоединения, а также в ходе сессий ООН и ее специализированных органов.

Идея коллективного мира на Азиатском континенте направлена на коренную перестройку международных отношений на принципиально новых основах, исключающих военную конфронтацию, политический шантаж, экономические формы неокolonизма. Она предполагает укрепление политической и экономической независимости азиатских стран, налаживание равноправного и всестороннего сотрудничества. Реализация идеи коллективного мира в Азии освободит огромные ресурсы, как людские, так и материальные, расходуемые на гонку вооружений, для подъема материального и культурного уровня широких народных масс.

Советские предложения встретили широкую поддержку в Азии. В их пользу высказывались многие политические и общественные деятели, ряд организаций и политических партий, органы печати различной ориентации. Советский Союз будет шаг за шагом идти к осуществлению выдвинутой идеи, опираясь на растущую поддержку азиатской общности и ширящееся осознание того факта, что иной приемлемой альтернативы не существует.

Советские руководители неоднократно призывали и китайских руководителей включиться на равноправной основе в поиски путей, ведущих к созданию приемлемой для всех системы коллективной безопасности и сотрудничества. Кстати говоря, в 50-х годах Пекин был активным поборником коллективного мира в Азии и бассейне Тихого океана, сторонником создания безъядерных зон в этих районах.

Как показала работа III Международного семинара, идея азиатской безопасности на коллективной основе встречает одобрение и у молодежи стран Тихоокеанского бассейна. В ее поддержку высказались представители Новой Зеландии, Австралии, Японии, Таиланда, латиноамериканских стран. Молодой посланец Индии подчеркнул, что в одном из своих последних выступлений премьер-министр Индии И. Ганди выразила свое убеждение в том, что идея коллективной безопасности должна сыграть важную роль в жизни Азии и что необходимость ее осуществления еще более возросла.

Вместе с тем известны и другие идеи азиатско-тихоокеанского регионализма, и наиболее известная из них — «тихоокеанская доктрина» США, выдвинутая в декабре 1975 г. Сформулированная в самой общей форме, эта доктрина, с одной стороны, свидетельствует о растущей в США заинтересованности в поисках путей укрепления стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе. Но вместе с тем избранное направление — идея «партнерства» с Японией и активного привлечения Китая для обеспечения стабильности в регионе — связано, очевидно, с тенденцией исключить Советский Союз

из азиатско-тихоокеанской сферы международной жизни и противопоставить ему другие влиятельные государства этого района.

Как видим, совсем не трудно превратить идею безопасности и стабильности в свою противоположность и возвратиться к политике блоков и конфронтации, прикрываясь лозунгом коллективной безопасности, точно так же, как это было в период «холодной войны». В этом свете, как представляется, весьма актуально на семинаре прозвучала мысль о том, что безопасность может быть либо для всех, либо ее вообще не может быть.

Следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с «тихоокеанской доктриной» США. Американские ученые и политические деятели сплошь и рядом говорят о том, что доктрина учитывает «вьетнамский опыт». Однако многие факты говорят об обратном, стоит лишь обратиться к политике США в отношении проблемы Кореи.

Еще не успели отгреметь залпы войны в Индокитае, как США заявили о том, что после «ухода» из Вьетнама «фронтальной зоной обороны» в Азии становится Южная Корея. Затем последовал целый ряд заявлений американских руководителей о том, что Соединенные Штаты не собираются выводить 40 тыс. своих солдат из Южной Кореи и намерены продолжать помощь в осуществлении программы интенсивной модернизации вооруженных сил южнокорейского режима. Более того, руководители Пентагона на протяжении последних двух лет неоднократно заявляли, что в случае возникновения конфликта на Корейском полуострове США не остановятся перед применением ядерного оружия.

На семинаре в Находке отмечалось, что, нагнетая напряженность на Корейском полуострове, Соединенные Штаты усиленно втягивают правящие круги Японии в орбиту своей политики путем создания трехсторонней «оборонной» структуры США — Японии — Южная Корея.

Приведенные примеры красноречиво говорят о том, что то понимание, которое имеют правящие круги вкладывают в термин «безопасность», может представлять серьезную опасность для других стран и народов, для мира и действительной безопасности в Корее. Поэтому, выражая свое отношение к корейской проблеме, участники международного семинара заявили: «Назрела необходимость создать условия для утверждения на Корейском полуострове прочного мира и удовлетворения чаяний корейского народа о мирном воссоединении страны. Ослабление напряженности на Корейском полуострове, полное прекращение иностранного вмешательства внесет важный вклад в укрепление мира и безопасности в Азии и в бассейне Тихого океана».

На III семинаре молодых исследователей значительное место было уделено солидарности молодежи с народами, борющимися против империализма и колониализма во всех его формах и проявлениях. В заключи-

тельных документах отмечалось, что молодежь и студенчество стран бассейна Тихого океана намерены содействовать всеми силами полному осуществлению принятой Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Было обращено внимание на продолжающиеся попытки империалистических, милитаристских кругов навязать отдельным народам азиатско-тихоокеанского региона такие договоры и соглашения и такой статус, которые привязали бы их к империалистическим державам. Делегаты осудили намерение империалистических кругов продолжать использовать район Тихого океана для размещения своих военных баз и строительства полигонов для испытаний современных видов оружия (например, в Микронезии), как противоречащее прежде всего интересам самих народов бассейна Тихого океана и направленное против тех стран, которые проводят миролюбивую политику.

Отмечалось также, что дальнейшее развитие народов бассейна Тихого океана по пути независимости, экономического, социального и культурного прогресса, по пути избавления от военных баз и иностранного военного присутствия может внести существенный вклад в обеспечение мира в Тихоокеанском бассейне, в формировании отношений дружбы и всестороннего сотрудничества между всеми без исключения государствами и народами в этом важном районе мира.

Молодые участники семинара выразили свою горячую солидарность с молодежью и народом Чили, ведущим героическую борьбу против военно-фашистской хунты за свободу и демократию в стране.

Серьезный и заинтересованный состоялся на III Международном семинаре в Находке разговор о роли молодежи в охране и рациональном использовании ресурсов Тихого океана. Тон обсуждению задали глубокие и содержательные лекции, прочитанные двумя крупными латиноамериканскими учеными Ф. Бенавидесом и Х. Консуэгро.

Во всех выступлениях присутствовала мысль о том, что решение проблемы охраны и рационального использования ресурсов в бассейне Тихого океана находится в тесной зависимости от установления стабильного мира, атмосферы доверия и сотрудничества. Причем оно не сводится лишь к технико-экономическим и технологическим аспектам, но затрагивает важные социальные стороны. Попытки решений, как показывает практика, тормозятся рядом социальных, международно-правовых, политических и культурных проблем. Поэтому выступления за охрану и рациональное использование ресурсов океана неизбежно выливаются в составную часть борьбы широких общественных слоев, озабоченных настоящим и будущим нашей планеты и выступающих за глубокие демократические преобразования общества. Было подчеркнуто, что одной из основных причин нерационального, хищнического истощения

естественных ресурсов выступает деятельность гигантских национальных и международных корпораций, наносящих особенно сильный ущерб развивающимся странам. Борьба против антисоциальной практики монополий и международных корпораций является существенным звеном на пути решения проблемы охраны и рационального использования ресурсов Тихого океана.

В этом плане весьма показательными явились выступления молодых представителей Канады и Мексики, которые на конкретных примерах показали, как американские монополии прибирают к рукам природные ресурсы двух соседних стран и промышленность, связанную с освоением богатств Мирового океана. Оба рассказали, как награбленные таким образом богатства суверенных государств увозятся на переработку в США, а затем вновь в виде готовой продукции, но уже по иным ценам возвращаются назад. Оба пришли к одинаковому выводу: экономическая зависимость порождает политическую.

Проблема охраны и рационального использования ресурсов Тихого океана приобретает особую актуальность по мере того, как современное экономическое развитие вовлекает в свою орбиту огромные ресурсы этого водного бассейна. От бережного отношения к богатствам Тихого океана, обогнавшего ныне Атлантику по количеству вылавливаемой рыбы и других обитателей вод, в значительной мере зависят перспективы развития стран этого региона и в конечном счете всей нашей планеты.

Вместе с тем отмечалось, что бесконтрольное увеличение добычи морских продуктов со временем может привести к подрыву воспроизводства рыбы и морских животных. Рациональное использование биологических продуктов океана требует принципиальной перестройки отношений «человек — океан». В этом плане человечеству, по-видимому, предстоит сделать шаг, который в свое время был сделан на суше нашими далекими предками в период перехода от собирательства и охоты к культурному земледелию и разведению домашнего скота. Сегодня мы являемся свидетелями лишь первых усилий, предпринимаемых в этом направлении различными странами.

В выступлениях участников семинара звучала озабоченность по поводу продолжающегося загрязнения вод Мирового океана. Особые опасения вызывает рост нефте- и газоразработок в Тихом океане, которые при современных методах их ведения увеличивают опасность загрязнения океанических вод. Приводились такие примеры: в последние годы в воды Мирового океана выброшено от 3 до 10 млн. т нефти, а каждый литр нефти делает непригодным для какой-либо жизни 100 литров воды. В то же время подводная добыча «черного золота» стремительно растет и в 80-х годах, по подсчетам специалистов, составит 45% мировой добычи на суше.

В целом многие делегаты подчеркивали необходимость значительных усилий молодежных и студенческих организаций стран Тихоокеанского бассейна в деле пропаганды мероприятий по защите природы и активному участию молодежи и населения в национальных и международных кампаниях по защите океана.

Большое впечатление на присутствующих произвели выступления советских специалистов, рассказавших о широких мероприятиях, проводимых в СССР по охране окружающей среды, и в том числе Мирового океана. Целый ряд конкретных и содержательных докладов на эту тему был представлен молодыми учеными Дальневосточного научного центра АН СССР. Во всех докладах указывалось, что Советский Союз осуществляет широкое международное сотрудничество для решения проблемы загрязнения вод Тихого океана, а также вопросов рационального использования и воспроизводства его ресурсов. В частности, отмечалось, что помимо ряда общих международных программ, осуществляемого по линии ООН и ее специализированных организаций, Советский Союз является участником многих двусторонних и многосторонних соглашений и программ, касающихся охраны природы Тихого океана (например, по охране и воспроизводству ценных пород рыб и видов морских животных в северной части Тихого океана, по исследованию Японского моря, по исследованию природы цунами и др.).

Многие участники семинара призывали все страны бассейна Тихого океана, в особенности наиболее развитые, активизировать сотрудничество с наименее развитыми странами, в том числе не имеющими выхода к морю, в духе рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН, ЮНКТАД и в особенности Хартии экономических прав и обязанностей государств, прогрессивных положений решений VI и VII специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН, в поисках взаимоприемлемых решений прежде всего по таким вопросам, как обеспечение доступа этих стран к ресурсам Тихого океана; организация и проведение проектно-исследовательских работ по обнаружению, оценке и эксплуатации полезных ископаемых и других ресурсов морей и океанов; налаживанию комплексного технико-экономического содействия указанным странам по созданию промышленных и хозяйственных объектов по добыче ресурсов морей и океанов; согласование с учетом имеющихся возможностей таких условий передачи технических знаний по проблеме использования естественных ресурсов океана; создание различных технических центров для подготовки специалистов по ресурсам морей и океанов, а также оказание содействия при обучении и повышении квалификации специалистов из указанных стран.

Участники встречи в Находке обсудили вопросы молодежного и студенческого сотрудничества в бассейне Тихого океана и перспективы его развития. Было высказано мнение о том, что развитие сотрудничества

между молодежными и студенческими организациями способствует росту взаимопонимания, расширению опыта и объединению усилий в общем движении народов за мир, безопасность, национальную независимость, сотрудничество и социальный прогресс, за права молодежи, полноправное ее участие в общественной жизни своих стран. При этом подчеркивалось, что общее изменение международного климата, укрепление позиций сил мира благоприятно сказывается на ходе развития молодежного движения в странах бассейна Тихого океана. Выявляется общая тенденция — активизация деятельности молодежи и студентов внутри стран, повышение их интереса к международным событиям, к жизни своих сверстников в других государствах.

Участники семинара наметили конкретные задачи молодежи стран Тихоокеанского бассейна по налаживанию широкого и многостороннего сотрудничества. Они указали, что общей платформой действий должно стать движение за превращение Тихого океана в зону мира, безопасности и сотрудничества, за обуздание гонки вооружений и прекращение испытаний ядерного оружия в этом районе. Другим важным направлением молодежного сотрудничества должно стать широкое и активное движение в поддержку борьбы за экономическую независимость развивающихся стран, за их равноправные торгово-экономические отношения с развитыми капиталистическими странами.

Делегаты рассмотрели также вопросы, связанные с участием молодежи и студентов в деле дальнейшего развития экономического, научно-технического и культурного сотрудничества стран бассейна Тихого океана. Было высказано мнение о необходимости налаживания широкого обмена информацией между молодежными организациями региона. В выступлениях участников указывалось, что уже сегодня имеется возможность для практического осуществления задач регионального сотрудничества в таких областях, как охрана окружающей среды, ликвидация неграмотности, проведение тематических фестивалей, развитие молодежного туризма, спортивный обмен и др.

Находкинский семинар подсказал и новые формы сотрудничества молодежи на региональной основе. Так, с большим интересом было встречено сообщение американской аспирантки Сюзанн Стаффорд о ее проекте освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока СССР силами стран бассейна Тихого океана на взаимовыгодных началах. Несмотря на известную абстрактность этого сообщения, многие его идеи совпадали с мыслями, высказанными ранее в лекции одного из руководителей Приморского края К. М. Харчева. В этой лекции указывалось, что советское Приморье — край богатейших природных ресурсов — леса, угля, цветных металлов, рыбы и морепродуктов. Более 50 стран стали ныне покупателями товаров Приморья, среди них все социалистические страны, Япония, США, Канада, Мексика,

Австралия, Шри Ланка, Индия, Бангладеш, Таиланд и др., причем на долю стран бассейна Тихого океана по стоимости приходится около 90% экспортных поставок. Основными статьями экспорта Приморья являются: рыбные товары, продукты морского промысла, лесные товары, пушнина, химические продукты, цемент, машины и оборудование, продукты тибетской медицины. В свою очередь Приморский край довольно широко использует в хозяйстве импортные товары, в том числе машины и комплексное оборудование.

Как подчеркивалось в выступлении К. М. Харчева, экспортные и импортные возможности Приморья в ближайшие годы значительно возрастут. Существенно увеличена пропускная способность морских портов и ведется строительство новых. Среди них крупнейший порт страны — Восточный, по соседству с городом Находкой, первая очередь которого уже действует. Специализированные причалы и пирсы в этом порту будут перерабатывать в год десятки миллионов тонн леса, угля, технологической щепы, генеральных грузов. В порту можно будет вести погрузку судов водоизмещением в сто тысяч тонн.

Большое влияние на развитие морского транспорта окажет строящаяся Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, крупнейшая молодежная стройка нашей страны.

На Дальнем Востоке будет развиваться трубопроводный транспорт. В перспективе предстоит осуществить строительство газопровода к портам и промышленным центрам южной части Дальнего Востока для подачи

газа на экспорт и для внутреннего потребления.

В том, что характерными чертами советского Дальнего Востока являются динамичная экономика, интенсивно развивающиеся научные исследования, растущий уровень культуры и благосостояния трудящихся, участники семинара могли убедиться вочию, посетив промышленные предприятия, научные и культурные учреждения городов Хабаровска и Находки, суда Дальневосточного пароходства, порт Восточный и находкинский порт. Были также организованы пресс-конференции, на которых выступали руководители Дальневосточного пароходства, внешнеторговой конторы «Дальинторг», горисполкома города Находки.

По мнению всех участников III Международного семинара молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, его работа была весьма плодотворной, способствовала углублению взаимопонимания и сотрудничества между молодежными, студенческими и другими общественными организациями бассейна Тихого океана в интересах обеспечения мира, стабильности и безопасности в этом важном районе мира.

Учитывая плодотворные результаты трех проведенных международных семинаров и их очевидный вклад в конструктивные поиски расширения и углубления этого сотрудничества, участники семинара высказались за то, чтобы сделать эти семинары традиционными.

Д. Т. Капустин

ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Издание журнала, который выходит на русском, английском и японском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока. Вы можете подписаться на журнал в любое время и получать его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758

Сдано в набор 5/X 1976 г. Подписано к печати 5/XI 1976 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5³/₄. Печ. л. 16.1. Уч.-изд. л. 16.7.
Изд. № 23178. А 15105. Заказ 2388. Цена 50 коп. Тираж 20.570 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Чехов Московской области